

ВСЁ-даже свою жизнь!

ВСЁ-

даже СВОЮ ЖИЗНЬ!

Сборник документальных
и художественных материалов
о героях народов
разных стран —
борцах за свободу
и независимость
родины
против фашизма,
неофашизма,
империалистического
диктата
и колониализма

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

**Советский Союз —
на стороне государств и народов,
отражающих атаки
агрессивных сил империализма,
отстаивающих свою свободу,
независимость
и национальное достоинство.**

**ИЗ ПРОГРАММЫ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

Эрнст Тельман
Юлиус Фучик
Камило Сьенфуэгос
Франк Паис
Эрнесто Че Гевара
Карлос Фонсека
Амадор

Сальвадор Альенде
Пабло Неруда
Виктор Хара
Луис Альберто
Корвалан
Патрис Лумумба
Эдуардо Мондлане
Нельсон Ролихлахла
Мандела

Всё

даже свою жизнь!

Сборник документальных
и художественных материалов
о героях народов
разных стран —
борцах за свободу
и независимость родины
против фашизма,
неофашизма,
империалистического
диктата и колониализма

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1987

(С6)
В 84

Составитель
А. А. СОСНОВСКИЙ

Подбор
документального
материала,
макет
и оформление
художника
Л. ГЕРАСИМУК

В 4803020000—305 474—87
М101(03)87

© Состав, предисловие, оформление, переводы
и произведения, отмеченные звездочкой.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

ПАМЯТЬ НАРОДОВ

В древности люди полагали, что герои рождаются от бога или богини и смертного человека. Средневековые эпопеи приукрашивали подвиги героев сверхъестественными событиями, чудесами. В нашу эпоху героями становятся простые люди, дети народа, но их подвиги превосходят деяния героев легенд и сказаний былых веков.

Книга, которую вы держите в руках, рассказывает не о Геракле или Ахилле. Она — о наших современниках, высшей гордостью которых было служение народу, борьба за его свободу и национальную независимость. Мы, чилийцы, глубоко тронуты тем, что в этой книге нашлось место для наших дорогих товарищей — Сальвадора Альенде, Пабло Неруды, Виктора Хары и Луиса Альберто Корвалана. Они — рядом с героями-антифашистами Германии и Чехословакии, героями Кубы, Никарагуа и других латиноамериканских стран, борцами за свободу Африки. Все люди, образы которых встают с этих страниц, самоотверженно и бесстрашно выполняли свой гражданский и человеческий долг, они были настоящими борцами.

Наполеон говорил в свое время, что каждый из его солдат носит в походном ранце маршальский жезл. Он имел в виду, что солдаты могли получить маршальский чин, если мужеством и отвагой они заслужат столь высокое воинское отличие. Сегодня у нас гораздо больше оснований говорить, что каждый юноша и каждая девушка могут стать героями своего народа, если они включатся в великую борьбу за свободу, независимость, мир, прогресс и социализм.

Такова правда эпохи, которую открыла народам Великая Октябрьская социалистическая революция, эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму во имя самой благородной и гуманной цели — освобождения людей от всяческой эксплуатации.

В Советском Союзе за это боролись миллионы героев, личность каждого из которых воплотила самые ценные, чистые и привлекательные человеческие качества.

При всем различии конкретных обстоятельств борьбы в разных странах и в разные времена, борьбы Тельмана и Че Гевары, Фучика и Сьенфуэгоса, Лумумбы и Фонсеки, их объединяет то, что все они — патриоты-интернационалисты. Их жизнь стала подвигом во имя всего человечества, потому что

борьба против фашизма, колониализма, империализма и реакции, в какой бы части света она ни велась, — это в конечном счете борьба во имя Человека.

Есть и другая общая черта, роднящая героев всех стран и народов. Мы, близко знавшие чилийцев, о которых идет речь в этой книге, работавшие бок о бок с ними, можем откровенно сказать читателю, и то же самое сказали бы друзья и товарищи других героев, что величие судеб Сальвадора Альенде, Пабло Неруды, Виктора Хары и Луиса Альберто Корвалана стало возможным потому, что рядом с ними были и есть тысячи и тысячи героев, может быть, не столь известных, но тоже не менее великих в подвиге своем. Они рождены народом, всем обязаны народу и навечно сохраняются в благодарной памяти народа, в каждой нашей победе завтрашнего дня.

Орландо Мильяс,
член Политкомиссии и Секретариата Центрального Комитета
Коммунистической партии Чили

Ф а й я д Х а м и с

(КУБА)

ЗА ЭТУ СВОБОДУ

Мануэлю Наварро Луне

За эту свободу петь под проливным дождем
ты должен отдать все!
За эту свободу чувствовать, как к твоему плечу
прижалось твердое и теплое плечо народа,
ты должен отдать все!
За эту свободу раскрыться душой, как цветок на заре
                                громыхающих фабрик, и освещенных школ,
и хрустящей под плугом земли, и детей,
улыбающихся во сне,
ты должен отдать все!
Нет иного выхода, кроме свободы,
нет иного пути, кроме свободы,
нет иной родины, кроме свободы,
не будет стихов без оглушительной музыки свободы!
За эту свободу, повергающую в трепет
тех, кто извечно ее попирал
ради своей нищеты кичливой;
за эту свободу — вечную ночь для угнетателей
и бесповоротный рассвет для всего народа, который
                                уже нельзя победить;
за эту свободу, которая осветила запавшие щеки,
босые ноги,
дырявые крыши,
голодных детей;
за эту свободу, за юности царство;
за эту свободу,
прекрасную, как мир,
ты должен отдать все,
все, чего она потребует!
Все — даже тень свою!
В С Е — Д А Ж Е С В О Ю Ж И З Н Ы!

Каждый,
кто был
верен будущему
и умер за то,
чтобы оно
было прекрасно,
подобен изваянию,
высеченному
из камня.

Юлиус Фучик

Эрнст ТЕЛЬМАН

Юлиус ФУЧИК

В СМЕРТЕЛЬНОЙ СХВАТКЕ С ФАШИЗМОМ

Эрнст ТЕЛЬМАН

**...я верю в торжество правды, и эта вера
поддерживает меня в тех испытаниях, через
которые мне приходится теперь проходить...**

Эрнст Тельман

ЭРНСТ ТЕЛЬМАН

Эрнст Тельман — выдающийся деятель германского и международного рабочего движения. Родился 16 апреля 1886 года в Гамбурге. В 1903 году вступил в Социал-демократическую партию Германии, был одним из организаторов молодежного профсоюзного движения в Гамбурге. Накануне первой мировой войны Тельман боролся против оппортунистической политики профсоюзных и социал-демократических деятелей, разделяя в важнейших вопросах классовой борьбы позицию К. Либкнехта и Р. Люксембург. Во время войны находился на фронте. За революционную деятельность в армии подвергался преследованиям.

Великая Октябрьская социалистическая революция определила цель и направление дальнейшей борьбы Тельмана. Он активно участвовал в Ноябрьской революции 1918 года в Германии. Летом 1921 года в качестве делегата Третьего конгресса Коминтерна впервые посетил Советскую Россию. Огромное впечатление произвели на него достижения советского рабочего класса и партии большевиков. Тельман стал горячим поборником дружбы с СССР.

Тельман играл руководящую роль в Гамбургском восстании 1923 года. В 1925 году был избран председателем ЦК Коммунистической партии Германии. Выдвинул задачу превращения ее в целеустремленную, единую, дисциплинированную, тесно связанную с массами марксистско-ленинскую партию.

В 1925 и 1932 годах кандидатура Тельмана выдвигалась на выборах президента страны. Он был одним из лучших агитаторов партии, подлинным народным трибуном, пользовавшимся большим уважением широких масс трудящихся.

В мае 1932 года по инициативе Тельмана было организовано движение антифашистского действия, направленное на достижение единства рабочего класса и объединение всех антифашистских демократических сил против установления фашистской диктатуры.

В 1933 году, после установления фашистской диктатуры, Тельман ушел в подполье, где продолжал борьбу. 3 марта 1933 года был арестован гестаповцами. Первоначально Тельман содержался в берлинской тюрьме Моабит (1933—1937), затем в тюрьмах Ганновера (1937—1943) и Бауцена (1943—1944). Через свою жену Розу Тельман и дочь Ирму поддерживал связь с ЦК Коммунистической партии Германии, передавая важные указания и информацию, в которых проявлялась несгибаемая стойкость коммуниста, борца против империализма и фашизма, великая вера в силу рабочего класса, любовь к Советскому Союзу и неуклонная верность пролетарскому интернационализму.

В августе 1944 года Тельман был доставлен в концлагерь Бухенвальд и убит по прямому приказанию Гитлера и Гиммлера.

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА

(Ответы на письма
товарища по тюремному заключению в Бауцене)

Январь 1944 года

Теперь ты, вероятно, хотел бы узнать также кое-что о моей жизни в заточении. Не хватило бы большой книги, чтобы полностью описать все переживания и события. Поэтому я намерен отобрать лишь отдельные эпизоды и основные обстоятельства и ознакомить тебя с ними.

3 марта 1933 года я был арестован в Берлине, в комнате, которую снимал у одного инвалида войны. У него я обычно останавливался в Берлине. Отряд полицейских с револьверами в руках — 20 рядовых во главе с лейтенантом — вломился в квартиру и ринулся в мою комнату. На меня надели наручники. Затем — в машину и в ближайший полицейский участок, а оттуда под охраной особой полицейской команды — в берлинский полицей-президиум на Александер-плац. Краткий допрос. Никаких показаний. 5 часов ожидания. Наконец я был водворен в камеру тамошней полицейской тюрьмы. В течение всего времени моего пребывания там к моей двери то и дело подходили молодчики из пресловутых команд охранников, которые угрожающим тоном заявляли мне, что настанет момент, когда они вытащат меня из камеры, и тогда пробьет мой последний час.

Из этой тюрьмы я отправил письменное заявление генеральному прокурору имперского суда с прось-

бой назначить по моему делу ускоренное следствие, поскольку я не знаю за собой никаких наказуемых деяний. Этот шаг я предпринял для того, чтобы во всяком случае воспрепятствовать моему переводу в концлагерь.

Это удалось: 23 мая 1933 года я был переведен в старый Моабит, в берлинский дом предварительного заключения. Два с половиной года я находился под следствием в предварительном заключении; в течение этого времени допрашивался четырежды следователями, иногда по 10 часов ежедневно...

Невзирая на это, я держал себя как революционер. Как вождь коммунистического движения, я защищал все решения ЦК партии, а также Коммунистического Интернационала и принял за все это на себя полную ответственность. Я энергично отбил все попытки заставить меня назвать или выдать имена партийных деятелей и работников. Проявляя твердость характера, я действовал так, как требовало чувство долга. Следовательно, несмотря на всевозможные уловки и ложь, не удалось на протяжении всех допросов заманить меня в ловушку или вынудить меня стать предателем по отношению к моим соратникам и к делу коммунизма. При этом дело доходило часто до резких сцен и острых стычек, что затягивало допросы. После того как следователи

потерпели неудачу в своих попытках получить от меня нужные им признания, они прибегли к помощи гестапо.

В январе 1934 года четыре гестаповских чиновника в автомобиле доставили меня из Моабита в центральное гестапо (Берлин, Принц-Альбрехтштрассе). Прямо из машины меня провели в комнату, находившуюся

Эрнст Тельман
в школьные годы.

Э. Тельман во главе
колонны
демонстрантов
в Берлине.

на четвертом этаже. Там меня встретили восемь гестаповских чиновников среднего и высшего ранга, которые издевательски подняли кулаки на манер приветствия «Рот Фронт!».

Описать, что затем произошло в этой комнате на протяжении четырех с половиной часов — от 5 до 9 часов вечера, — почти невозможно. Ко мне были применены все самые жестокие методы принуждения, которые можно только себе представить, чтобы любым образом вынудить признание и получить данные о товарищах, которые были арестованы до меня, а также об их политических действиях. Гестаповцы начали с фамильярного тона, так как я знал некоторых из этих молодчиков еще со времени существования политической полиции Зеверинга, с уговоров и так далее, чтобы в ходе такой беседы что-нибудь выведать о ком-нибудь из товарищей или о чем-либо другом, что их интересовало.

Этот маневр не имел никакого успеха. Тогда последовало применение грубой физической силы. У меня были выбиты четыре зуба. Это также не дало никаких результатов.

Третьим актом был гипноз, который, однако, на меня не подействовал, — эта попытка разбилась о мою тогда еще очень крепкую нервную систему. Хотя гипнотизер почти 45 минут производил вокруг меня свои манипуляции, я сохранял полное спокойствие и ясность мысли. Так прошло три с половиной часа. Однако кульминационным пунктом этой драмы был заключительный акт. С меня сорвали одежду. Два гестаповца положили меня поперек

табурета. Один из них принялся равномерно избивать меня тяжелой плетью из кожи бегемота. От боли я несколько раз вскрикнул.

Тогда меня заткнули рот, и удары посыпались на меня градом. Меня били по лицу кулаками, по груди и по спине плетью. Брошенный на пол, я лежал ничком, уткнувшись лицом в пол, и ни слова не отвечал на вопросы. Меня пинали ногами. Я все старался закрыть лицо. Я изнемогал. Сердце начало сдавать. Я уже ничего не видел и не слышал. К тому же меня мучила такая жажда, что изо рта шла пена, я почти задышался. Будучи в полубомбочном состоянии, я все же не терял сознания, но и не чувствовал уже никакой боли и думал только о том, как избавиться от этой пытки.

Внезапно в комнату вбежал человек и шепотом сказал, что уборщицы, как и другие присутствовавшие в здании люди, слышали громкие крики.

Он попросил быстрее кончить допрос. В 9 часов 30 минут вечера палачи кончили свою забаву. Мне перевязали полотенцем кровоточащие раны на голове, обернули разбитый затылок шарфом, приказали сесть на табурет, лицом к стене, пригрозив, что, в случае если я обернусь, будут немедленно стрелять. Два гестаповца направили на меня револьверы. Разумеется, я обернулся тотчас же, чтобы увидеть, что эти парни собираются делать со мной дальше. Но больше ничего не произошло. Из столовой вызвали официанта, который принес им поесть и выпить. Он с состраданием посмотрел на меня. Вслед за этим

меня спустили на лифте в подвал и заперли там в тюремную камеру.

***

Два борца, две судьбы, две жизни в заточении и два скорбных пути, и, однако, нас все же объединяет родство мыслей и целей, верность социалистической идее. То, что совместное заточение связывает людей друг с другом, — факт непреложный. Чувство такой тесной связи существует и еще больше углубилось и окрепло благодаря единодушию в нашем — хотя только письменном — обмене мнениями.

Какой дорогой жизни ты ни пойдешь в будущем, предпосылки твоего поведения заложены в твоем характере. Мы заглянули друг другу в сердце, не сведя личного знакомства. В поэме «Торквато Тассо» Гете сказал: «Талант рождается в тиши, характер — лишь в потоке жизни».

В романе «Годы учения Вильгельма Мейстера» говорится: «История человека — это его характер». И в нашем обычном словесном общении человек с характером — это значит: он что-то пережил и закален переживаниями, в нем есть нечто сильное, на что можно положиться.

Слово «личность» в немецком языке образуется от слова «лицо» и выражает нечто существенное в человеке, нечто большее, нежели только внешний облик.

Под личностью подразумевается человек, в котором есть что-то большое и значительное. Когда-нибудь слово «личность» приобретет примерно такое значение: характер и сово-

купность душевных качеств. Этим словом должны характеризовать человека, который целиком отдает свои силы на служение народу. Эта цельность характера является неотъемлемым качеством прогрессивной личности, ибо цену и масштаб личности определяет характер.

Что же наиболее характерно для личности? То, что человек в любой момент подчиняет все свое бытие идее, стремясь достигнуть чего-то высшего. История нашей жизни сурова, поэтому она требует человека всего целиком. Ты, я и все соратники в борьбе за наше великое дело, все мы должны быть сильными, стойкими, боевыми, уверенными в будущем, ибо быть солдатом революции — это значит хранить нерушимую верность делу, такую верность, которая

проверяется жизнью и смертью; это значит проявлять безусловную преданность, уверенность, волю к борьбе и энергию в любых ситуациях.

Пламя, которое озаряет наши сердца и наполняет наш дух, как яркий светоч ведет нас по полям битвы нашей жизни. Твердые характером и верные, уверенные в победе, только такими мы сможем повернуть нашу судьбу и выполнить наш революционный долг в той великой исторической миссии, которая на нас возложена, и добиться окончательной победы подлинного социализма.

*Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!*¹

ПИСЬМА ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА ИЗ ТЮРЬМЫ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ

Берлин, 1 мая 1933 г.

Мой дорогой отец!

Сегодня, в этот знаменательный день, богатый историческими воспоминаниями, шлю революционный привет тебе, моей Розе, Ирме, всем знакомым и друзьям. Для борца за свободу не позор и бесчестье, если в этот день он, как и многие тысячи других борцов, лишен свободы. Подобно тому как иногда лучи солнца упорно пробиваются сквозь мрачные тучи, закрывающие его, и в конце концов все озаряют светом, так спра-

ведливость и правда всегда будут продвигаться вперед и прокладывать новые пути в будущее.

Каждый, кто честно стремился исполнить свой долг, имеет и сегодня право на уважение. Сознание, что не делал ничего беспринципного и преступного, а также мужество, выдержка и надежда... служат мне здесь прочной опорой, помогают легче проводить порой ужасно монотонные часы в полной изоляции.

¹ Гете. Фауст. Часть вторая, акт пятый.

Эрнст Тельман
и Роза Тельман
в день свадьбы.
1915 г., январь.

Ко дню рождения я получил около 100 открыток только из одного моего родного города. Конечно, все с большим опозданием, но радость от этого не меньше. Из остальных городов Германии открыток мне не передали... Передай всем друзьям и школьным товарищам самую искреннюю благодарность за их поздравления. Твоя открытка была, конечно, особенно приятной и интересной.

Остаюсь с самым горячим сердечным приветом

твой любящий сын Э р н с т.

Привет Ирме и Розе.

Берлин, 5 апреля 1934 г.

Моя дорогая Роза!

Ты едва ли поймешь, почему я так долго молчал и не отвечал на твои последние письма. Даже мне очень трудно дать на это исчерпывающий и беспристрастный ответ. Беспокойство о вас, о будущем Ирмы и т. д., размышления о многом, что я пережил и сделал в последнее время, тоже способствуют тому, что я начинаю душевно страдать.

Пасха, праздник пробуждения природы... прошла здесь тихо, почти беззвучно. В страстную пятницу, в страстную субботу и оба дня пасхи здесь было очень спокойно, временами мертвая тишина, только иногда услышишь хлопанье форточки или глухой стук закрываемых тюремных дверей. На дворе обычное чириканье воробьев, и лишь изредка черный дрозд пропоет свою знакомую песню. В первый день пасхи, после обеда, безоблачное небо заполнили самолеты,

и их гудение, длившееся несколько часов, прервало безмолвную тишину. В самой камере полнейшее одиночество: порой в полдень маленький, безобидный и усердный паук повиснет в желтых, как колосья, лучах солнца между железными прутьями решетки и плетет свою паутину. Отрезанный почти от всех людей, подвергнутый долгой изоляции, вдали от жизни немецкого народа, живу и прозябаю здесь.

Я знаю, что ты прекрасно понимаешь мое положение... При этом я всегда восхищаюсь тем несгибаемым мужеством, с которым ты, полная надежды, смотришь в будущее, спокойно и твердо переносишь многочисленные страдания, выпавшие на твою долю. Мужество, надежда и внутренняя стойкость в подобных обстоятельствах — неоценимые факторы для укрепления человеческой воли и силы. Отраднo, что ты умеешь так смело и мужественно переносить свою судьбу.

От всего сердца шлет тебе особенно большой привет
твой любящий Э р н с т.

Берлин, 13 января 1935 г.

(Из письма
Э. Тельмана
жене Розе)

Есть страна, представляющая славное исключение во всем мире; в ней нет никаких проявлений распада (можно говорить о трудностях роста и затруднениях с продовольствием), покончено с безработицей, не происходит правительственных кризисов — это социалистический Совет-

ский Союз. При неуклонно усиливающимся промышленном развитии, ускоренном повышении технического уровня и механизации сельского хозяйства, при непрерывном строительстве новых гигантских центров производства производственная мощь советской промышленности все еще недостаточно велика, чтобы удовлетворить бурно растущие запросы и потребности этой державы-гиганта. Несмотря на очень большую занятость женщин и девушек в промышленности и сельском хозяйстве, во всей стране чувствуется заметный недостаток рабочей силы. Чем объясняется это «чудо»? Что изменилось в этой стране с 1917 года? Ответ на эти вопросы, решение этой «загадки» вот в чем: такое развитие страны стало возможным и было достигнуто только благодаря свержению капитализма. Рабочие доказали, что они не только способны уничтожить капитализм, но и обладают творческими способностями, чтобы овладевать прогрессом, добиваться новых выдающихся успехов во всех областях науки, с ее помощью строить социализм, открывать перед всеми трудящимися величайшие возможности свободной и счастливой жизни, создавать новую, социалистическую культуру и воздвигать бесклассовое общество.

Когда я перед войной впервые посетил Соединенные Штаты Америки, то изумился их высокому промышленно-техническому прогрессу по сравнению с индустриальным развитием Германии. Когда же в 1920 году я в первый раз приехал в Советскую Россию, то был поражен технической отсталостью этой страны по

сравнению с индустриальным прогрессом Германии. Однако уже несколько лет спустя уровень промышленности, а вместе с тем и жизни народа там изменились, обнаруживая все больший прогресс... Система за это время не изменилась, но развитие по социалистическому пути придавало стране все возрастающую силу и значение. Теперь, в 1935 году, можно говорить о «чуде» XX века, если объективно и без слепой ненависти рассматривать развитие этой страны.

Это «чудо», свершившееся в одной из прежде самых отсталых стран, стало возможным только в результате победы рабочего класса в союзе с трудовым крестьянством и интеллигенцией, с учеными, которые охотно поставили себя на службу новой власти. Большевицкая партия и ее мировоззрение завоевали себе могучие позиции в Советском государстве и в русском народе. Весь народ является ныне источником силы этой страны.

Партия развила творческую инициативу миллионных масс, их социалистический трудовой энтузиазм, их героизм. Она построила тяжелую индустрию — фундамент социализма. В результате социалистической индустриализации сельского хозяйства партия положила начало глубочайшей аграрной революции в мировой истории. Она организовала социалистическую культурную революцию на одной шестой земного шара...

---

*Берлин (конец октября —
начало ноября 1936 г.)*

*(Из письма Эрнста Тельмана
дочери Ирме)*

...Хотя сегодня в Германии наше имя и ставится вне закона, я все же знаю, что многие люди называют и слышат его с радостью. Ты — единственный ребенок человека, который всю свою жизнь отдал рабочему движению, и ты должна жить так, чтобы, как девушка, как моя дочь, была достойной этого. Вскоре задачи, которые ставит жизнь, будут предъявлять тебе более суровые требования, и в борьбе за их решение ты узнаешь сильные и слабые стороны своего характера. Высшим законом в этой борьбе всегда является нравственная стойкость и принципиальная выдержанность. Без этого не может быть успешного развития и продвижения к лучшему будущему. Это — железный закон. Относись с глубоким уважением к наставлениям своей матери. Старайся критически разбираться во всех впечатлениях, которые ты получаешь, и сообразуй их со своим чувством

и рассудком. В пору моей юности самые незначительные переживания тоже часто направляли мои поступки. Но великие события и факты еще в ту пору навсегда глубоко запали мне в душу и определили мою позицию в обществе.

Крупная забастовка портовых рабочих в Гамбурге перед войной была той первой социально-политической битвой, которая навсегда запечатлелась в моем сердце. Процесс Дрейфуса во Франции, англо-бурская война — эти события оказали большое влияние на формирование моей будущей жизни и деятельности. Читая произведения наших великих поэтов — Гете, Шиллера, Лессинга и нашего Фрица Рейтера. И если тебя захватит идея, воодушевься ею. Ибо Человек должен обладать способностью воодушевляться. Иначе где же ему взять силу для того, чтобы бороться и уметь понимать других людей?.. Я не могу находиться рядом с тобой и вести и направлять тебя, но мысленно я всегда с тобой и сопровождаю тебя в пути...

Р а л ь ф Ц а н

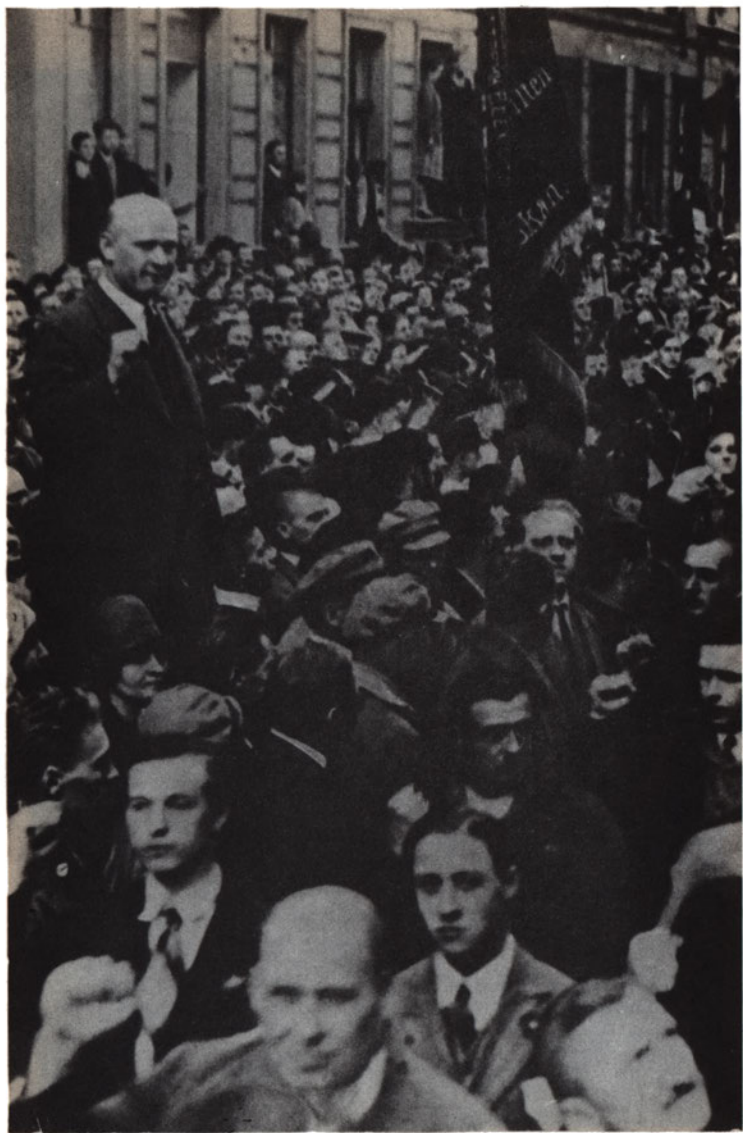
ОН НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК!

В марте 1932 года Германия готовилась к выборам президента. Рабочие выдвинули кандидатуру Эрнста Тельмана.

Как раз в эти дни я встретил на улице Гамбурга старого знакомого, с которым некогда учился в одном

классе. Теперь он служил в банке. Я не видел его много лет, но слышал стороной, что он стал типичным представителем того сословия, которое у нас в шутку именуется «пролетариатом в стоячих воротничках». После обычного обмена приветствиями

Эрнст Тельман
на митинге
в Берлине.
1929 г.

он с необычной для него горячностью спросил:

— Ты уже решил, за кого будешь голосовать тринадцатого марта?

— Конечно, решил, — начал я, собираясь произнести небольшую предвыборную речь, — и мой кандидат...

Но он тут же прервал меня и, схватив за ладан, воскликнул:

— Тельман! Ты должен голосовать за коммуниста Эрнста Тельмана! Он настоящий человек!

Я еще больше изумился и уже хотел съязвить по поводу такого неожиданного поворота во взглядах моего приятеля, но прервать его оказалось невозможным.

— Речь может идти только о Тельмане. Я его знаю! И я заверяю тебя — это настоящий человек. — Он с шумом перевел дыхание и продолжал: — Представь себе! Захожу в субботу в парикмахерскую. Народу, как всегда вечером, тьма! Занимаю очередь. Впереди меня, за два стула, сидит человек в обычном наряде рабочего в канун праздника. Чистая белая рубашка, рукава засучены. Его могучая голова с широким лбом сразу привлекла мое внимание, а из больших искренних, ясных глаз струилось какое-то доброе спокойствие. Сидит он и читает газету, временами поглядывая на своих соседей. Но вот подходит его очередь, и парикмахер зовет:

«Ваша очередь, господин Тельман! Вам и так слишком долго пришлось ждать».

Я так и подпрыгнул на стуле. Так это, оказывается, Эрнст Тельман, тот самый человек, который через не-

сколько недель может стать президентом Германии!

Прошел он мимо меня, сел в кресло и громко и отчетливо сказал:

«Я могу подождать так же, как и другие. Ведь сегодня суббота, и всем хочется поскорее навести красоту. Самое важное, чему должен научиться каждый, — никогда никто из нас, рабочих, не должен лезть вперед, отталкивая других локтями».

Тут, — продолжал мой приятель, и голос его чуть не сорвался от волнения, — вдруг завязалась дискуссия. Послушал бы ты, как уверенно, просто и ясно излагал Тельман свою точку зрения. Я теперь хорошо понимаю, почему мы, трудящиеся, не должны надеяться на чудо или на какого-либо «сильного человека». А ведь со мной до сих пор еще никто так не разговаривал. Ему задали столько вопросов, и ни один не остался без ответа. Даже над глупостями — а кое-кто там болтал и глупости — он посмеивался не обидно, а как-то добродушно. Правда, в парикмахерской я просидел много дольше, чем рассчитывал, но и те, кто уже побрился, тоже не уходили. В конечном счете в парикмахерской возник предвыборный митинг. А главным докладчиком был сам кандидат в президенты. И я решил, что свой голос отдам только за Эрнста Тельмана!

Я с удовольствием выслушал своего приятеля и был избавлен от

Эрнст Тельман
выступает
на предвыборном
митинге
в Лейпциге. 1932 г.

необходимости сам произносить предвыборную речь в пользу Тельмана.

А 13 марта 1932 года, несмотря на фашистский террор и полицейские ограничения, несмотря на грязную

клевету всей правой печати, пять миллионов немецких трудящихся отдали свои голоса вождю Коммунистической партии Германии. В тех условиях это был замечательный успех!

Карл Векен

ТЭДДИ ЗДЕСЬ!

В корпусе «С» следственной тюрьмы Моабит, в полуподвальном этаже, слева от входа находилась камера для особо опасных преступников. Дверь камеры — бронированная и с двумя замками, а на окнах двойная решетка. В этой камере провел несколько лет в одиночном заключении товарищ Тельман.

А 19 февраля 1934 года в моабитскую тюрьму, в тот же корпус «С», доставили и меня, с кровавыми рубцами на спине от гестаповских хлыстов. Моя камера за номером СП 400, вторая от входа, справа, но на третьем этаже.

Едва только дежурный захлопнул за собой дверь, как слева раздался стук. Какой-то заключенный спрашивал: «Кто ты?» Я простучал свое имя и был несказанно удивлен, когда узнал, что мой сосед — товарищ, с которым мы не раз встречались на собраниях, учитель Свантис.

Следующее переданное через стенку сообщение еще больше меня удивило: «Тэдди здесь!» Я находился в одной тюрьме с мужественным вождем нашей партии.

Уже на следующее утро мне удалось его увидеть. Ветви липы скрывали мое окно от часового, стоявшего на другом конце двора, но, правду сказать, я и не думал о том, что нарушаю одно из наиболее строгих правил тюремной дисциплины: «Не выглядывать из окна». Обходя двор в третий раз, Тэдди заметил меня. Я поднял кулак. Он, в свою очередь, тоже поднял руку, как бы для того, чтобы почесать голову, и при этом на какие-то две секунды тоже сжал пальцы в кулак. «Держись, товарищ!» — эти слова, вероятно, одновременно пришли нам обоим на ум. По крайней мере, лицо его просветлело, а большие голубые глаза дружески заулыбались.

Товарищу Тельману разрешалось дважды в день выходить на прогулку. Едва он появлялся во дворе, как его взгляд устремлялся к моему окну, и мы снова и снова обменивались приветствием. Тельман делал вид, что отмахивается от мух, и при этом каждый раз сжимал руку в кулак.

Часто бессонными ночами я мысленно видел перед собой Тэдди в его

одиначной камере с двойными решетками на окнах. И я уверен, что и он думал порой о своем юном товарище по заключению. Правда, он едва ли мог меня рассмотреть, но мой сжатый кулак являлся для него как бы символическим приветствием от миллионов коммунистов всего мира.

Так продолжалось восемь месяцев, после чего начались мои странствия. Лагеря, тюрьмы, неудачный побег,

закончившийся авиационной катастрофой и моим тяжелым ранением, и, наконец, еще четыре года концлагеря.

Но где бы я ни был, передо мной всегда был товарищ Тельман. Я видел его, исхудавшего, но гордого и смелого, твердой, решительной походкой мерившего тюремный двор. Его взор всегда был устремлен вперед, словно он видел перед собой ясную цель — нашу конечную победу!

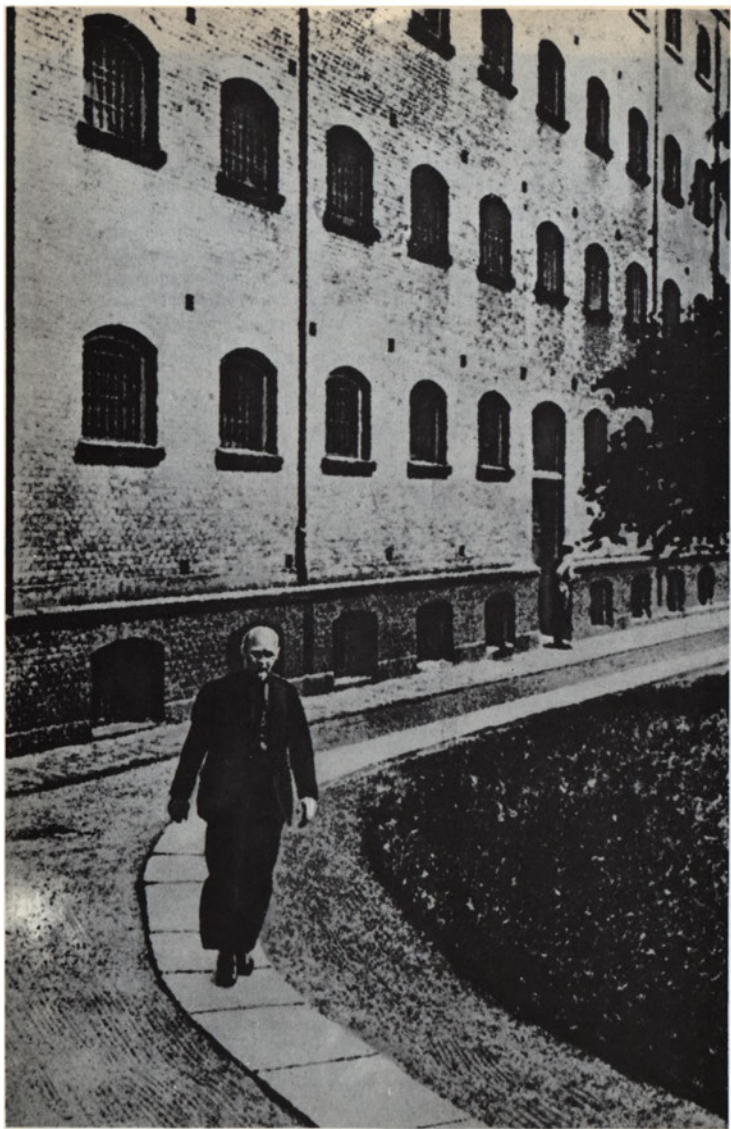

Рудольф Леонгард

УЗНИК

Томится узник в камере угрюмой
Шесть долгих лет, шесть лет
  подряд.
Шаги тюремщиков за дверью
  прозвучат —
И снова тишина: ни голоса,
  ни шума,
Ни слова от друзей. И медленно
  ползет
Тюремный день за днем, а там —
  за годом год.
Молчат, молчат глухие стены здания,
И лампочка молчит под потолком,
И номер камеры, прибитый над
  глазком...
Предательское, черное молчанье.
И все же ни одно из всех людских
  имен
Сегодня так над миром не грохочет,
Как имя узника, того, что днем
  и ночью

В тюремное молчанье погружен.
Оно гремит слышней набатных
  звонov,
Оно зовет в листовках со стены.
К этой камере глухой устремлены
Умы, сердца и взоры миллионов.
И в одиночке он не одинок —
  мы с ним.

Он гордо возвышается над веком.
И молкнут судьи перед человеком,
Которого они сочли немым.
Будя людей призывами своими,
Он ясный путь указывает нам.
И, рано просыпаясь по утрам,
Мы первым произносим это имя:
  — Тельман!

Концлагерь, Верне, 1939

Вальтер Бартель

УБИЙСТВО

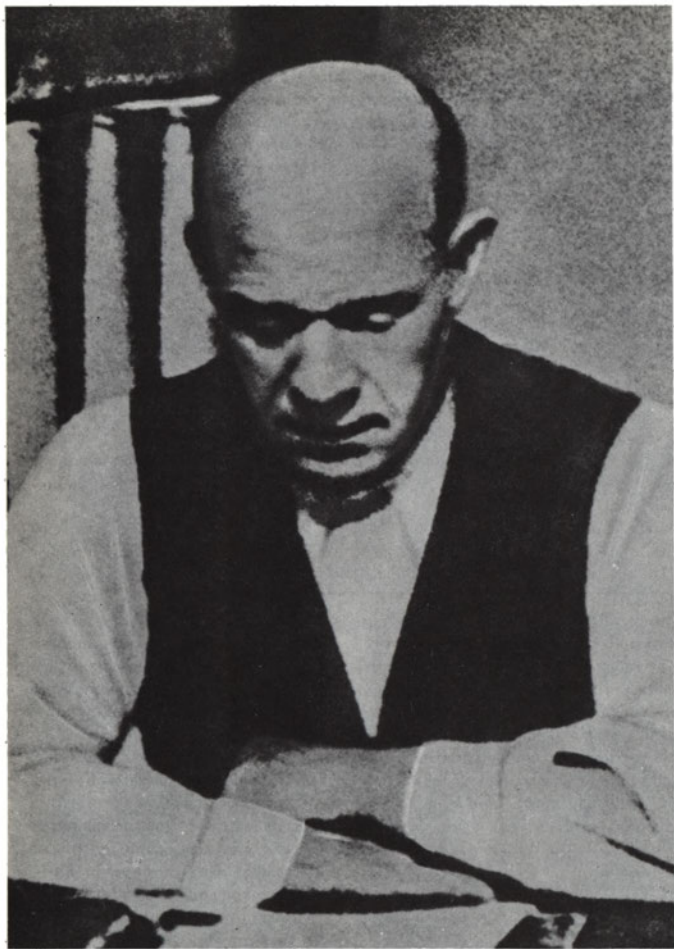
Август 1944 года. Победоносная Советская Армия наносила фашистам одно поражение за другим. Советские бойцы приближались к германской границе. Было ясно, что недалек тот день, когда окончательно рухнет кровавый гитлеровский режим. Но главарь нацистов стремились увлечь за собой в пропасть весь немецкий народ. Специальные подразделения эсэсов-

цев подрывали мосты, газовые магистрали, водопровод, электростанции, уничтожали транспорт и запасы продовольствия. Позже, во время штурма Берлина, нацисты затопили водой тоннели метро — там погибло много стариков, женщин, детей, искавших убежища от бомбардировок. Задыхаясь от бессильной ярости, гитлеровцы делали все, чтобы оставить после себя одни развалины и пепел.

Сознавая, что их последний час уже близок, фашистские главарь решили расправиться с вождем немецких рабочих. Они хорошо понимали, что в Германии, освобожденной от ига

Э. Тельман
на прогулке во дворе
тюрьмы Маобит,
где его
продержали с мая
1933 до августа
1937 года.

нацизма, Эрнст Тельман укажет своим соотечественникам путь к мирной, счастливой жизни.

Известно, что Тельмана под конвоем вооруженных до зубов гестаповцев перевезли из Бауцена в концентрационный лагерь Бухенвальд. Свидетели, бывшие узники этого лагеря смерти, рассказали впоследствии, как было совершено подлое убийство.

17 августа 1944 года во второй половине дня позвонили из комендатуры лагеря и приказали подготовить печи крематория. После шести часов вечера появились двое эсэсовцев — Хофшulte и Отто, — которые недолго совещались о чем-то с обоими командофюрерами. Около 8 часов всех заключенных, работавших в крематории, загнали в подвал здания и заперли. О том, что произошло дальше, рассказал свидетель Згода:

«Я выбрался через отдушину из подвала и проник во двор крематория. Там я спрятался за кучей шлака. Я видел, как в крематорий один за другим прибывали эсэсовские начальники: оберштурмфюрер СС Густ, обершарфюрер СС Варнштедт, лагерный врач гауптштурмфюрер СС Шидлауски, обершарфюрер СС Бергер и унтершарфюрер Штоппе. Эсэсовцы находились все это время в канцеля-

рии крематория и оттуда часто выходили во двор — очевидно, посмотреть, не приехала ли ожидаемая машина. Несколько раз звонил телефон.

В ноль часов десять минут оба командофюрера крематория выбежали и отворили ворота, через которые во двор въехала большая легковая машина. Из нее вышли трое в штатском. Было ясно, что двое из них конвоируют третьего, находившегося между ними. Этим третьим был высокий, широкоплечий человек, обритый наголо. Я заметил это, так как он был без шляпы.

Тем временем все эсэсовцы вышли во двор и встали по обе стороны от входа в крематорий. Конвоиры пропустили заключенного вперед. Как только он, миновав живой коридор, вошел в крематорий, оттуда донеслись три выстрела.

Сразу же после этого все эсэсовцы и оба штатских вошли в крематорий и заперли двери. Спустя примерно три минуты прозвучал четвертый выстрел.

Прошло еще двадцать — двадцать пять минут, и во дворе появились Хофшulte и Отто.

— Знаешь, кто это был? — спросил Хофшulte у Отто.

— Еще бы! Главарь коммунистов, Тельман, вот кто! — ответил тот.

Вскоре ушли двое конвоиров в штатском, а с ними и остальные эсэсовцы. Тем же способом, что и прежде, я пробрался назад, в свой подвал. Вычищая на следующее утро печь крематория, я нашел там оплавленные карманные часы. По цвету

Эрнст Тельман
в своей камере
в ганноверской
тюрьме.
Эту фотографию
дочери Тельмана —
Ирме
удалось тайно
сделать во время
одного из свиданий
с отцом.

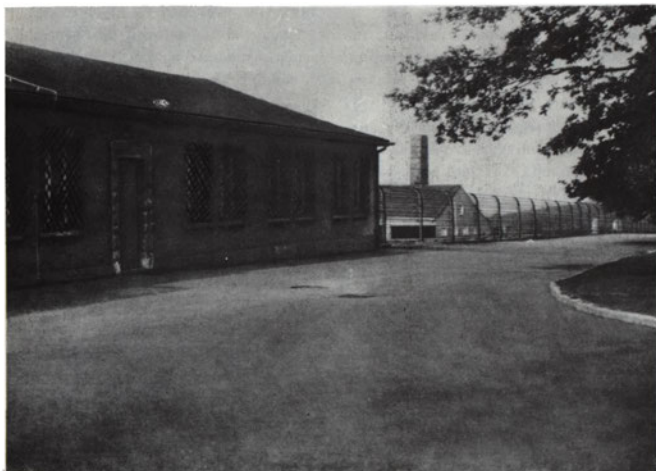
пещи в печи было видно, что убитого сожгли прямо в одежде...»

Нацисты так и не отважились провести открытый суд над Тельманом. Они были слишком трусливы для того, чтобы признаться в содеянном убийстве. Они надеялись скрыть свое преступление, распространив лживое сообщение, будто бы Тельман погиб во время налета англо-американской авиации.

Когда узники Бухенвальда узнали о подлome убийстве вождя немецкого рабочего класса, они решили, невзирая на опасность, торжественно по-

читать память Тельмана. Траурное собрание готовилось в глубокой тайне. Одно из помещений в подвале дезинфекционного отделения украсили черной и красной материей, повесили в траурном обрамлении портрет Тельмана. С опасностью для жизни товарищи раздобыли в оранжерее цветы. Так бесстрашные антифашисты отдали последние почести Тельману. Прощальное слово произнес ветеран рабочего движения Роберт Зиверт. Тихо звучала музыка, и, подняв сжатые кулаки, заключенные минутой молчания почтили память

Концлагерь
Бухенвальд.

своего друга и вождя — Эрнста Тельмана.

С глубокой скорбью писал Георгий Димитров Вильгельму Пику: «Погиб великий вождь немецких коммунистов. Но коммунистическая партия должна жить, и она будет жить, до конца выполняя свою освободительную миссию. Выше голову, мои немецкие друзья! Мужество, мужество и еще раз мужество!»

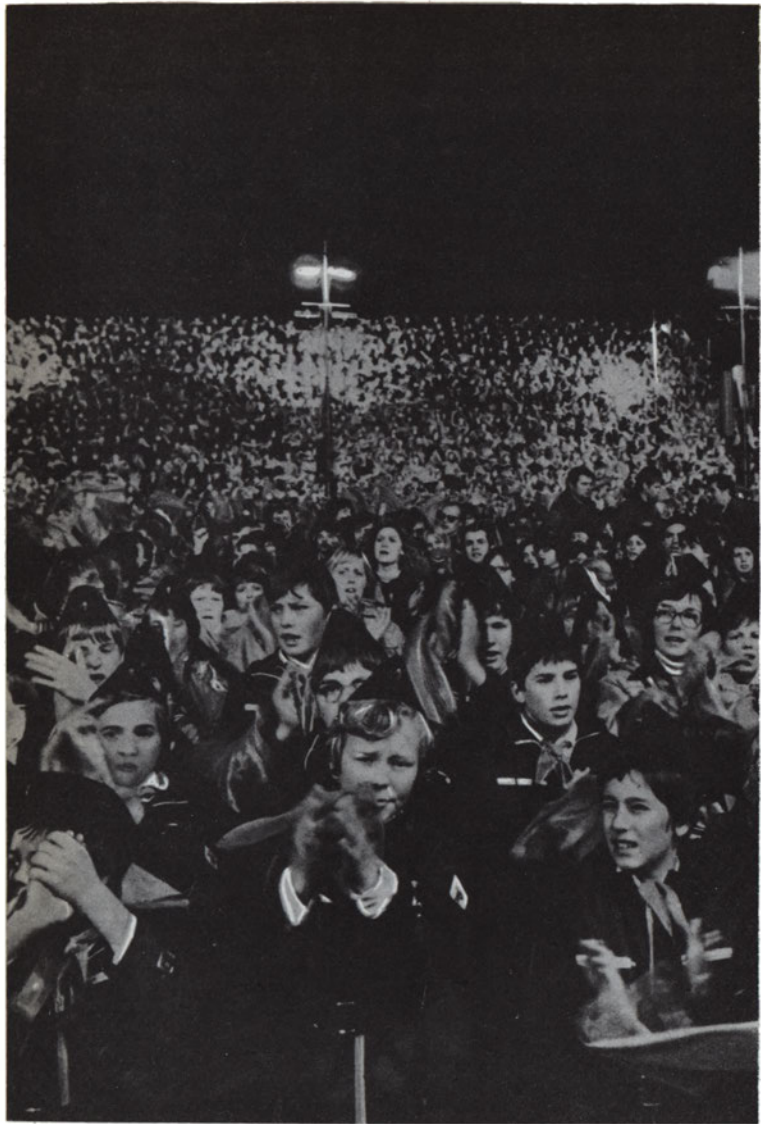
На горе Эттерсберг, в бывшем концентрационном лагере Бухенвальд, сейчас установлена мемориальная доска с надписью:

**Вечная слава
великому сыну
немецкого народа,
вождю немецкого
рабочего класса
Эрнсту Тельману,
убитому фашистами
на этом месте
18 августа 1944 года.**

Сотни тысяч людей из всех уголков мира каждый год приходят сюда, чтобы почтить память великого борца.

Здесь 18 августа
1944 года
оборвалась жизнь
вождя немецкого
рабочего класса —
Эрнста Тельмана.

Манифестация
в честь 30-летия
образования ГДР.
Берлин. 1979 г.

Юлиус ФУЧИК

**И мертвые, мы будем жить в частице нашего
великого счастья; ведь мы вложили в него
нашу жизнь.**

Юлиус Фучик

ЮЛИУС ФУЧИК

Юлиус Фучик — национальный герой Чехословакии, видный деятель чехословацкого коммунистического движения, известный писатель и журналист. Родился 23 февраля 1903 года в Праге. Учился на философском факультете Пражского университета. В 1921 году вступил в Коммунистическую партию Чехословакии. Сотрудничал в партийной печати. Репортажи и очерки Фучика тех лет были ярким образцом партийной публицистики. В 1930 и 1934 — 1936 годах несколько раз побывал в СССР. Посвятил нашей стране книгу «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем».

Во второй половине 30-х годов вся многообразная деятельность Фучика была пронизана духом антифашистской борьбы. По заданию партии писал боевые статьи, в которых призывал народ к отпору фашистским захватчикам. С 1941 года Фучик как член нелегального Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии руководил подпольными изданиями партии. Опубликовал несколько обращений к чешскому народу. В апреле 1942 года был арестован гестапо. Летом 1943 года увезен в Германию и казнен 8 сентября 1943 года.

В застенках пражской тюрьмы Панкрац Фучик написал книгу «Репортаж с петлей на шее» — документально-художественное свидетельство героизма борцов антифа-

шистского Сопротивления, одно из значительных произведений социалистического реализма в чешской литературе. Книга полна размышлений писателя о смысле жизни, о высокой ответственности каждого человека за судьбы мира.

Это талантливое произведение переведено на десятки языков народов мира.

В 1950 году Юлиус Фучик был посмертно удостоен Международной премии Мира.

Прага.
Староместская
площадь.

Юлиус Фучик РЕПОРТАЖ С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

(Главы из книги)

ГЛАВА I. ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Без пяти десять. Чудесный теплый весенний вечер 24 апреля 1942 года.

Я тороплюсь, насколько это возможно для почтенного, прихрамывающего господина, которого я изображаю, — тороплюсь, чтобы поспеть к Елинекам до того, как запрут подъезд на ночь. Там ждет меня мой «адъютант» Мирек. Я знаю, что на этот раз он не сообщит мне ничего важного, мне тоже нечего ему сказать, но не прийти на условленное свидание — значит вызвать переполох, а главное, мне не хочется доставлять напрасное беспокойство двум добрым душам, хозяевам квартиры.

Мне радушно предлагают чашку чаю. Мирек давно пришел, а с ним и супруги Фрид. Опять неосторожность.

— Товарищи, рад вас видеть, но не так, не всех сразу. Это прямая дорога в тюрьму и на смерть. Или соблюдайте правила конспирации, или бросайте работу, иначе вы подвергаете опасности себя и других. Поняли?

— Поняли.

— Что вы мне принесли?

— Майский номер «Руде право».

— Отлично. У тебя что, Мирек?

— Да ничего нового. Работа идет хорошо...

— Ладно. Всё. Увидимся после Первого мая. Я дам знать. И до свидания!

— Еще чашечку чаю?

— Нет, нет, пани Елинекова, нас здесь слишком много.

— Ну одну чашечку, прошу вас! Из чашки с горячим чаем поднимается пар.

Кто-то звонит.

Сейчас, ночью? Кто бы это мог быть?

Гости не из терпеливых. Колотят в дверь:

— Откройте! Полиция!

— К окнам, скорее! Спасайтесь! У меня револьвер, я прикрою ваше бегство.

Поздно! Под окнами гестаповцы, они целятся из револьверов в комнаты. Через сорванную с петель входную дверь гестаповцы врываются в кухню, потом в комнату. Один, два, три... девять человек. Они не видят меня, я стою в углу за распахнутой дверью, у них за спиной. Могу отсюда стрелять беспрепятственно. Но девять револьверов наведено на двух женщин и трех безоружных мужчин. Если я выстрелю, погибнут прежде всего они. Если застрелиться самому, они все равно станут жертвой поднявшейся стрельбы. Если я не буду стрелять, они посидят полгода или год до восстания, которое их освободит. Только Миреку и мне не спастись,

нас будут мучить... От меня ничего не добьются, а от Мирека? Человек, который сражался в Испании, два года пробыл в концентрационном лагере во Франции — и во время войны нелегально пробрался оттуда в Прагу, — нет, такой не подведет. У меня две секунды на размышление. Или, может быть, три?

Мой выстрел ничем не поможет, я лишь избавлюсь от пыток, но зато напрасно пожертвую жизнью четырех товарищей. Так? Да. Решено.

Я выхожу из укрытия.

— А-а, еще один!

Удар по лицу. Таким ударом можно уложить на месте.

— Hände auf! ¹

Второй удар. Третий.

Так я себе это и представлял.

Образцово прибранная квартира превращается в груды перевернутой мебели и осколков.

Снова бьют кулаками.

— Марш!

Вталкивают в машину. На меня все время направлены револьверы. Дорогой начинается допрос:

— Ты кто такой?

— Учитель Горак.

— Врешь!

Я пожимаю плечами.

— Сиди смирно, или застрелю!

— Стреляйте!

Вместо выстрела — удар кулаком.

Проезжаем мимо трамвая. Мне кажется, что вагон разукрашен белыми гирляндами. Свадебный трамвай сейчас, ночью? Должно быть, у меня начинается бред.

Дворец Печека. Я думал, что живым туда никогда не войду. А тут почти бегом на четвертый этаж. Ага, знаменитый отдел II-A-I по борьбе с коммунизмом. Пожалуй, это даже любопытно.

Долговязый, тощий гестаповец, руководивший налетом, прячет револьвер в карман и ведет меня в свой кабинет. Угощает сигаретой.

— Ты кто?

— Учитель Горак.

— Врешь!

Часы на его руке показывают одиннадцать.

— Обыскать!

Начинается обыск. С меня срывают одежду.

— У него есть удостоверение личности.

— На чье имя?

— Учителя Горака.

— Проверить!

Телефонный звонок.

— Ну конечно, не прописан! Удостоверение фальшивое. Кто тебе выдал его?

— Полицейское управление.

Удар палкой. Другой. Третий... Вести счет? Едва ли тебе, дружище, когда-нибудь понадобится эта статистика.

— Фамилия? Говори! Адрес? Говори! С кем встречался? Говори! Явки? Говори! Говори! Говори! Сотрем в порошок!

Сколько примерно ударов может выдержать здоровый человек?

По радио сигнал полуночи. Кафе закрываются, последние посетители расходятся по домам, влюбленные медлят у ворот и никак не могут расстаться. Долговязый, тощий гестап-

¹ Руки вверх! (нем.)

вещ, весело улыбаясь, входит в помещение.

— Все в порядке... господин редактор?

Кто им сказал? Елинеки? Фрида? Но ведь они даже не знают моей фамилии.

— Видишь, нам все известно. Говори! Будь благоразумен.

Оригинальный словарь. Быть благоразумным — значит предать.

Я неблагоразумен.

— Связать его! И покажите ему!

Час. Тащатся последние трамваи, улицы опустели, радио желает спокойной ночи своим самым усердным слушателям.

— Кто еще, кроме тебя, в Центральном Комитете? Где ваши радиопередатчики? Типографии? Говори! Говори! Говори!..

Теперь я могу более хладнокровно

считать удары. Болят только искусанные губы, больше ничего я уже не ощущаю.

— Разуть его!

В ступнях боль еще не притупилась. Это я чувствую.

Пять, шесть, семь... Кажется, что палка проникает до самого мозга.

Два часа. Прага спит, разве только где-нибудь во сне заплачет ребенок и муж приласкает жену.

— Говори! Говори!

Провожу языком по деснам, пытаюсь сосчитать, сколько зубов выбито. Никак не удастся. Двенадцать, пятнадцать, семнадцать? Нет, это меня «допрашивают» столько гестаповцев. Некоторые, очевидно, уже устали. А смерть все еще медлит.

Три часа. С окраин в город пробирается утро. Зеленщики тянутся на рынки, дворники выходят подметать

улицы. Видно, мне суждено прожить еще один день.

Приводят мою жену.

— Вы его знаете?

Глотаю кровь, чтобы она не видела... Собственно, это бесполезно, потому что кровь всюду течет по лицу, каплет даже с кончиков пальцев.

— Вы его знаете?

— Нет, не знаю!

Сказала и даже взглядом не выдала ужаса. Милая! Сдержала слово — ни при каких обстоятельствах не узнавать меня, хотя теперь уже в этом мало смысла. Кто же все-таки выдал меня?

Ее увели. Я простился с ней самым веселым взглядом, на какой только был способен. Вероятно, он был вовсе не весел. Не знаю.

Четыре часа. Светает? Или еще

нет? Затемненные окна не дают ответа. А смерть все еще не приходит. Ускорить ее? Но как?

Я кого-то ударил и свалился на пол. На меня набрасываются. Пинают ногами. Топчут мое тело. Да, так теперь все кончится быстро. Черный гестаповец хватает меня за бороду и самодовольно усмехается, показывая клок вырванных волос. Это действительно смешно. И боли я уже не чувствую никакой.

Пять часов, шесть, семь, десять, полдень. Рабочие идут на работу и с работы, дети идут в школу и из школы, в магазинах торгуют, дома готовят обед, вероятно, мама сейчас вспомнила обо мне, товарищи, наверно, уже знают о моем аресте и принимают меры предосторожности... на случай, если я заговорю... Нет, не бойтесь, не выдам, поверьте! И конец

Юлнус Фучик
с женой Густиней.
1932 г.

Замок
Глубока-на-Влтаве.

ведь уже близок. Все как во сне, в тяжелом, лихорадочном сне. Сыплются удары, потом на меня льется вода, потом снова удары, и снова: «Говори, говори, говори!» А я все еще никак не могу умереть. Отец, мать, зачем вы родили меня таким сильным?

День кончается. Пять часов. Все уже устали. Бьют теперь изредка, с длинными паузами, больше по инерции. И вдруг издалека, из какой-то бесконечной дали, звучит тихий, ласкающий голос:

— Er hat schon genug!¹

И вот я сижу. Мне кажется, что стол передо мной раскачивается, кто-то дает мне пить, кто-то предлагает сигарету, которую я не в силах удерживать, кто-то пробует натянуть мне на ноги башмаки и говорит, что они не налезают, потом меня наполовину ведут, наполовину несут по лестнице вниз, к автомобилю. Мы едем, кто-то опять наводит на меня револьвер, мне смешно, мы опять проезжаем мимо трамвая, мимо свадебного трамвая, увитого гирляндами белых цветов, но, вероятно, все это только сон, только лихорадочный бред, агония или, может быть, сама смерть. Ведь умирать все-таки тяжело, а я уже не чувствую никакой тяжести, вообще ничего; такая легкость, как у одуванчика, еще один вздох — и конец.

Конец? Нет, еще не конец, все еще нет. Я снова стою, да, да, стою один, без посторонней помощи, и прямо передо мной грязная желтая стена, обрызганная — чем? Кажется, кровью... Да, это кровь. Я поднимаю

руку, пробую размазать кровь пальцем... Получается... Ну да, кровь, свежая, моя.

Кто-то бьет меня сзади по голове и приказывает поднять руки и присесть; на третьем приседании я падаю...

Долговязый эсэсовец стоит надо мной и старается поднять меня пинками; напрасный труд; кто-то опять обливает меня водой, я опять сижу, какая-то женщина подает мне лекарство и спрашивает, что у меня болит, и тут мне кажется, что вся боль у меня в сердце.

— У тебя нет сердца, — говорит эсэсовец.

— Ну пока еще есть! — отвечаю я и чувствую внезапную гордость оттого, что у меня еще достаточно сил, чтобы заступиться за свое сердце.

И снова все исчезает: и стена, и женщина с лекарством, и долговязый эсэсовец...

Теперь передо мной открытая дверь в камеру. Толстый эсэсовец волочит меня внутрь, стаскивает с меня лохмотья рубашки, кладет на соломенный тюфяк, ощупывает мое опухшее тело и приказывает приложить компрессы.

— Посмотри-ка, — говорит он другому и качает головой, — ну и мастера отделявать!

И снова издалека, из какой-то бесконечной дали, я слышу тихий, ласкающий голос, несущий мне облегчение:

— До утра не доживет.

Без пяти минут десять. Чудесный теплый весенний вечер 25 апреля 1942 года.

¹ Уже готов! (нем.)

ГЛАВА IV. «ЧЕТЫРЕХСОТКА»

...Узник и одиночество — эти понятия принято отождествлять. Но это великое заблуждение. Узник не одинок, тюрьма — это большой коллектив, и даже самая строгая изоляция не может никого оторвать от коллектива, если человек не изолирует себя сам.

В тюрьме братство поработанных подвергается особенно тяжкому гнету, но этот гнет сплавливает и закаляет людей, обостряет их восприимчивость. Для этого братства стены не преграда: ведь и стены живут и говорят условными стуками. Тюремное братство объединяет камеры всего этажа, связанного общими страданиями, общей стражей, общими коридорными и общими получасовыми прогулками на свежем воздухе, во время которых бывает достаточно одного слова или жеста, чтобы передать важное сообщение и спасти чью-то жизнь. Поездки на допрос, сидение в «кино» и возвращение в Панкрац объединяют все тюремное братство. Это братство немногих слов и больших услуг. Простое рукопожатие или тайком переданная сигарета раздвигают прутья решетки, за которую ты был посажен, выводят человека из одиночества, которым его хотели сломить. У камер есть руки: ты чувствуешь, как они тебя поддерживают, чтобы ты не упал, когда ты, измученный, возвращаешься с допроса. Из этих рук ты получаешь пищу, когда враги стараются уморить тебя голодом. У камер есть глаза: они смотрят на тебя, когда ты идешь на

казнь, и ты знаешь, что должен шагать твердо, ибо твои братья видят тебя и ты не смеешь неверным шагом ослабить их волю, заронить сомнение в их сердце. Это братство истекает кровью, но оно неодолимо. Если бы не его помощь, не снести бы тебе и одной десятой своего бремени. Ни тебе, ни кому другому.

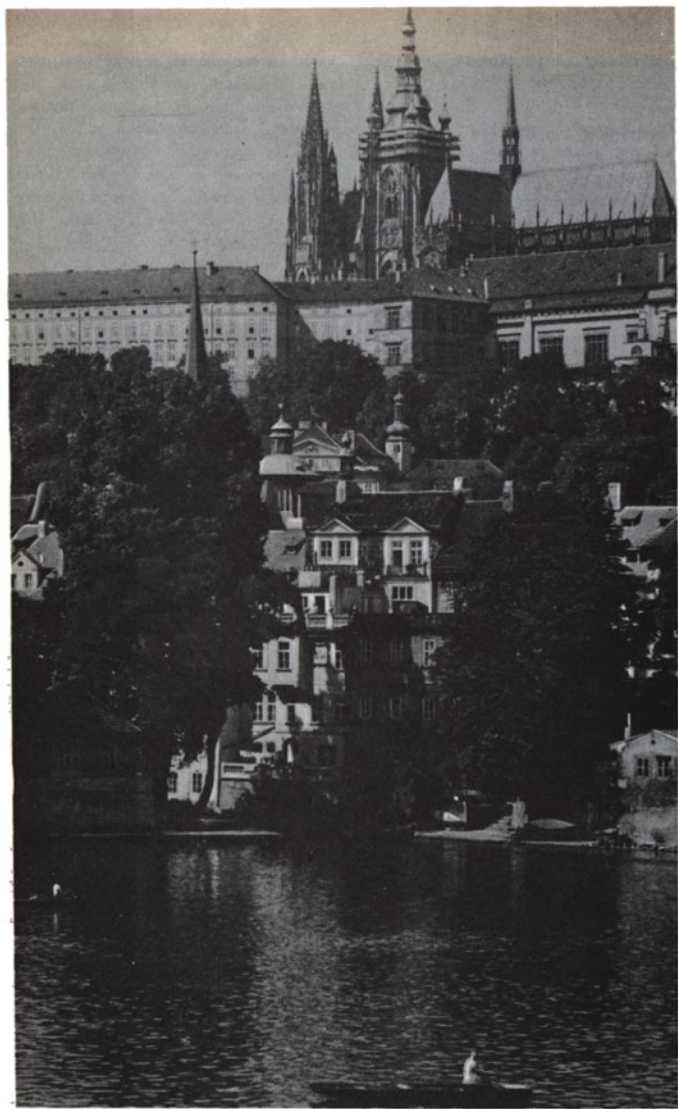
В моем повествовании — не знаю, смогу ли я продолжать его (ведь неизвестно, что сулит любой день и час), — часто повторяется слово, которое служит названием этой главы «Четырехсотка».

Сначала «Четырехсотка» была для меня только комнатой, где я провел первые часы в безрадостных размышлениях. Но это была не просто комната — это был коллектив. И коллектив бодрый и боевой.

«Четырехсотка» родилась в 1940 году, когда значительно «расширилось делопроизводство» отдела по борьбе с коммунистами. Здесь устроили филиал «кинотеатра», где, ожидая допроса, сидели подследственные; это был филиал специально для коммунистов, чтобы не приходилось таскать арестованных по всякому поводу с первого этажа на четвертый. Арестованные должны были постоянно находиться у следователей под рукой. Это облегчало работу. Таковым было назначение «Четырехсотки».

Но посади вместе двух заключенных, да еще коммунистов, и через пять минут возникает коллектив, который перепутает все карты гестаповцев.

В 1942 году «Четырехсотку» уже не называли иначе, как «коммунистическим центром». Многие видала

эта комната, не одна тысяча коммунистов, женщин и мужчин, сменилась на этих скамейках, одно лишь оставалось неизменным: дух коллектива, преданность борьбе и вера в победу.

«Четырехсотка» — это был окоп, выдвинутый далеко за передний край, со всех сторон окруженный противником, обстреливаемый сосредоточенным огнем, однако ни на миг не помышляющий о сдаче. Это был окоп под красным знаменем, и здесь проявлялась солидарность всего народа, борющегося за свое освобождение.

...«Четырехсотка» была местом глубочайшего познания существа, именуемого человеком. Близость смерти обнажала каждого: и тех, кто носил на левой руке красную повязку заключенного коммуниста или подозреваемого в сотрудничестве с коммунистами, и тех, чьей обязанностью было сторожить их или допрашивать в одной из соседних комнат. На допросах слова могли быть защитой или оружием. Но в «Четырехсотке» укрыться за слова было невозможно. Здесь были важны не твои слова, а твое нутро. А от него оставалось только самое основное. Все второстепенное, наносное, все, что сглаживало, ослабляло, приукрашивало основные черты твоего характера, отпадало, уносилось предсмертным вихрем. Оставалась только самая суть, самое простое: верный остается верным, предатель предает, обыватель

отчаивается, герой борется. В каждом человеке есть сила и слабость, мужество и страх, твердость и колебание, чистота и грязь. Здесь оставалось только одно из двух. Или — или. Тот, кто пытался незаметно балансировать, бросался в глаза так, как если бы вздумал с кастаньетами и в шляпе с пером плясать на похоронах.

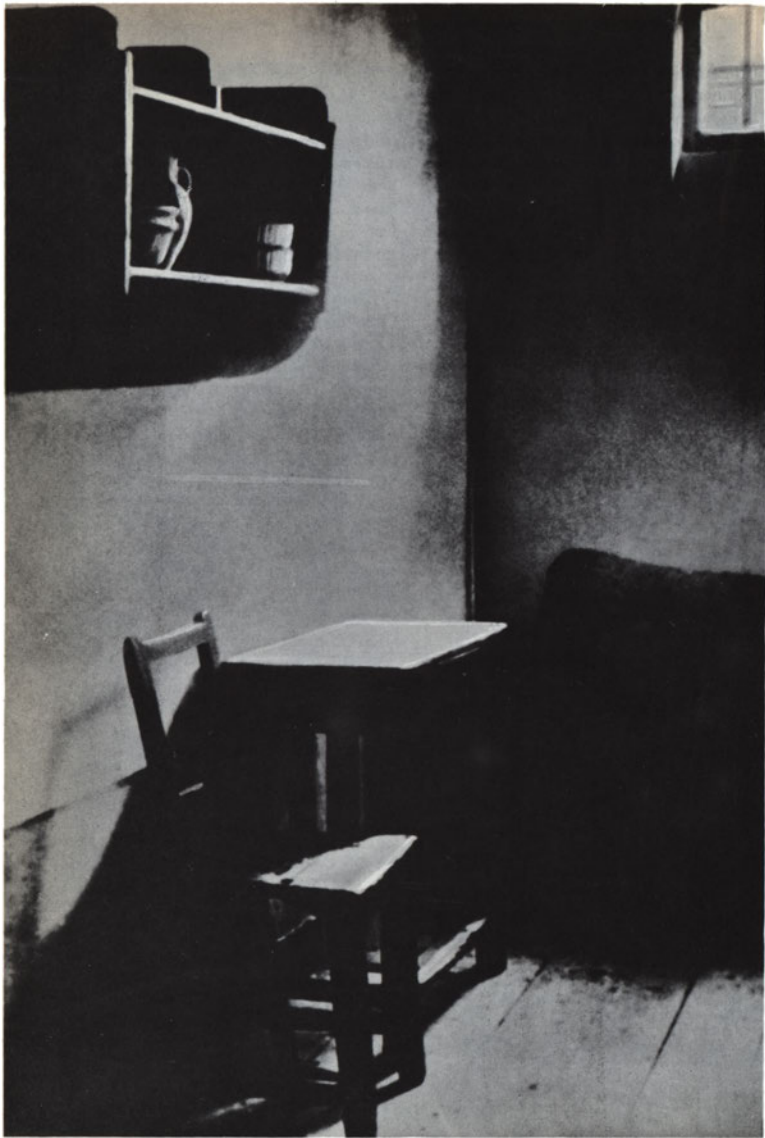
Были и такие среди заключенных, были такие и среди чешских инспекторов и агентов. В кабинете следователя иной кадил нацистскому господину богу, а в «Четырехсотке» — большевистскому «дьяволу». На глазах у немецкого следователя он выбивал заключенному зубы, чтобы заставить его выдать явки, а в «Четырехсотке» дружески предлагал ему кусок хлеба. При обыске он начисто обкрадывал твою квартиру, а в «Четырехсотке» подсовывал тебе украденную у тебя же сигарету — я, мол, тебе сочувствую.

Была и другая разновидность того же типа: эти по своей инициативе никого не истязали, но и не помогали никому. Они беспокоились только о собственной шкуре. Это делало их отличным политическим барометром. Они сухи и строго официальны с заключенными? Можете быть уверены: немцы наступают на Сталинград. Они приветливы и заговаривают с нами? Положение улучшается, немцев, очевидно, побили под Сталинградом. Начинаются толки о том, что они коренные чехи и что их силой заставляли служить в гестапо? Превосходно! Наверняка Красная Армия продолжает наступление — уже за Ростовом! Такой уж это народ: когда

Прага.
Вид на Градчаны
с Влтавы.

тонешь, они стоят, засунув руки в карманы, а когда тебе удастся без их помощи выбраться на берег, они бегут к тебе с протянутой рукой.

Люди этого сорта чувствовали коллектив «Четырехсотки» и старались сблизиться с ним, ибо сознавали его силу. Но никогда они не принадлежали к нему.

Были и такие, которые не имели никакого представления о коллективе. Их можно было бы назвать убийцами, но убийцы — все-таки люди. Это были говорившие по-чешски звери с дубинками и железными прутьями в руках. Чехов-заключенных они истязали так, что даже многие гестаповцы-немцы не выдерживали этого зрелища. У таких мучителей не могло быть даже лицемерной ссылки на интересы своей нации или германского государства, они мучили и убивали просто из садизма. Они выбивали зубы, били так, что лопались барабанные перепонки, выдавливали глазные яблоки, били ногами в пах, пробивали черепа, забивали до смерти с неслыханной жестокостью, не имевшей других источников, кроме звериной натуры. Ежедневно я видел этих палачей, вынужден был говорить с ними, терпеть их присутствие, от которого все вокруг наполнялось кровью и стонами. Нам помогала лишь твердая вера, что они не уйдут от возмездия. Не уйдут, даже если бы им удалось умертвить

всех свидетелей своих злодеяний!

А рядом с ними, за тем же столом и как будто в тех же чинах, сидели те, которых справедливо было бы назвать Людьми с большой буквы. Люди, которые превращали организацию заключения в организацию заключенных, которые помогали создавать коллектив «Четырехсотки» и сами принадлежали к нему всем сердцем, бесстрашно служили ему. Величие их души тем больше, что они не были коммунистами. Наоборот, прежде в качестве чехословацких полицейских они воевали с коммунистами, но потом, когда увидели коммунистов в борьбе с оккупантами, поняли силу и значение коммунистов для всего чешского народа. А поняв, стали верно служить общему делу и помогать каждому, кто и в тюрьме остался верен этому делу.

Многие подпольщики на свободе поколебались бы, если бы ясно представили себе, какие ужасы ждут их в застенках гестапо. У наших тайных друзей в тюрьме все эти ужасы были постоянно перед глазами, они видели их каждый день, каждый час. Каждый день, каждый час они могли сами стать заключенными, и им пришлось бы еще хуже, чем другим. И все же они не колебались. Они помогли спасти тысячи жизней и облегчить участь тех, кого спасти не удалось. Назовем их по праву героями. Без их помощи «Четырехсотка» никогда не могла бы стать тем, чем она стала для многих тысяч коммунистов: светлым пятном в доме мрака, укреплением в тылу у врага, очагом борьбы за свободу в самой берлоге оккупантов.

Камера № 267
панкреацкой
тюрьмы в Праге,
где Ю. Фучик начал
писать «Репортаж
с петлей на шее».

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА

ПИСЬМО, ТАЙНО ВЫНЕСЕННОЕ ИЗ ГЕСТАПОВСКОЙ ТЮРЬМЫ ПАНКРАЦ

Мои плоды из тех, что долго не созревают,
из тех, что поднимаются из черных подземных
вод, когда на горах уже лежит первый снег, и
наливаются соком в туманах печальных лугов.

Ф. Кс. Шальда

Густине

Милая моя!

Почти нет надежды на то, что когда-нибудь мы с тобой, держась за руки, как малые дети, пойдем по косоугору над рекой, где реет ветер и светит солнце. Почти нет надежды на то, что я смогу когда-нибудь, живя в покое и удобствах, окруженный друзьями-книжками, написать то, о чем мы с тобой говорили и что накапливалось и зрело во мне двадцать пять лет. Часть жизни у меня уже отняли, когда уничтожили мои книги. Однако я не сдаюсь, не уступаю, не хочу допустить, чтобы и другая часть погибла без остатка, бесследно в камере № 267. Поэтому в минуты, которые я краду у смерти, я пишу эти заметки о чешской литературе. Никогда не забывай, что человек, который передаст их тебе, дал мне возможность не умереть всему. Карандаш и бумага, которые я от него получил, волнуют меня, как первая любовь, и я сейчас больше чувствую, чем мыслю, больше грежу, чем подыскиваю слова и составляю фразы. Нелегко будет писать без материалов, без цитат, и поэтому кое-что из того, что я так ясно, прямо-таки ошутимо представляю себе, покажется, быть может, неясным и не-

реальным тем, к кому я обращаюсь. Поэтому я пишу прежде всего для тебя, моя милая, для моей помощницы и первой читательницы: ты лучше всех поймешь, что было у меня на сердце, и, возможно, вместе с Ладей и моим седовласым издателем дополнишь то, что будет нужно. Мое сердце и голова полны, а вот книг у меня никаких нет. Трудно писать о литературе, не имея под рукой ни одной книжки, которую можно было бы приласкать взглядом.

Странная вообще у меня судьба. Ты знаешь, как мне хотелось бы быть птицей или кустом, облаком или бродягой — всем, кто, как и я, любит простор, солнце и ветер. Но вот уже годы, долгие годы я живу подземной жизнью, словно корень. Один из тех неприглядных, пожелтевших корней среди тьмы и тлена, что держат над землей дерево жизни. Никакая буря не свалит дерева с крепкими корнями. Этим гордятся корни. И я. Я не жалею об этом, не жалею ни о чем. Я делал все, что было в моих силах, и делал охотно. Но свет — свет я любил, и хотел бы расти ввысь, и хотел бы цвести и созреть, как полезный плод.

Ну что ж. На дереве, которое мы, корни, держали и удержали, появятся молодые побеги и созреют новые плоды поколения новых людей — поколения социалистических рабочих, писателей, литературных кри-

тиков и историков, которые пусть позже, но лучше расскажут о том, чего я рассказать уже не смог. И тогда, быть может, и мои плоды созреют и нальются соком, хотя на мои горы никогда уже не падет снег.

Камера № 267
28 марта 1943 года

ИЗ ПИСЕМ, НАПИСАННЫХ В ГЕСТАПОВСКИХ ТЮРЬМАХ В БАУЦЕНЕ
И В БЕРЛИНЕ И ПРОШЕДШИХ ЧЕРЕЗ НАЦИСТСКУЮ ЦЕНЗУРУ

Бауцен, 8.8.1943

Мои милые!

Собственно, следовало бы написать «мои милые», потому что все вы, с кем я переписываюсь, — женского пола (похоже на меня, не правда ли?). Итак, мои милые, я живу по-прежнему, время бежит, а я, как вы мне пожелали, «сохраняю душевное спокойствие». Да и почему бы мне не сохранять его? Два ваших письма я получил и все время радуюсь им. Вы даже не можете себе представить, как много ищешь и находишь в них. Даже то, чего вы там не написали. Вам хочется, чтобы мои письма были длиннее. У меня тоже на сердце много такого, что я хотел бы сказать вам, но лист бумаги от этого не становится больше. Поэтому можете радоваться хотя бы тому, что мой почерк, который вы нередко ругали, так мелок. Половина сегодняшнего письма — для Густины. Отрежьте его и пошлите ей. Но конечно, и сами прочтите, оно написано и для вас. Дети, когда будете писать Густине, сообщите ей мой адрес, пусть попросит разрешения написать мне.

Вы, кажется, думаете, что человек, которого ждет смертный приговор, все время думает об этом и терзается. Это не так. С такой возможностью я считался с самого начала. Вера, мне кажется, знает это. Но по-моему, вы никогда не видели, чтобы я падал духом. Я вообще не думаю обо всем этом. Смерть всегда тяжела только для живых, для тех, кто остается. Так что мне следовало бы пожелать вам быть сильными и стойкими. Обнимаю и целую всех вас, до свиданья.

Ваш Юл.

Бауцен, 8.8.1943

Моя милая Густина!

Я получил разрешение написать тебе несколько строк и спешу тотчас же сделать это. Либа писала мне, что ты уже в другом месте. Знаешь ли ты, моя милая, что мы недалеко друг от друга? Если бы ты утром вышла из Терезина и пошла на север, а я из Бауцена — на юг, к вечеру мы могли бы встретиться. То-то кинулись бы друг к другу, не правда ли? В общем, мы путешествуем по местам, связанным с прошлым моей семьи: ты в Те-

резине, где дядя был так прославлен, а меня перевезут в Берлин, где он умер. Не думаю, однако, что все Фучики должны умирать в Берлине.

Либа тебе, наверное, уже писала, как я живу, о том, что я один в камере и делаю пуговицы. В углу камеры, около пола, живет паучок, а за моим окном устроилась парочка синиц, близко, совсем близко, так что я даже слышу писк птенцов. Теперь они уже вывелись, а сколько было с ними забот! Я при этом вспоминал, как ты переводила мне щебетанье птиц на человеческий язык. Моя дорогая, часами я говорю с тобой и жду и мечтаю о том времени, когда мы сможем беседовать не в письмах. О многом мы тогда поговорим! Моя милая, маленькая, будь сильной и стойкой. Горячо обнимаю и целую тебя. До свиданья.

Твой Юля.

---

*Берлин, Плётцензее,
31 августа 1943*

Мои милые!

Как вам, наверное, известно, я уже в другом месте. 23 августа я ждал в Бауцене письма от вас, а вместо него дождался вызова в Берлин. 24.8 я уже ехал туда через Герлиц и Котбусс, утром 25.8 был суд, и к полудню все уже было готово. Кончилось, как я ожидал. Теперь я вместе с одним товарищем сижу в камере на Плётцензее. Мы клеим бумажные кульки, поем и ждем своей очереди. Остается несколько недель, но иногда это затягивается на несколько месяцев. Надежды опадают

тихо и мягко, как увядшая листва. Людям с лирической душой при виде опадающей листвы иногда становится тоскливо. Но дереву не больно. Все это так естественно, так просто. Зима готовит для себя и человека, и дерево. Верьте мне: то, что произошло, ничуть не лишило меня радости, она живет во мне и ежедневно проявляется каким-нибудь мотивом из Бетховена. Человек не становится меньше оттого, что ему отрубят голову. Я горячо желаю, чтобы после того, как все будет кончено, вы вспоминали обо мне не с грустью, а радостно, так, как я всегда жил. За каждым когда-нибудь закроется дверь. Подумайте, как быть с отцом: следует ли вообще говорить или дать понять ему об этом? Лучше было бы ничем не тревожить его старости. Решите это сами, вы теперь ближе к нему и к маме.

Напишите мне, пожалуйста, что с Густиной, и передайте ей мой самый нежный привет. Пусть всегда будет твердой и стойкой и пусть не останется наедине со своей великой любовью, которую я всегда чувствую. В ней еще так много молодости и чувств, и она не должна остаться вдовой. Я всегда хотел, чтобы она была счастлива, хочу, чтобы она была счастлива и без меня. Она скажет, что это невозможно. Но это возможно. Каждый человек заменим. Незаменимых нет, ни в труде, ни в чувствах. Все это вы не передавайте ей сейчас. Подождите, пока она вернется, если она вернется.

Вы, наверное, хотите знать (уж я вас знаю!), как мне сейчас живется. Очень хорошо живется. У меня есть

работа, и к тому же в камере я не один, так что время идет быстро... даже слишком быстро, как говорит мой товарищ.

А теперь, мои милые, горячо обнимаю и целую вас всех, и — хотя сейчас это уже звучит немного странно — до свиданья.

Ваш Юля.

Густина Фучикова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЮЛИУСЕ ФУЧИКЕ

Это случилось 14 апреля 1939 года. Юлек пришел домой и сообщил нам, что утром Словакия объявила себя самостоятельным государством, а днем президент Гаха уже помчался в Берлин на поклон к Гитлеру.

Прямо на улицах, в учреждениях, на заводах, в кафе — всюду шло горячее обсуждение случившегося.

Вечером мы с Юлеком отправились в советское посольство на Винограды. В тот день здесь отмечали столетие со дня рождения украинского поэта Тараса Шевченко. Собрались наши друзья и товарищи. Мы и не предполагали, что со многими из них в тот вечер видимся в последний раз...

У входа в посольство сновали шпики и полицейские. Они высматривали и вынюхивали: кто входит и выходит...

Около четырех часов утра мы покинули посольство.

Ехали в такси. Юлек был задумчив, курил одну сигарету за другой, молчал. Один только раз он произнес вслух то, о чем мучительно размышлял все это время: «С фашистами надо было драться, несмотря на капита-

лию правительства. Сейчас борьба будет намного труднее».

Пражские улицы в тот предвечерний час были безмятежны и тихи. Прага еще не знала, какая беда постигнет ее утром.

Мы приехали домой в половине пятого. Юлек привычно включил радио, и вдруг зазвучали позывные пражской радиостанции.

Юлек позвал меня: случилось что-то чрезвычайное. Ведь пражские радиостанции в такое время никогда не работают...

Мы замерли у приемника. И вот заговорил диктор. Голос его звучал напряженно и неестественно. Сообщение было ужасным: 15 апреля, в шесть часов утра, немецкие войска пересекут границы Чехии и начнут продвижение в глубь страны. Правительство призывает население сохранять спокойствие. Всякое сопротивление будет немедленно подавлено. Немецкая армия войдет в Прагу около девяти часов утра...

Мы молчали, не в силах вымолвить ни слова. Нашу страну, нашу Прагу будет топтать фашистский сапог!

Юлек слушал, заложив руки в карманы, и курил...

***

Оккупанты на мотоциклах двигались медленно, словно на параде. Темное пражское небо встретило пришельцев слезами холодного дождя. Люди молча обходили фашистских солдат, будто их вовсе не существует...

***

В марте и середине мая 1939 года к нам дважды наведлся товарищ, посланный Центральным Комитетом партии. Он сказал, что Юлеку следует уехать. Тогда кое-кто из членов партии еще мог скрыться. Тайно, без паспортов или с фальшивыми паспортами, они пробирались в Польшу, а оттуда в Советский Союз или Англию. Юлек ответил, что часть профессиональных партийных работников должна остаться в Чехословакии, чтобы возглавить и организовать борьбу против оккупантов.

Тот же самый товарищ приходил к нам еще раз, он принес Юлеку паспорт, денег на дорогу и сказал: «Партия предлагает тебе самому решить, ехать или оставаться».

Юлек ответил, что если решение зависит от его желания, то он остается...

***

Весной 1941 года я узнала от Юлека страшную новость: гестапо схватило многих товарищей из ЦК Компартии, аресты продолжают...

Я не раз заставляла в эти дни Юлека в глубокой печали и задумчивости.

Он знал, что товарищи из рук палачей живыми не выйдут. Надо было искать и найти выход, чтобы заменить борцов, павших в бою.

Но вот Юлек установил связь, прерванную было после ареста товарищей из ЦК. Что это была за связь, я точно не знала. Он упоминал об Иване, с которым я позже встречалась, но настоящее имя которого узнала лишь через год с лишним, когда мы оба были схвачены гестапо. Это был товарищ Ян (Гонза) Выскочил.

***

22 июня 1941 года Гитлер коварно напал на Советский Союз. Это сообщение застигло меня в Хотимерже.

В июле я встретила с Юлеком в Праге у Высушилов. Он не сказал мне тогда, что стал членом нелегального ЦК Компартии Чехословакии.

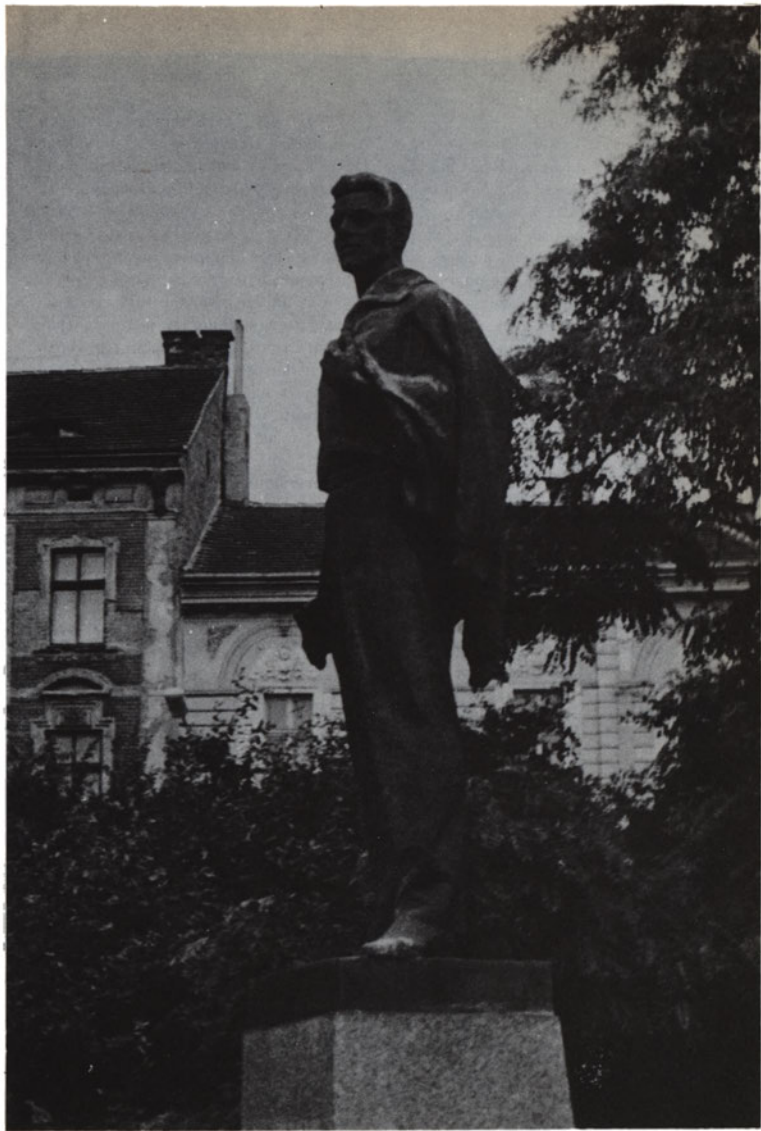
Юлек предложил мне покинуть Хотимерж и переехать в Прагу, я буду нужна ему по работе.

Глубокой осенью 1941 года на нелегальной квартире у Рыбаржей Юлек торжественно объявил мне, что он теперь член ЦК Компартии Чехословакии и что участок его работы — нелегальная печать.

В начале июля 1941 года вышел нелегальный номер «Руде право», целиком написанный Юлеком.

Памятник Юлнусу
Фучику в Пльзене,
где он жил,
учился и работал
с 1903 по 1943 г.

Я никогда не пыталась узнать у него, кто из товарищей, кроме него, является членом ЦК.

Однажды Юлек сказал мне, что из деловых соображений должен будет познакомить меня со своим помощником. При этом он заметил, что этот человек произвел на него не слишком хорошее впечатление, показался ему взбалмошным, опрометчивым, но он, Юлек, доверяет ему, ибо этот человек прислан ЦК как проверенный товарищ. Зовут его Мирек. Мирек был связным Юлека. Ведь Юлек выходил из дому лишь в самых экстренных случаях. Моя встреча с Миреком все откладывалась. Как выяснилось позже, мне повезло, что на свободе нам так и не удалось познакомиться...

* * *

Это было, если не ошибаюсь, летом 1941 года. Юлек получил фальшивые документы, которые неизвестными мне путями достали наши товарищи. На чистый бланк была наклеена его фотография — в очках, с усами и бородой. По этим документам ему было на десять лет больше, чем в действительности, все остальное тоже было вымышленным. Теперь его звали Ярослав Горак.

* * *

В 1942 году Юлек писал и издавал по поручению ЦК Компартии Чехословакии, кроме «Руде право», еще шесть газет.

Майский номер «Руде право» 1942 года был последним, который

он успел подготовить до своего ареста...

...В субботу 18 апреля 1942 года Лидушка Плаха отвела меня к Юлеку, который находился у Рыбаржей. Он был в отличном настроении. Рассказал мне, как несколько дней назад нес пачку газет «Руде право» и листовки, шел прихрамывая, в одной руке держал свертки, в другой — трость. Он прихрамывал, потому что заметил: лестница, по которой он должен подняться, кишит какими-то подозрительными субъектами в штатском, которые наблюдают за всеми проходящими. Они были ни стары ни молоды и на вид ничем не отличались от прочих прохожих. Но опытные подпольщики-конспираторы обладают более тонким зрением, чем те, кто свободно гуляет по свету. Юлек смекнул: это шпики.

Несколькох он уже благополучно миновал. Как быть дальше? Повернуть назад — значит привлечь к себе внимание. Лучше продолжать идти вперед.

Юлек приостановился, словно желая отдохнуть, положил сверток на землю и отер платком лицо. Затем спокойно продел трость под шпагат, которым был перевязан сверток, перебросил его через плечо и двинулся вверх по лестнице.

Он не был уверен, что благополучно минует шпики, ведь любой из них каждую минуту мог остановить его, потребовать документы и проверить содержимое свертков...

Юлек смеялся, рассказывая, как сквозь строй гестаповцев ухитрился пронести листовки.

***

...Машина затормозила и остановилась. Кто-то распахнул дверцы, и мы вышли. Я стояла перед высоким каменным зданием, мимо которого мы, чехи, всегда проходили, скорбно понутив голову. Здесь, в этом доме, была Голгофа чешского народа. Это дворец Печека, бывший банк, резиденция гестапо.

Меня подняли на лифте на какой-то из верхних этажей и ввели в комнату, где, словно грязный туман, висели чад и дым. Мне указали место на второй скамье. В комнате стояла душная, напряженная тишина. Минутами тишину прорезал резкий, грубый окрик эсэсовца или гестаповца в штатском...

...Я еще не знала, что комната, в которой я нахожусь, названа заключенными «Четырехсоткой», — это был своеобразный зал ожидания, сюда гестаповцы являются за арестованным и уводят его в свою «канцелярию» на допрос, там его мучают и пытаются. Измученных возвращают обратно, а потом снова берут в работу...

***

...Меня стали ежедневно возить во дворец Печека...

В «Четырехсотке» направо от меня сидел Арношт Лоренц, возле него — Ренек Терингл и Мила Недвед, неподалеку от него — Юлек. Он уже не был изолирован от остальных. Медленно, но упорно, изо дня в день, двигал Юлек сантиметр за сантиметром свой стул, пока он не оказался между столом надзирателя Залуского и скамьями заключенных. Всю стену

позади Юлека занимали зеркало и четыре умывальника. Сюда со стеклянными полулитровыми кружками навешивались коридорные, они подозрительно часто пили сами и разносили воду заключенным. Вода служила лишь поводом для того, чтобы передать наказ от одного заключенного другому, как нужно держаться на допросе, или сообщение заграничного радио, которое принес кто-нибудь из вновь прибывших арестованных, а то и чешский надзиратель. В большинстве случаев все это делалось через Юлека.

Я познакомилась в «Четырехсотке» не с подавленными страхом узниками, а с замечательным сплоченным коллективом, где царила драгоценная товарищеская солидарность, с коллективом, который все, что от него требовали тюремщики, любой ценой обращал на пользу заключенных.

В «Четырехсотке» Юлек был всегда занят — знакомые и незнакомые, все, кто сидел на скамьях впереди него, хотели поговорить с ним. Он слушал, а сам следил, чтобы гестаповцы не застали их за разговором.

Юлек никогда не проявлял нервозности или нетерпения. Кто-то просит его совета, как отвечать на допросе, другого надо подбодрить, рассказать, что нового в мире... Юлек никого не обходил вниманием.

Все сидящие в «Четырехсотке» знали: Юлек — коммунистический редактор, он открыто и смело боролся против фашизма и Гитлера. И все понимали, что судьба его тяжка, что Юлек обречен...

Доверяли ему безгранично. Одни знали его еще с довоенных времен, другие познакомились лишь здесь, в фашистском застенке. Ему открывали сердца, поверяли горести, а он подбадривал, советовал, помогал всем, и не только коммунистам или сочувствующим, но и всем тем, кто нуждался в помощи.

Идеальным местом для подобных разговоров была темная крытая тюремная машина, в которой нас возили на допросы. Сюда не проникал взгляд эсэсовца, в шуме мотора не было слышно наших голосов. Заключение было столько, особенно коммунистов, что изолировать нас друг от друга и возить каждого в отдельности гестаповцы просто не имели возможности. Гестаповцы и понятия не имели, сколько «преступных сообщников» возят они ежедневно в одной машине.

Меня полгода таскали из тюрьмы на Карловой площади через Панкрац во дворец Печека. И я ежедневно могла видеть Юлека. Почти всегда я могла поговорить с ним, иногда подольше, иногда лишь обменяться двумя-тремя словами.

Однажды он сказал мне, что объявил Бёму, будто бы дважды в месяц назначал конспиративные встречи в одном из трактиров в Бранике. Бём стал возить его туда, полагая, что кто-нибудь к Юлеку подойдет...

Юлек сказал мне: «Густина, я знаю, что меня ждет смерть. Меня может спасти лишь чудо. Но чудес не бывает, и все же — верь мне — о смерти я не думаю».

Он не думал о смерти, он не был

сломлен, уничтожен, не впал в отчаяние!

Что я могла возразить ему, ведь все, что он сказал мне, было, увы, страшной правдой. Как-то я спросила:

— А ты не мог бы бежать, Юлек?

И он, способный на самые отчаянные поступки, покачал головой и ответил:

— Я не сделал бы этого, даже если бы мог! Ты же знаешь, Густина, сколько людей заплатят за меня жизнью!

...Летом 1942 года в «Четырехсотку» привели трех новых товарищей: двух мужчин и женщину. Все трое были молоды. Женщину и одного из мужчин я видела впервые, в другом я узнала Карела! Того самого, с которым я встречалась у Высушилов. Я знала, как важно было для Юлека, чтобы никто из нас не назвал в гестапо имени Карела. Юлек сидел на своем стуле, возле умывальника, неподвижно, лишь его рука быстрее обычного поглаживала темную бороду. Его бледное лицо, давно не видевшее солнечного света и свежего воздуха, стало еще бледнее.

У меня перехватило дыхание и сердце готово было выскочить. Что теперь будет? Скажет ли Карел, что знает Юлека? Сейчас может раскрыться все, что удалось Юлеку скрыть: он давно сказал мне, что отрицает утверждение Мирека Клеца-на, будто он, Юлек, является членом ЦК партии. Теперь в руки гестапо попал второй член ЦК...

Я опять взглянула на Юлека, а он что-то шептал Миле Недведу: тот сто-

ял возле умывальника и делал вид, будто наливает воду, вода текла и текла, а Мила не замечал этого. Наконец он отошел от крана и, проходя возле человека, которого привели вместе с Карелом, что-то шепнул ему. Это — как я узнала позже — был товарищ Прохазка, у которого Карел жил. Мила кивнул головой и тут же отошел к Карелу, подал ему воду и начал что-то шептать.

...В полдень, когда нас вели на обед, Юлек успел сказать мне, что ему с Яном Черным была устроена очная ставка. Оба делали вид, будто видят друг друга впервые, и оба дали на этот счет одинаковые показания. Гестапо и понятия не имело, что в их руках два члена нелегального ЦК Коммунистической партии! Но гестаповцы знали: Ян Черный воевал против фашистов в Испании, в интербригаде.

***

...Близилось 7 ноября 1942 года, двадцать пятая годовщина Великой Октябрьской революции.

Юлек регулярно составлял «газету» для заключенных, пользуясь известиями, получаемыми от некоторых надзирателей, черпая сведения из нелегальных коммунистических журналов, которые приносили гестаповцы для перевода заключенным, знавшим немецкий язык.

Во время обеда внизу, в коридоре, где не было надзирателей, а были только коридорные, Юлек, узнав новости от Милы Недведа, Лоренца, Резека, Ренка, Шпрингля — этой тю-

ремной «редакционной коллегии», — составлял устный бюллетень. Товарищи распространяли этот устный бюллетень где только могли: в «Четырехсотке», в крытой тюремной машине, в камерах, а утром в коридоре тюрьмы — во время бритья, в том случае, если дежурным был Гёффер или Колинский, а позднее — надзиратель Гора.

Пришло 7 ноября. На улице, за решеткой, стояла хмурая осенняя погода, но для узников «Четырехсотки» это был исключительный день. Утром меня привел сюда гестаповец Пошик, и я сразу увидела Юлека; он сидел на своем месте позади всех, возле умывальника.

Гестаповец спустился вниз за остальными заключенными, с нами остался один Залуский. Юлек посмотрел на меня, наши глаза встретились. Он поднял руку и в торжественном приветствии сжал ее в кулак...

Все места на скамьях были уже заняты. Я увидела, как Юлек что-то шепчет своему соседу, тот — следующему, этот передает дальше: «Годовщина Октябрьской революции!»

Лица узников, избитых, измученных, стали торжественны. «Четырехсотка», это преддверие ада, превратилась в зал, освещенный сиянием глаз! Глаза говорили: «Да, нас ждет смерть, но мы умрем верными своей идее!»

Юлек шепнул несколько слов надзирателю Залускому. Ни одного гестаповца вокруг не было. В торжественной тишине раздался голос: «Встать!» Мы сразу же поняли, что

это значит. С какой радостью мы под-
нялись со своих мест и вытянулись
молча, по стойке «смирно»!

Молча пели мы «Интернационал»!

Это была единственная возмож-
ность выразить свою солидарность и
восхищение великой Советской стра-
ной, ее армией, ее народом!

Так приносили мы клятву верности
идеям Октября.

Так в застенке гестапо, во дворце
Печека, праздновали мы двадцать
пятую годовщину Великой Октябрь-
ской революции...

***

...Трудно передать радость, кото-
рая охватила нас в феврале 1943 года,
когда мы в своих камерах узнали, что
фашистская Германия объявила на-
циональный траур после катастрофи-
ческого поражения на Волге.

***

...23 февраля 1943 года, в день, ког-
да Юлеку исполнилось сорок лет, ме-
ня снова привезли на допрос...

Волнуясь, ехала я во дворец Пече-
ка. Что они хотят от меня? Зачем вы-
зывают?

Во дворце Печека эсэсовец привел
меня в «тоннель» — длинный узкий
коридор, где я провела первую ночь
после ареста и где теперь, после раз-
гона «Четырехсотки», коммунисты
ожидали допроса...

В конце коридора я увидела Юле-
ка, он тоже смотрел на меня. Слегка
улыбался, быстро моргал глазами,

с удовольствием поглаживал свою бо-
роду, когда эсэсовец поворачивался
к нему спиной. Я тоже улыбнулась.
Мы отлично поняли друг друга! Мы
оба радовались победе Красной Ар-
мии!..

Это была наша последняя встреча
с Юлеком. Но тогда я еще этого не
знала.

Юлиус Фучик
в подполье
во время
гитлеровской
оккупации.

Герои
Кубинской
революции

Камило
СЬЕНФУЭГОС

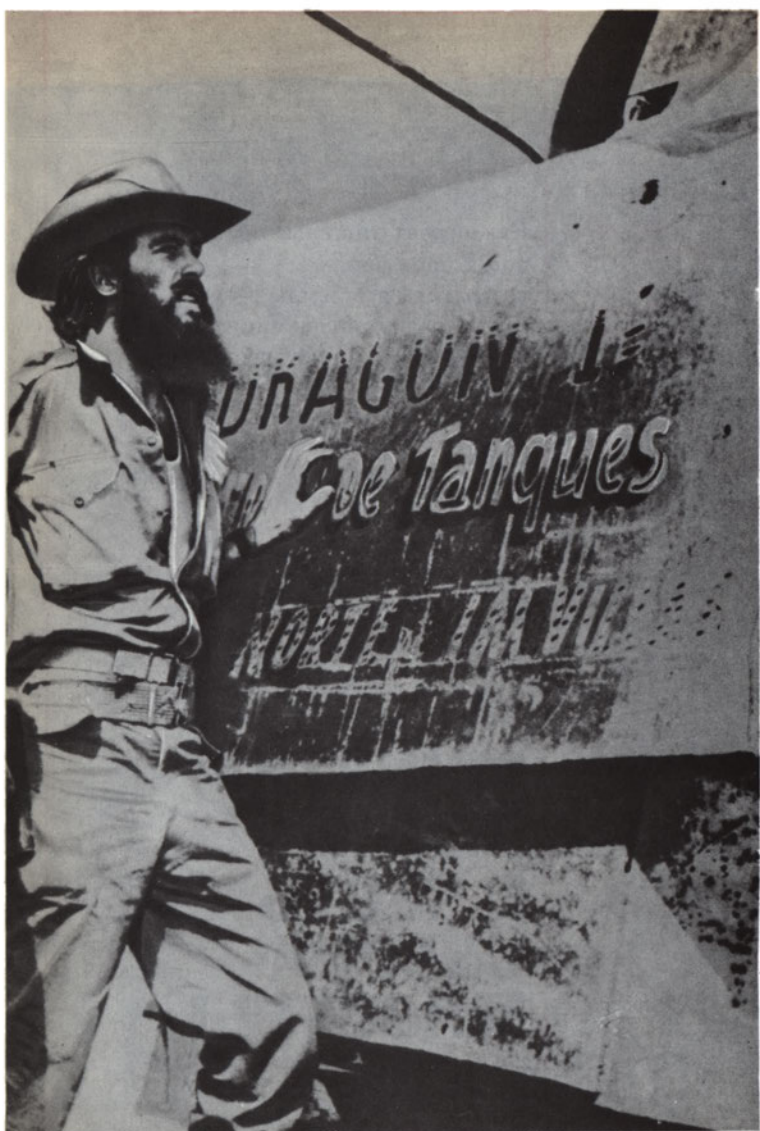
Франк
ПАИС

Как просят тишины, прощаясь с нами,
когда пора нам
возвратиться в землю, —
так я прошу одной минуты, чтобы
все голоса Америки звучали.
Одной минуты задушевной песни
прошу у вас я —
в честь Сьерра-Маэстры.

Пабло Неруда

МИНУТА ПЕСНИ В ЧЕСТЬ СЬЕРРА- МАЭСТРЫ

Камило СЬЕНФУЭГОС

Нас спрашивают, куда мы идем, и мы отвечаем, что идем с Революцией до конца. Мы установим подлинную социальную справедливость, мы выведем крестьян и рабочих из нищеты, в которой держали их те же силы, что сейчас движут контрреволюцией, дергая за ниточки из-за кулис.

КАМИЛО СЬЕНФУЭГОС

Камило Сьенфуэго — национальный герой Кубы, видный деятель Кубинской революции, один из ближайших сподвижников выдающегося деятеля кубинского и международного революционного движения — Фиделя Кастро.

Родился 6 февраля 1932 года в Гаване. После окончания средней школы учился в художественном училище, однако вынужден был оставить учебу, чтобы работать и материально помогать семье.

В 1955 году К. Сьенфуэгос познакомился с соратниками Фиделя Кастро и активно включился в борьбу против кровавой антинародной диктатуры Ф. Батисты, жертвой которой пали более двадцати тысяч кубинских патриотов.

В декабре 1955 года в схватке с полицией во время митинга К. Сьенфуэгос был ранен. В январе 1956 года его арестовали, а затем, после освобождения, К. Сьенфуэгос вынужден был покинуть Кубу.

Через некоторое время он отправился в Мексику, чтобы принять участие в героическом десанте на Кубу кубинских революционеров во главе с Фиделем Кастро. 2 декабря 1956 года революционеры высадились с яхты «Гранма» и с тяжелыми боями пробившись к горному массиву Сьерра-Маэстра. Из восьмидесяти двух участников десанта в живых осталось двенадцать. Среди этих двенадцати был и Камило Сьенфуэгос.

Обосновавшись в Сьерра-Маэстре,

патриоты начали партизанскую войну против диктатуры Батисты. Их ряды быстро росли. Вскоре Камило Сьенфуэгос стал командиром партизанской колонны. О его мужестве ходили легенды. В ходе боев Камило проявил большой талант военного руководителя. Партизанская колонна под его командованием прошла боевой путь через всю страну и 2 января 1959 года вступила в Гавану, где захватила в плен главный гарнизон войск Батисты.

После революции Камило Сьенфуэгос был назначен начальником Генерального штаба революционных вооруженных сил Кубы.

28 октября 1959 года самолет, на борту которого К. Сьенфуэгос возвращался после успешного подавления контрреволюционного мятежа, пропал без вести во время перелета из Камагуэя в Гавану. Двухнедельные поиски не дали никаких результатов. Предполагается, что самолет упал в море.

Ежегодно в день 28 октября тысячи кубинцев бросают в море венки цветов, чтобы почтить память Камило Сьенфуэгоса — героического сына кубинского народа. Его именем назван один из крупнейших городов страны — г. Сьенфуэгос.

А. Сосновский

Фидель Кастро
и Камило
Сьенфуэгос.

**ТОРЖЕСТВЕННАЯ КЛЯТВА БОЙЦОВ
КОЛОННЫ К. СЬЕНФУЭГОСА, ПРИНЯТАЯ
13 ИЮНЯ 1958 ГОДА НА МЕСТЕ ГИБЕЛИ
НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ КУБЫ
ХОСЕ МАТИ**

Мы, нижеподписавшиеся, представители Второй колонны революционной армии «Движения 26 июля», собрались в этом священном месте, где шестьдесят три года тому назад отдал жизнь за Свободу апостол кубинской Свободы Хосе Марти ¹.

Этой свободы мы лишены сегодня.

Мы готовы, следуя его примеру, пасть в бою, устремляя свой последний взгляд к солнцу, дабы завершить начатое Хосе Марти благородное дело, которое смерть помешала ему довести до конца.

Здесь, на месте его гибели, мы призываем в свидетели землю, напоенную его кровью, чистой кубинской кровью, и еще раз клянемся продолжить борьбу, в которой нам суждено стать свободными или погибнуть и у которой нет другого исхода, но только — Победа или Смерть!

Майор Камило Сьенфуэгос
Капитан Освальдо Эррера
Капитан Карлос Борхас
Капитан Орестес Герра
Рядовой Луис Кастильо

---

¹ Хосе Марти (1853—1895) — кубинский революционер и писатель, идеолог и организатор освободительной борьбы против испанского господства. Х. Марти объединил силы кубинских патриотов, создал Кубинскую революционную партию (1892), сыгравшую решающую роль в организации начавшегося 24 февраля 1895 года национально-освободительного восстания на Кубе. Был смертельно ранен в бою в районе Дос Риос.

Камило Сьенфуэгос

ИЗ ПИСЬМА ФИДЕЛЮ КАСТРО

...Народ смотрит на солдат Революции как на легендарных героев. Сегодня, когда я говорил с рабочими сахарных плантаций, я был так взволнован, как редко случалось со мной за эти годы борьбы. На несколько часов эти люди почувствовали себя абсолютно свободными. Они делились с нами своими мыслями с такой искренностью, что наших бойцов бросало в дрожь, а этого не случалось с ними и в самые тяжелые моменты, в самых жестоких боях.

Рабочие видят в нашей Революции, в «Движении 26 июля» свое спасение и светлое будущее всей Кубы. Одетые в лохмотья, они шли к нам в лагерь пешком, проделав долгий, нелегкий путь и подвергая свою жизнь опасности.

Наш путь долог и тернист, но мы пройдем его, ибо должен настать

день, когда те, для кого мы сражаемся, будут жить в свободной стране, когда у них будет все, чего они заслуживают, — мы им это обещали, и, чтобы исполнить свое обещание, мы удвоим наши усилия.

Простые люди, для которых лес стал сегодня залом собрания, а большой камень — трибуной для выступающих, говорили так взволнованно и откровенно, как им не приходилось говорить уже многие годы. На их лицах огромная усталость, она копилась годами. В полный голос они говорили о своих нуждах, своих тяготах, и, чтобы помочь им, мы не пожалеем сил ни сегодня, ни завтра.

Когда крестьянин с мачете у пояса и повстанец с винтовкой на плече обнялись, стоя на этой земле, обильно политой кровью, все мы твердо знали: кровь эта пролилась не напрасно.

19 ноября 1958 года

ИЗ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ 27 ИЮНЯ 1959 ГОДА В ГОРОДЕ СЬЮДАД-ЛИБЕРТАД ПЕРЕД КУРСАНТАМИ

Нас не пугают заговоры, возникающие сейчас повсюду, нас не пугает тот факт, что враги Революции сговариваются и объединяются где-то за

рубежом, чтобы попытаться напасть на нас и отнять завоеванную нами Свободу. Мы знаем, в этот грозный час вы будете в едином строю с нами

и со всем нашим народом, который поднимается на защиту Революции! Пески наших пляжей он сделает могилой для наемников, если они по-

смеют высадиться на наших берегах, чтобы отнять у нас ту чудесную Свободу, которой дышит сейчас свободная Республика Куба.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ В КАМАГУЭЕ ПЕРЕД СОЛДАТАМИ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ 21 ОКТЯБРЯ 1959 ГОДА

...Наша Революция будет продолжаться до своего логического завершения. Наша Революция достигнет поставленной перед ней цели. Перед Революцией, как и в дни войны, открыты только два пути: победить или умереть. Десятки и сотни наших товарищей по Повстанческой армии знают, что наша Революция — плоть от плоти кубинского народа, что она честна и справедлива...

Ошибаются те наши товарищи, которые думают, что все усилия, все трудности и жертвы кончились 1 января, в день победы Революции. Подлинные трудности, подлинные лишения и еще более напряженная работа начались именно в этот день.

Нас спрашивают, куда мы идем, и мы отвечаем, что идем с Революцией до конца. Мы установим подлинную социальную справедливость, мы выведем крестьян и рабочих из нищеты, в которой держали их те же силы, что сейчас движут контрреволюцией, дергая за ниточки из-за кулис. Кубинская революция не остановится никогда и ни перед чем.

Наша страна, этот маленький остров, скоро займет достойное место в ряду других стран... Теми же рука-

ми, которыми хватались мы за стволы деревьев, карабкаясь вверх по горам, теми же крепкими руками, которыми сжимали мы винтовки в боях за Свободу, теми же самыми руками построим мы будущее своей родины. Мы уверены в этом, потому что уже сейчас наш народ являет высокие примеры бескорыстия, потому что кубинские трудящиеся отдают часть своих скудных заработков в фонд индустриализации, потому что даже наши дети собирают деньги на это по грошу, потому что наши учителя отдают половину своего заработка государству, потому что у нас есть славная Повстанческая армия, потому что кубинские крестьяне верят, что мы построим им дороги, что мы вместе с ними построим им дома, и потому что все мы несем в своей душе, в своем сердце, в своих мыслях нашу прекрасную родину и будем трудиться на благо ее. Родине мы обязаны всем и за нее умрем, если потребуется!

Для кубинских
детей
К. Сьенфуэгос
навсегда останется
человеком-легендой.

Фидель Кастро

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ В СВЯЗИ С ГИБЕЛЬЮ К. СЬЕНФУЭГОСА

...Нашему народу стоило бы подумать о следующем: откуда вышел Камило Сьенфуэгос? Камило вышел из народа. Никто не знал его четыре года назад — разве что очень немногие, его друзья. Камило — человек из народа. И это означает, что народ сам выдвигает своих руководителей. И Хосе Марти говорил, что вожди выходят из народа. Народ дал нам всех наших командиров — тех, что пали в бою, и тех, что живут и трудятся сейчас.

Камило был простым человеком, сын обыкновенных родителей и сам скромный труженик. До вступления в Повстанческую армию он работал портным. А товарищ Альмейда? Товарищ Альмейда был каменщиком, и товарищ Эскалона тоже был каменщиком; товарищ Пуэрта, который сегодня руководит провинцией Лас-Вильяс, служил в магазине; товарищ Универсо Санчес работал в сельском хозяйстве; товарищ Педро Гарсия был шофером; товарищ Каликсто Гарсия работал в аптеке. Все наши руководители — это простые люди. Откуда же они вышли? Из народа. Почему они вышли из народа? Потому, что в нашем народе всегда есть стоящие люди, и, когда исторические условия этому благоприятствуют, они встают в полный рост.

Конечно, лишь исключительные исторические условия могли дать нашей стране героя такого масштаба, как Камило Сьенфуэгос, и вряд ли они скоро представятся вновь. Но в нашем народе много героев, об этом нужно всегда помнить: в любом крестьянском кооперативе, на любом предприятии, в любом горном селе, в любом конце нашей страны можно встретить людей, сегодня неизвестных и скромных, но завтра — если придется защищать родину, если придется встать против тех, кто попытается силой оружия захватить и вновь закабалить нашу страну, — таких же бесстрашных и преданных родине героев, как Камило...

Сегодня мы все восхищаемся, как много успел сделать в своей жизни Камило Сьенфуэгос. Сегодня рассказы о наступлении Повстанческой армии, обо всех революционных схватках, в которых отличился Камило, о его подвигах наполняют нас гордостью и чуть ли не изумлением... И утешение, которое остается теперь нашему народу, — в том, что у нас много людей так же преданных Революции, как Камило, и Камило будет жить в них и вдохновлять их... Они — наша опора сейчас, когда на нас обрушилась эта невосполнимая для нашей Революции утрата...

Эрнесто Че Гевара

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О КАМИЛО СЬЕНФУЭГОСЕ

Воспоминание — это способ вызвать из прошлого и заново пережить то, что ушло или умерло. Но помнить Камило — значит придавать вечный смысл тому, что ушло или умерло, ибо Камило навечно остался в Кубинской революции, бессмертной по самой своей природе.

Сейчас я хочу лишь попытаться воссоздать перед нашими товарищами по Повстанческой армии живой образ этого непобедимого партизана. Я могу это сделать, потому что был рядом с Камило Сьенфуэгосом с того самого печального момента, когда под Алегрия-де-Пио мы выдержали свой первый бой, закончившийся тяжелым поражением, а также и потому, что Камило был для меня даже больше, чем товарищ по борьбе, деливший со мной все победы и радости, — Камило был для меня настоящим братом.

В Мексике я не был с ним знаком: он приехал из Соединенных Штатов и присоединился к нам в последний момент; к тому же он приехал без всякой предварительной рекомендации, и мы не очень-то доверяли ему, как не доверяли вообще никому чужому в тот грозный час. Он плыл на «Гранме» просто как один из тех восьмидесяти двух, что пересекали море, отдавая себя во власть стихий,

чтобы открыть новую полосу событий на Американском континенте.

Свое первое представление о Камило я получил, когда о нем самом еще не знал ничего, по одному лишь его восклицанию, которое тем не менее многое могло бы сказать о всех нас.

Это было, когда нас разгромили под Алегрия-де-Пио; я лежал раненый на лужайке; рядом со мной один из наших товарищей, исходя кровью, расстреливал свои последние патроны, чтобы умереть, сражаясь. Послышался чей-то слабый крик: «Мы погибли, надо сдаваться!» И в ответ ему откуда-то пророкотал мощный бас. Я не узнал голоса Камило, но он прозвучал у меня в ушах, как голос самого народа, за который мы сражались: «У нас не сдаются, черт побери!»

Тот страшный час миновал, мы уцелели — сам я обязан жизнью товарищу Альмейде — и некоторое время впятером бродили по обрывистым утесам вблизи мыса Крус.

Однажды лунной ночью мы наткнулись на еще троих наших товарищей (среди них был Камило), которые мирно спали, меньше всего думая о батистовских солдатах, рыскавших поблизости. Мы застigli их врасплох и поначалу приняли за врагов. К счастью, все обошлось, но этот слу-

чай послужил поводом для той шутки, которой мы перебрасывались впоследствии: я, мол, подкараулил и застиг Камило врасплох, чтобы взять реванш за другое столкновение, когда мне пришлось выкинуть белый флаг, чтобы он и его товарищи не пристрелили нас, приняв за батистовцев.

Мы продолжали путь восьмером. Камило очень страдал от недостатка пищи и всегда был голоден. У нас с ним бывали резкие перепалки на этот счет, потому что его так и подмывало зайти к кому-нибудь из крестьян и выпросить чего-нибудь поесть. Уступив требованиям тех, кого мы прозвали «обжорной командой», мы дважды с трудом уходили от солдат правительственной армии, на счету которой было к тому времени уже несколько десятков наших убитых товарищей. На девятый день «обжоры» все же настояли на своем: мы зашли на какой-то хутор, наелись — и слегли все, причем среди тех, кому пришлось хуже всего, был, разумеется, и Камило, накануне набросившийся на еду, как лев, и съевший один целого козленка.

В те времена я был больше врачом, чем солдатом. В качестве лечения я установил для Камило строгий режим питания; я решил также, что он должен остаться на хуторе, где его оберегали бы и заботились бы о нем. Все кончилось благополучно, и скоро мы снова были вместе.

Дни проходили за днями, собираясь в недели и месяцы, мы шли и шли, теряя в боях наших дорогих товарищей... Боевые качества Камило завоевывали ему все больший авто-

ритет, и вот он уже лейтенант, командующий авангардом нашей единственной тогда колонны, нашего любимого детища. Позднее она стала Первой колонной имени Хосе Марти и командовал ею лично Фидель.

Все наши вооруженные силы выросли из этой колонны, где Альмейда и Рауль были капитанами, Камило — лейтенантом, командиром авангарда, Эфихенио Амехейрас — командиром арьергарда, Рамиро Вальдес — лейтенантом, командиром одного из взводов у Рауля, Каликсто — рядовым в другом его взводе, а я — военным врачом в звании лейтенанта.

Позже, после Уверо, меня произвели в капитаны, а еще через некоторое время я стал майором и командиром колонны, которая начала действовать самостоятельно под названием Четвертой — название, единственное назначение которого заключалось в том, чтобы ввести в заблуждение противника, так как в действительности она была всего лишь второй.

И вот однажды Камило — уже капитан — перешел в колонну, которой я командовал. Здесь началась новая героическая полоса его жизни, отмеченная неутомимой деятельностью и тем его особым боевым пылом, благодаря которому он мгновенно мог мобилизовать все свои силы и способности, не давая батистовским солдатам опомниться.

Как-то раз он убил в бою солдата вражеского авангарда и успел подхватить винтовку, которую тот держал в руках, не дав ей коснуться земли, — так быстро все произошло...

Камило уже тогда был тем самым Камило, которого мы запомнили, —

стратегом авангардных боев, партизаном с головы до ног, авторитетом в вопросах этой столь необычной, партизанской войны, приемами которой он овладел в совершенстве.

Помню тяжелые минуты, которые мне довелось пережить во время второго штурма Пино-дель-Агуа. Фидель поручил Камило атаку на одном из флангов, чтобы отрезать батистовцам пути к отступлению... Камило был дважды ранен. Одна пуля прошла бедро, другая попала в живот; Камило сумел отползти, и двое товарищей вынесли его из боя. В двух километрах от места, где он находился, отделенные от него неприятельскими позициями, мы слышали пулеметные очереди, перемежавшиеся криками:

«Вот эта пуля — для Камило!.. А эти вот — все для Камило!» ...И все мы уже считали Камило погибшим. После боя нам оставалось лишь порадоваться его везению: пуля, попавшая ему в живот, прошла навылет, не задев ни одного жизненно важного органа...

А однажды он со своими бойцами — всего двадцать человек — был окружен батистовскими войсками, насчитывавшими до шестисот солдат и офицеров. Партизаны держались целый день, отбили все атаки, в которых участвовали и танки, а ночью вышли из окружения, что казалось совершенно невероятным...

Затем началась замечательная история нашего наступления с целой

Гавана.

серией побед на равнинах Лас-Вильяс, нелегко доставшихся побед из-за необычайно трудных условий местности, но блестящих по своей дерзости. Здесь проявились и политическое чутье Камило, и его решимость в отстаивании революционных принципов, и его неиссякаемая энергия, и его вера в своих бойцов.

Всегда и везде Камило был весел, словоохотлив, остроумен и насмешлив. Помню, что в Сьерра-Маэстре ко мне, как к командиру колонны, пришел как-то крестьянин... с жалобой на Камило. Он возмущенно повторял, что Камило не имеет права его так оскорблять, что никакой он не чревовед. Я ничего не понял и пошел к Камило за разъяснением его странного поведения. Оказалось, что Камило приклеил этому крестьянину ничего не значащее словечко «чревовед» в качестве прозвища, но произносил его всегда так ядовито, что тому стало казаться, будто ему наносят какое-то чудовищное оскорбление...

Камило был человек, о котором ходили легенды, о нем рассказывали множество всяких историй. Он сам давал пищу для них на каждом шагу... Он был не из тех, кто соразмеряет опасность, — Камило смеялся над опасностью, играл с нею, дразнил ее, как тореро дразнит быка. Он притягивал опасность и управлял ею...

Фидель сказал, что у нас будет много таких героев, как Камило. Я могу добавить, что в нашей Революции уже были такие герои. Только жизнь их оборвалась слишком рано, не успев завершиться столь блистательным взлетом, как у Камило.

Он успел совершить многое, и имя его останется в истории нашего народа. Камило и такие, как он, — те, что не дожили до победы, и те, что еще придут, — это свидетельство силы народной, это высшее проявление того, что может дать народ, взявшийся за оружие, народ, вставший на защиту самых светлых своих идеалов и верящий в конечное достижение самых благородных своих целей... Камило — это образ Народа!..

К. Сьенфуэгос
и Р. Кастро.

Гавана.
Маяк у стен
старинной
крепости.

Вильма Эспин

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О К. СЬЕНФУЭГОСЕ**

...Я увидела. Камило в феврале 1958 года, когда он возвращался после штурма Пино-дель-Агуа. Он был ранен в живот навывлет... а шагал как ни в чем не бывало, в расстегнутой рубашке, весь обмотанный бинтами, то и дело подшучивая над своим ранением, жизнерадостный, как всегда... После этого мы с Камило не встречались уже до самой победы Революции. К сожалению, не так много времени суждено было Камило прожить среди нас, но наши воспоминания о нем неизгладимы, эти воспоминания — на всю жизнь.

Камило имел привычку подшучивать над всеми, так что с ним нужно было держаться всегда начеку, хотя шутки его были по-детски невинные и всегда очень смешные...

Камило оставил радостные воспоминания у всех, кто его знал. Никто никогда не видел его в дурном настроении — напротив, в самые тяжелые минуты, в самых критических ситуациях шутка вертелась у него на кончике языка...

Камило — человек из легенды. Вот какое представление рождает во мне и он сам и даже само его имя, совершенно необычное, исполненное силы и поэзии, имя, которое вполне мог бы носить какой-нибудь сказочный герой — Камило Сьенфуэгос, Камило Сто Огней.

И сама смерть Камило, пропавшего

где-то в море, и обычай отмечать годовщину его смерти, бросая в море цветы, и все его героические свершения — все как будто создано для легенды.

Я помню, как он в первый раз спустился с гор: он словно издевался над батистовской армией; казалось, что он неуязвим, что врагам не совладать с ним.

Как-то раз Камило попал в окружение, враги подожгли рощицу, в которой он скрывался, и все-таки Камило удалось вырваться из вражеского кольца. Тогда-то и начали крестьяне говорить, что он может пройти сквозь огонь и ничего с ним не случится, потому что имя его — Камило Сто Огней...

Когда начнут понемногу стираться четкие очертания нынешних событий, когда наша жизнь начнет понемногу отходить в прошлое, Камило станет человеком-легендой. А мы будем лелеять эти воспоминания о легендарном Камило, о Камило-воине, сражавшемся, как лев, о Камило — веселом ребенке, о нашем Камило — чтобы эти воспоминания сохранились на всю жизнь... нашу и наших детей.

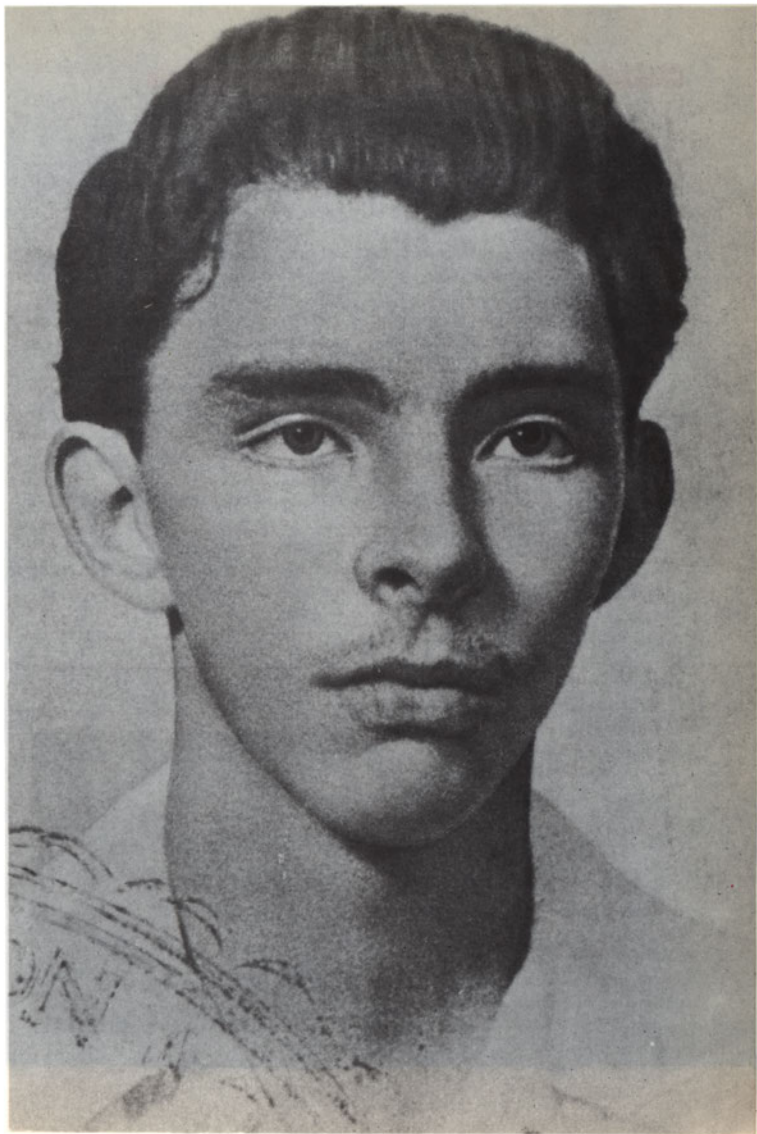
**Камило
Сьенфуэгос.**

Франк ПАИС

**Мы стремимся... принести на Кубу
политические, экономические и социальные
перемены, которых требует наше время,
глубоко перестроить жизнь всех слоев
населения, осуществить революционные планы,
позволяющие всем гражданам работать
на благо обновленной родины...**

ФРАНК ПАИС

Франк Паис — один из выдающихся руководителей революционного движения на Кубе, организатор борьбы кубинского народа против тирании Батисты в 50-е годы.

Родился 7 декабря 1934 года в городе Сантьяго-де-Куба. блестяще окончив среднюю школу, учился в педагогическом колледже, затем в университете. Принимал активное участие в работе студенческих политических организаций.

Вместе с товарищами по университету Франк Паис с волнением следил за событиями героического 1953 года, когда повстанцы во главе с Фиделем Кастро штурмовали казармы Монкада в Сантьяго.

Вскоре он присоединился к «Движению 26 июля» — революционной организации, возглавляемой Фиделем Кастро, которая с 1953 года вела вооруженную борьбу против тирании Батисты. Ф. Паис руководил группой революционеров в провинции Орьенте. Деятельность Ф. Паиса на этом посту получила самую высокую оценку Фиделя Кастро.

30 ноября 1956 года в Сантьяго вспыхнуло восстание, возглавленное Франком Паисом. Восставшие хотели отвлечь часть войск правительства Батисты, с тем чтобы облегчить условия проведения десанта кубинских революционеров во главе с Фиделем Кастро с яхты «Гранма» 2 декабря 1956 года.

Эта цель была достигнута. На короткое время повстанцы захватили город, однако силы были неравны,

и Франк Паис отдал приказ об отступлении.

Франк Паис был выслежен охранкой диктатора Батисты.

30 июля 1957 года он погиб в перестрелке с полицейскими агентами, окружившими конспиративную квартиру революционера.

Известие о гибели Франка Паиса потрясло молодежь Кубы, вожаком которой он был. Позороны Франка превратились в массовую демонстрацию против кровавой диктатуры Батисты. Трудящиеся Сантьяго в знак протеста объявили в тот день всеобщую забастовку.

Франк Паис остается символом негасимого революционного духа кубинской молодежи. Во время освободительной борьбы 1957—1958 годов его именем был назван один из партизанских фронтов.

А. Сосновский

Франк Паис.

Франк Паис

Когда останется лишь один кубинец,
верящий в Революцию,
этим кубинцем буду я.

ИЗ ПИСЬМА РУКОВОДИТЕЛЯМ ОРГАНИЗАЦИИ «ДВИЖЕНИЕ 26 ИЮЛЯ»

17 мая 1957 года

...Мы не только стремимся свергнуть диктатуру, запятнавшую историю нашего свободолюбивого народа, не только стремимся установить честное правительство, не только хотим вернуть народу Кубы свободу и уверенность в завтрашнем дне. Мы стремимся — и это должно быть ясно всем бойцам «Движения 26 июля» — принести на Кубу политические, экономические и социальные перемены, которых требует наше время, глубоко перестроить жизнь всех слоев населения, осуществить революционные планы, позволяющие всем гражданам работать на благо обновленной родины... Эти идеи, эти чувства, эти мысли должны широко распространяться и обсуждаться всеми участниками нашего движения...

Недостаток подлинного единства, подлинной и последовательной революционной работы, недостаток средств и военного снаряжения не позволил восстанию 30 ноября 1956 года покончить с режимом Батисты. Эта попытка обошлась нам дорого, ценой многих жертв, но мы приобрели зрелость, и наше революционное сознание укрепились.

Я хочу еще раз повторить, что неизменными нормами жизни наших бойцов должны быть: дисциплина, выдержка, организованность. Мы должны сами постоянно следовать этим нормам и следить за их строгим соблюдением другими. Лишь с помощью дисциплины и единства действий наше движение сумеет достичь победы.

От имени Национального руководства
«Движения 26 июля»
Д а в и д¹

¹ Боевой псевдоним Ф. Паиса.

Фидель Кастро
ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ
В СВЯЗИ С ГИБЕЛЬЮ Ф. ПАИСА

Я не могу передать горечь, возмущение и боль, которые переполняют меня. Какое варварство! Франка убили! Трусливо! Прямо на улице! Воспользовавшись всеми преимуществами, которыми располагает охранка, выслеживая и преследуя подпольщиков!

Какая жестокость! Они не знают, какой ум, какой характер, какую цельную натуру они убили!..

Как горько видеть его убитым, его, самого храброго и талантливого из наших бойцов, ведь он был в полном расцвете сил, ему было только двадцать три года и все лучшее в себе он отдавал Революции.

Нет, не верю, что самопожертвование во имя родины ничего не стоит! Нельзя забыть, как лучшие из лучших наших бойцов под пулями шли на штурм, как женщины вставали в ряды демонстрантов, несмотря на пули и полицейские дубинки. Разве Франк Паис отступил перед лицом опасности? Нет! Теперь пришел час требовать от каждого, называющего себя революционером, от каждого, считающего себя честным человеком, к какой бы организации или партии он ни принадлежал, перейти от слов к решительным действиям!

Франк Паис
и Фидель Кастро.

Эрнесто Че Гевара

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ФРАНКЕ ПАИСЕ

Франк Паис был одним из тех, кто производил неизгладимое впечатление при первой же встрече с ним. Сохранившиеся фотографии довольно точно передают его внешность, только глаза у него были еще более глубокими.

Сейчас трудно говорить о погибшем товарище, с которым я встречался всего один раз и жизнь которого навсегда осталась в анналах истории кубинского народа.

У него были глаза человека высокой души, посвятившего себя единственному делу — Революции. Сегодня его называют незабываемым. Для меня это несомненно. Франк Паис — один из тех наших погибших товарищей, жизнь которых и сегодня была бы отдана общему делу социалистической революции. Гибель его — это часть той огромной цены, которую народ заплатил за Свободу.

Вильма Эспин ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Ф. ПАИСЕ

Я разговаривала с Франком по телефону минут за десять до того, как его убили. Он ничего не сказал мне о том, что уже окружен, что враги уже рядом.

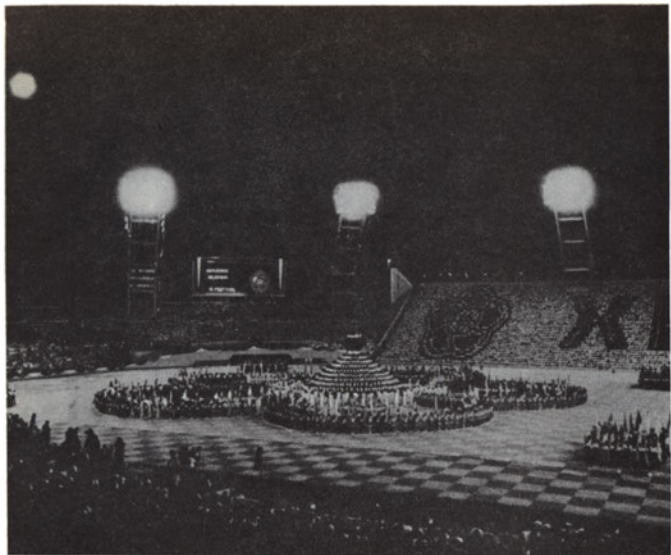
Да, они были рядом, а он ничего не сказал мне, разговаривал так спокойно, будто весь был во власти своих обычных дел...

Я повесила телефонную трубку после разговора с ним, а минут через десять из Сантьяго донеслись звуки перестрелки. Я пробовала выяснить, в чем дело, и мне сказали, что стреляют в какого-то юношу на крыше дома.

О смерти Франка я узнала так. Позвонили с телефонной станции и сказали, что сейчас я смогу услышать, о чем будут разговаривать полицейские чины из батистовской охранки — Салас Канисарес и Лауреано Ибарра. И что же я слышу? «Мы уже покончили с ним. Да, всадили пулю...»

И еще один, Басоль, говорит: «Послушайте, шеф, помните, вы обещали три тысячи песо?! Так вот, пора...»

Три тысячи песо за жизнь Франка...

Пабло Неруда ГЕРОИЧЕСКОЕ ДЕЯНИЕ

Людская боль тонула в океане,
теперь на землю были все надежды,
и вот на берег высадились люди,
их кулаки ковались для победы.
Фидель, пятнадцать храбрых и свобода
ступили твердо на песок прибрежный
и свет, как знамя, подняли над Кубой,
и в траурной ночи рассвет забрезжил:
ведь свет был их единственным оружием, —
но был он погребен в глухие бездны...
К своей звезде они тянули руки,
в стене безмолвья пробивая бреши.
Усталые, но пылкие, сражались
они по зову совести и веры,
они сражались лишь своею кровью,
нагие, незащитные, как дети.
Немного было их, но с их приходом
свобода Кубы родилась из пены.
А время шло. Высокие деянья
их облачили в одеянья Сьерры,
и накормили хлебом безымянным,
и порох дали, чтоб достичь победы.
Они людей дремавших разбудили —
проснулись в людях прежние обиды, —
и матери детей им доверяли,
а землепашцы поверяли беды.
И, как луна растет на небосводе,
росло, светлело это войско бедных,
оно в сраженьях частых не редело,
ведь тростникам идут на пользу ветры,
а враг им оставлял свое оружие —
служили арсеналом им кюветы.
И падали под внешними лучами
дрожащие от страха изуверы —
смерть ордена на грудь им прикрепила,
просверливая пулями одежды.
Вот так росло движение свободных.
Оно поля омыло ветром свежим
и, пробуждая пашни спящей Кубы,
звездой взмыло над морским безбрежьем.

Всемирный
фестиваль
молодежи
и студентов.
Гавана, 1978.

Молодость Кубы.

Дети Кубы.

Куба строится...

Да здравствует
кубинско-советская
дружба!

Николас Гильен

Больше созревших зерен
маиса в одном початке,
чем людей у Фиделя Кастро,
прибывших на шхуне «Гранма».
Море, вздымая волны,
их буйный шаг провожало,
и свет разливался на лицах,
еще безбородых, отважных;
вкруг них — мотыльков трепетанье,
и трясина у них под ногами...
Смерть за ними следила,
одетая в форму солдата,
обычного цвета хаки,
и с винтовкой американской.
Одни здесь ранены были,
другие с жизнью расстались,
а третьи — числом чуть больше,
чем на руках твоих пальцев, —
с усталостью и надеждой
пошли по дороге славы.
Кругом зацветали тропинки
песнями и голосами,
ветры носились и пули,
руки тянулись и мальвы.
Сперва пошли они в Сьерру —
их сердце туда послало;
и там, на самой вершине,
где плещут орлы крылами,
в своей командирской ставке
так сказал им Фидель Кастро:
— Мы спустимся вниз, и равнина
морем из ружей станет.

---

*Митинг на площади
Революции в Гаване.
Выступает
Фидель Кастро.*

Герои-партизаны
латиноамериканского
освободительного
движения

Эрнесто
ЧЕ ГЕВАРА

Карлос
ФОНСЕКА
АМАДОР

У победы есть цена,
высокая и печальная.
Поэтому ничем не омраченная радость
будет достоянием
лишь грядущих поколений.
Ради них мы ведем эту борьбу.

Карлос Фонсека

**ЦЕНА
ПОБЕДЫ**

Эрнесто ЧЕ ГЕВАРА

Я кубинец, и я также аргентинец, и если не оскорбятся почтеннейшие сеньоры из Латинской Америки, я чувствую себя не менее патриотом Латинской Америки, чем кто-либо, и в любое время, как только понадобится, я готов отдать свою жизнь за освобождение любой из латиноамериканских стран, не прося ни у кого ничего взамен, не требуя ничего, не эксплуатируя никого.

ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРА

Эрнесто Че Гевара — латиноамериканский революционер, один из руководителей Кубинской революции 1959 года.

Родился 14 июня 1928 года в г. Росарио (Аргентина). В 1953 году окончил медицинский факультет Национального университета в Буэнос-Айресе и получил диплом врача.

В 1954 году принимал участие в вооруженной борьбе в защиту прогрессивного правительства Х. Арбенса в Гватемале.

В 1955 году произошла первая встреча Гевары с Фиделем Кастро, вылившаяся в многолетнюю дружбу. Вступив в революционный отряд Фиделя в 1956 году в Мексике, Че Гевара участвовал в героической высадке повстанцев с яхты «Гранма» на Кубу.

В 1956—1959 годах участвовал в революционной борьбе кубинских патриотов, командуя одной из колонн повстанцев. Несмотря на мучащую его с детства астму, он наравне со всеми переносил трудности походной жизни. Талант командира, храбрость, самоотверженность, сердечное внимание к товарищам сделали его одним из любимых вождей кубинских революционеров.

После победы революции 1 января 1959 года Че Гевара стал директором Национального банка и министром промышленности Республики Куба. Однако Че Гевара считал, что его долг как революционера состоит в продолжении вооруженной борьбы

за свободу латиноамериканских народов.

1 апреля 1965 года Че Гевара написал прощальные письма Фиделю Кастро, родителям и детям и покинул Кубу. В 1967 году он сражался во главе партизанского отряда в Боливии, и 9 октября 1967 года был зверски убит в селении Игера. Убийцы отрубили ему кисти рук. Место, где похоронен Че, неизвестно.

Аргентинец по происхождению, врач по профессии, революционер и поэт по призванию, убежденный интернационалист, друг Советского Союза — таким был Че. Стремление быть там, где народы с оружием в руках отстаивают свою свободу и национальную независимость, привело его сначала в Гватемалу, а потом в ряды кубинских повстанцев — «барбудос» Фиделя Кастро. Это же стремление привело Че в Боливию.

Широкую известность во всем мире получили книга воспоминаний Э. Гевары «Этапы революционной войны» и опубликованный посмертно «Боливийский дневник».

Имя Эрнесто Че Гевары — символ чистоты, стойкости и преданности делу Революции и Свободы.

И. Григулевич

Э. Че Гевара:
«Этапы
революционной
войны».

Фидель Кастро,
Антонио Нуньес
Хименес, Эрнесто
Че Гевара
разрабатывают
аграрную реформу.

Фидель Кастро
и Эрнесто Че Гевара.

Эрнесто Че Гевара

ПЕСНЬ ФИДЕЛЮ

Пойдем
Встречать зарю на острове твоём,
Похожем на зеленого каймана...
Рванемся в бой неведомым путем.
Пойдем
И, все преграды прошибая лбом,
Увенчанным повстанческой звездой,
Победу вырвем или смерть найдем.

Когда раздуешь тлеющие угли
Костра
И вздрогнут, пробудившись, джунгли,
Когда ты берег огласишь пальбой,
И мы — с тобой!
Когда пообещаешь ты народу
Аграрную реформу и свободу
И гуахиرو увлечешь борьбой,
И мы — с тобой!
Когда свершится — поздно или рано —
Свержение ненавистного тирана,
Навяжешь ты врагу последний бой,
И мы — с тобой!
Опасен недобитый хищник будет,
Но за тобой пойдут простые люди,
Горды солдатской честною судьбой,
И мы — с тобой!
Мы победим во что бы то ни стало,
Гавана слышит клич твой боевой.
Дай мне винтовку
И укрытие в скалах,
И больше ничего.
А если нас постигнет неудача,
Мы встретим поражение не плача,
Платком кубинским бережно накроем
Останки воевавших как герои
За честь Америки — она светлей всего...
И больше ничего...

Ю. Гагарин
и Э. Че Гевара.

**ИЗ ПИСЬМА Э. ЧЕ ГЕВАРЫ
ФИДЕЛЮ КАСТРО
ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В БОЛИВИЮ**

*Гавана
(Год сельского хозяйства) (1965 г.)*

Фидель!

Чувствую, что я частично выполнил долг, который связывал меня с Кубинской революцией на ее территории, и я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим.

Настоящим официально отказываюсь от своего поста в руководстве партии, от поста министра, от звания майора, от моего кубинского гражданства. Официально меня ничто больше не связывает с Кубой, кроме лишь связей другого рода, от которых нельзя отказаться так, как я отказываюсь от своих постов.

Обозревая свою прошлую жизнь, считаю, что я работал достаточно честно и преданно, стараясь укрепить победу революции... Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара. Я могу сделать то, в чем тебе отказано, потому что ты несеешь ответственность перед Кубой, и поэтому настал час расставания.

Знай, что при этом испытываю одновременно радость и горе, я оставляю здесь самые светлые свои надежды созидателя и самых дорогих мне людей... Оставляю здесь народ, который принял меня, как сына, и это

причиняет боль моей душе. Я унесу с собой на новые поля сражений веру, которую ты в меня вдохнул, революционный дух моего народа, сознание, что выполняю самый священный долг — бороться против империализма везде, где он существует; это укрепляет мою решимость и стoriцей излечивает всякую боль...

Я всегда отождествлял себя с внешней политикой нашей революции и отождествляю до сих пор. Где бы ни находился, я буду чувствовать свою ответственность как кубинский революционер и буду действовать как таковой. Я не оставляю своим детям и жене никакого имущества, и это не печалит меня. Рад, что это так. Ничего не прошу для них, потому что государство даст им достаточно для того, чтобы они могли нормально жить и получить образование.

Я мог бы сказать еще многое тебе и нашему народу, но чувствую, что это не нужно; словами не выразить всего того, что я хотел бы, и не стоит зря переводить бумагу.

Пусть всегда будет победа! Родина или смерть!

Тебя обнимает со всем революционным пылом

ЧЕ.

ПИСЬМА Э. ЧЕ ГЕВАРЫ РОДНЫМ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В БОЛИВИЮ

Дорогие старики!

Я вновь чувствую своими пятками ребра Росинанта, снова, облачившись в доспехи, пускаюсь в путь.

Около десяти лет тому назад я написал вам другое прощальное письмо.

Насколько помню, тогда сожалел, что не являюсь более хорошим солдатом и хорошим врачом; второе уже меня не интересует, солдат же из меня получился не столь уж плохой.

В основном ничего не изменилось с тех пор, если не считать, что я стал значительно более сознательным, мой марксизм укоренился во мне и очистился. Считаю, что вооруженная борьба — единственный выход для народов, борющихся за свое освобождение, и последователен в своих взглядах. Многие назовут меня искателем приключений, и это так. Но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют

своей шкурой, дабы доказать свою правоту.

Может быть, пытаюсь сделать это в последний раз. Я не ищу такого конца, но он возможен, если логически исходить из расчета возможностей. И если так случится, примите мое последнее объятие.

Я любил вас крепко, только не умел выразить свою любовь. Я слишком прямолинеен в своих действиях и думаю, что иногда меня не понимали. К тому же было нелегко меня понять, но на этот раз — верьте мне. Итак, решимость, которую я совершенствовал с увлечением артиста, заставит действовать хилые ноги и уставшие легкие. Добьюсь своего.

Вспоминайте иногда этого скромного кондотьера XX века.

Поцелуйте Селию, Роберто, Хуана-Мартина и Пототина, Беатрис, всех.

Крепко вас обнимаю. Ваш блудный и неисправимый сын

Эрнесто.

МОИМ ДЕТЯМ

Дорогие Ильдита, Алеидита, Камило, Селия и Эрнесто!

Если когда-нибудь вы прочтете это письмо, значит, меня не будет среди вас.

Вы мало что вспомните обо мне, а малыши не вспомнят ничего.

Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам

и, несомненно, жил согласно своим убеждениям.

Растите хорошими революционерами. Учитесь много, чтобы овладеть техникой, которая позволяет властвовать над природой. Помните, что самое главное — это Революция и что каждый из нас в отдельности ничего не значит.

На испытаниях
комбайна
по уборке
сахарного
тростника.

Последнее
семейное фото.
1964.

И главное, будьте всегда способными самым глубоким образом почувствовать любую несправедливость, совершаемую где бы то ни было в мире. Это самая прекрасная черта революционера.

До свидания, детки, я надеюсь еще вас увидеть. Папа шлет вам большущий поцелуй и крепко обнимает вас. Дорогая Ильдита!

Пишу тебе сегодня, но это письмо ты получишь значительно позже. Знай, что я помню о тебе и надеюсь, что ты проводишь радостно день твоего рождения. Ты почти женщина, поэтому не могу писать тебе, как детям, рассказывая глупости и враки.

Тебе следует знать, что я нахожусь

В кругу детей.

далеко и буду долго отдален от тебя, делая все, что в моих силах, для борьбы против наших врагов. Немногое, кое-что из того, что я делаю и думаю, позволит тебе всегда гордиться твоим отцом, как я горжусь тобой.

Помни, что впереди многие годы борьбы, и даже когда ты станешь взрослой, тебе придется внести свой вклад в эту борьбу. Между тем следует готовиться к ней, быть хорошей революционеркой, а в твои годы это значит много учиться, изо всех сил, и быть всегда готовой поддержать справедливое дело. Кроме того, слушайся маму и не слишком воображай о себе. Это пройдет со временем.

Борись, чтобы стать одной из лучших в школе. Лучшей во всех отношениях, ты знаешь, что я понимаю под этим: учебу и революционное поведение, иначе говоря, серьезное отношение к труду, любовь к родине, революции, товариществу и т. д. Я не был таким в твои годы, но рос я в другом обществе, где человек был врагом человека. Тебе выпало счастье жить в другое время, и ты должна быть достойной его.

Не забывая время от времени следить за поведением малышей и советовать им учиться и вести себя прилежно. Главным образом смотри за Алеидитой, которая с большим уважением относится к тебе, как к своей старшей сестре.

Хорошо, старуха, еще раз желаю тебе провести счастливо твой день рождения. Обними за меня маму и Джину и прими мое большущее и крепчайшее объятие на все время нашей разлуки.

Твой папа.

На ассамблее ООН
в Нью-Йорке.
1964 г.

Фидель Кастро

БЫТЬ ТАКИМ, КАК ЧЕ...

Если бы меня спросили, какими мне хочется видеть наших бойцов революции, наших воинов, лучших из лучших наших товарищей, я сказал бы без малейших колебаний: «Пусть будут такими, как Че!»

Если бы меня спросили, какими мне видятся люди грядущих поколений, я бы сказал: «Пусть будут такими, как Че!»

Если бы меня спросили, какими следует воспитывать наших детей,

я бы ответил без колебаний: «Хочу, чтобы в них жил дух Че!»

И если вы захотите найти пример человека, который принадлежит не только нашему времени, но и далекому будущему, я скажу вам всем сердцем: таким незапятнанным образцом и в мыслях и в делах является Че! От всего сердца, как настоящие революционеры, мы должны стремиться, чтобы наши дети стали такими, как Че.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «БОЛИВИЙСКОМУ ДНЕВНИКУ» ЧЕ ГЕВАРЫ

Гевара был полон глубокой ненависти и презрения к империализму, и не только потому, что он обладал высокоразвитым политическим сознанием, но потому, что не так давно, будучи в Гватемале¹, имел возможность стать свидетелем преступной империалистической агрессии, когда реакционная военщина и наемники задушили революцию в этой стране.

• • •

Че рассматривал свою смерть как нечто естественное и возможное в ходе борьбы и настойчиво стремился выразить в своих последних записях мысль о том, что такая случайность все равно не остановит неизбежного хода революционного процесса в Латинской Америке...

Он считал себя солдатом Революции и не исключал, что, может быть, ему лично не доведется дожить до ее полной победы. Те, кто видит в развязке борьбы Гевары в Боливии поражение его идей, с тем же успехом могут отрицать значение идей и борь-

---

¹ Имеется в виду вооруженная интервенция против прогрессивного правительства президента Х. Арбенса в Гватемале (1951—1954), организованная империалистическими кругами США с помощью местной реакции. Че Гевара участвовал в борьбе против интервентов в 1954 году.

бы всех великих революционных предтеч и мыслителей, включая основателей марксизма, которым тоже не довелось завершить свое дело и увидеть при жизни плоды своих благородных усилий...

На меня произвела огромное впечатление та твердость духа, которую проявили партизаны — сподвижники Че Гевары... В истории человечества мы знаем немного примеров, когда горстка храбрецов бралась за столь гигантскую задачу. Абсолютная убежденность и вера в революционность народов Латинской Америки, вера в себя и решимость, с какой они отдались своему делу, показывают нам, какими были эти люди.

Однажды в Боливии Че сказал своим партизанам: «Эта борьба дает нам возможность стать революционерами, солью человечества, но она же позволяет нам стать настоящими мужчинами. Тот, кто не чувствует себя способным нести это звание, должен прямо сказать об этом и оставить

борьбу». Те, кто сражался рядом с ним, были настоящими революционерами.

7 октября 1967 года Че написал последние строки своего дневника. На следующий день, в 13 часов, когда партизаны укрылись в узком ущелье, чтобы, дождавшись ночи, вырваться из окружения, на них напали враги. Партизанский отряд был весьма малочисленным, и все-таки партизаны приняли бой. До наступления темноты сражались они против множества карателей.

Из тех, кто сражался в этом бою рядом с Че, не осталось в живых никого. Однако все указывает на то, что Че сделал все возможное, чтобы прикрыть отход товарищей, пока сам не был тяжело ранен...

Последние часы его жизни прошли во власти презренных врагов. Конечно, они были очень горькими. Но не было в мире человека, который был бы подготовлен к столь тяжкому испытанию лучше, чем Че.

Пабло Неруда

ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНИЙ «ПРИЗНАЮСЬ: Я ЖИЛ»

Моя первая встреча с Че Геварой... состоялась в Гаване. Он пригласил меня в министерство финансов или экономики — сейчас не припомню, — и я явился к нему около часа ночи. Мы условились на двенадцать, но я опоздал: сидел в президиуме на

одном собрании, которое очень затянулось.

Че Гевара был в сапогах, в походной военной форме, с пистолетами за поясом. Все это не вязалось с обстановкой банковского помещения. Гевара был смуглым, говорил нето-

ропливо, с явным аргентинским акцентом. С этим человеком хотелось беседовать не спеша, в пампе, под открытым небом, за горячим мате¹. Он говорил короткими фразами, заканчивая их улыбкой, как бы приглашая собеседника высказать свое мнение.

Мне польстило то, что сказал Гевара о моей книге «Всеобщая песнь». Он читал ее вечерами партизанам Сьерра-Маэстры. Прошли годы, но меня и сейчас пронизывает дрожь при мысли о том, что мои стихи были с ним до самой смерти. Мне рассказывали, что в горах Боливии Гевара до последнего часа хранил в вещевом мешке две книги: арифметический задачник и «Всеобщую песнь».

В ту ночь я услышал от Че Гевары слова, которые меня озадачили, и, быть может, они отчасти объясняют

его судьбу. Мы говорили о возможном нападении американцев на Кубу. Он то смотрел на меня, то переводил взгляд на темное окно. Я видел на улицах Гаваны в разных местах мешки с песком. Внезапно Че Гевара сказал:

— Война... Война... Мы против войны, но, коль скоро мы воюем, нам без нее нельзя. В любой момент мы к ней готовы.

Он размышлял вслух, разъясняя это себе и мне. Я был потрясен. Для меня война — угроза. Для него — неизбежность, судьба.

Мы простились, и больше я его не видел. Потом был бой в боливийской сельве¹ и трагическая гибель Гевары. В моей памяти он остался тем задумчивым человеком, у которого во всех его героических битвах рядом с оружием было место для поэзии...

Ильда Гадеа

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Доктор Эрнесто Гевара поразил меня с первых же бесед своим умом, серьезностью, своими взглядами и знанием теории марксизма... Выходец из буржуазной семьи, он, имея на руках диплом врача, мог легко сделать карьеру у себя на родине, как это и делают в наших странах все специалисты, получившие высшее образование. Между тем он стре-

мился работать в самых отсталых районах, даже бесплатно, чтобы лечить простых людей. Но больше всего вызвало мое восхищение его отношение к медицине. Помня о том, что довелось повидать ему во время путешествий по разным странам Южной Америки, он с негодованием говорил об антисанитарных условиях и нищете, в которых живут наши народы. Я хорошо помню,

---

¹ Мате — национальный напиток в Аргентине, напоминающий чай.

---

¹ Сельва — влажный тропический лес в Латинской Америке.

что мы обсуждали в связи с этим роман А. Крони́на «Цитадель» и другие книги, в которых затрагивается тема долга врача по отношению к трудящимся. Ссылаясь на эти книги, Эрнесто приходил к выводу, что врач в наших странах не должен быть привилегированным специалистом, он не должен обслуживать господствующие классы, «изобретать бесполезные лекарства для воображаемых больных». Разумеется, поступая так, можно заручиться солидными дохо-

дами и добиться успеха в жизни, но к этому ли следует стремиться молодым сознательным специалистам наших стран?

Доктор Гевара считал, что врач обязан посвятить себя улучшению условий жизни широких масс. А это неминуемо приведет его к осуждению правительственных систем, господствующих в наших странах, эксплуатируемых олигархиями, где усиливалось вмешательство империализма янки.

Дариель Аларкон Рамирес

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПАРТИЗАН

...С оружием в руках, с полной выкладкой мы уехали в горы. Вскоре перед нами предстал пожилой мужчина, совершенно лысый, в очках, с трубкой, в костюме и начищенных ботинках. Мы догадались: это тот самый «иностранец», который, как нам говорили, будет командиром нашего отряда.

Пинарес, старший по званию среди нас, подал команду «Смирно!», и «иностранец» обошел строй, пожмая всем руки и как-то отрывисто отвечая на вопросы... Наконец он остановился перед Пинаресом и спросил, был ли он во время октябрьского кризиса¹ в Пинар-дель-Рио, и упомянул некоторые детали, касавшиеся происходившего там и поразившие

Пинареса, — выходило, что этот человек тоже был в Пинар-дель-Рио, а Пинарес был уверен, что никогда раньше не встречал его.

Тут подбежал Суарес Гайоль, обнял «иностранца» и закричал: «Ребята! Это Че! Это Че!» Легко представить себе наше удивление. Мы не узнали Гевару, а он был очень доволен своей шуткой...

Потом, когда мы уже находились в учебном лагере, Че предупредил, что всем нам предстоит надолго забыть свои офицерские звания, что отныне мы становимся простыми солдатами и как солдаты должны регулярно нести караульную службу и дежурства, чтобы поддерживать в лагере порядок.

На третий день после этого разговора Че настойчиво поинтересовался, когда же наступит его очередь идти

---

¹ Период обострения угрозы империалистического вторжения на Кубу в 1962 году.

в караул. Мы не предполагали назначать Че в караульную службу, ведь он наш командир, и поэтому ответили: «В последнюю ночь пребывания в лагере, перед отъездом», но Че остался недоволен этим. В отряде все равны, и он не составляет в этом смысле никакого исключения, сказал Че, а потому отправляется в караул этой же ночью. Так же обстояло дело и с дежурством по кухне. Точно в назначенный срок мы увидели Че за уборкой на кухне.

Че вдумчиво разъяснял нам смысл борьбы, которую мы ведем, рассказывал об индейцах, столетиями поработенных, голодающих, поголовно неграмотных... Ему важно было показать нам, какую роль в этом сыграли империализм, колониализм и неоколониализм — злейшие враги народов Латинской Америки. Че хотел, чтобы каждый из нас ясно представлял себе, что нам предстоит, предупреждал о трудностях, которые нужно будет преодолевать, — голоде, жажде, усталости, постоянном риске для жизни, ведь все это неразлучные спутники партизан и революционеров.

Че говорил нам, что придет время, и боливийский народ, за который мы отправляемся сражаться, признает нас своими — так, кстати, случилось с самим Геварой на Кубе, — но за это надо бороться. Важно, чтобы у нас была железная дисциплина, четкая организация дела, мы должны быть на высоте в каждый момент нашей революционной борьбы.

Примером того, как глубоко усвоили мои товарищи уроки Че, как для каждого из них участие в борьбе пле-

чом к плечу с этим героическим человеком постепенно становилось таким же важным, как сама жизнь, стал случай с капитаном Хесусом Суаресом Гайолом. Рубио — такую подпольную кличку дали ему в лагере.

Во время одного из ежедневных тренировочных переходов он наступил на гвоздь, тяжело поранил ногу, но никому не сказал об этом, а продолжал шагать вместе со всеми, чтобы не потерять время и уложиться в обязательные нормы. Когда мы вернулись в лагерь, Рубио просил ничего не говорить о его ранении

Памятник
Э. Че Геваре
в Сантьяго. После
фашистского
переворота в Чили
памятник был
взорван.

Рамону — этот боевой псевдоним взял себе Че, когда стал готовиться к поездке в Боливию. Он боялся, что из-за травмы будет отстранен от тренировок, а значит, может быть лишен возможности ехать сражаться вместе со всеми. Мы так и сделали. К врачу Суарес Гайоль не пошел, мы достали лекарства и сами лечили Рубио, даже делали ему уколы.

Этот случай стал настоящей проверкой решимости и стойкости нашего товарища, потому что прошагать с раной на ноге те десятки километров, которые нам пришлось прошагать, да еще с нелегким грузом за плечами, было нечеловечески тяжело...

Че всегда стремился поддерживать хорошее настроение в отряде. Если он видел, что кто-то из товарищей загрустил, уединился, что его одолели печальные мысли, то деликатно старался выяснить, что случилось и не может ли он чем-нибудь помочь. Душевное участие и помощь Че все наши бойцы всегда охотно принимали: его уважали в отряде, восхищались им.

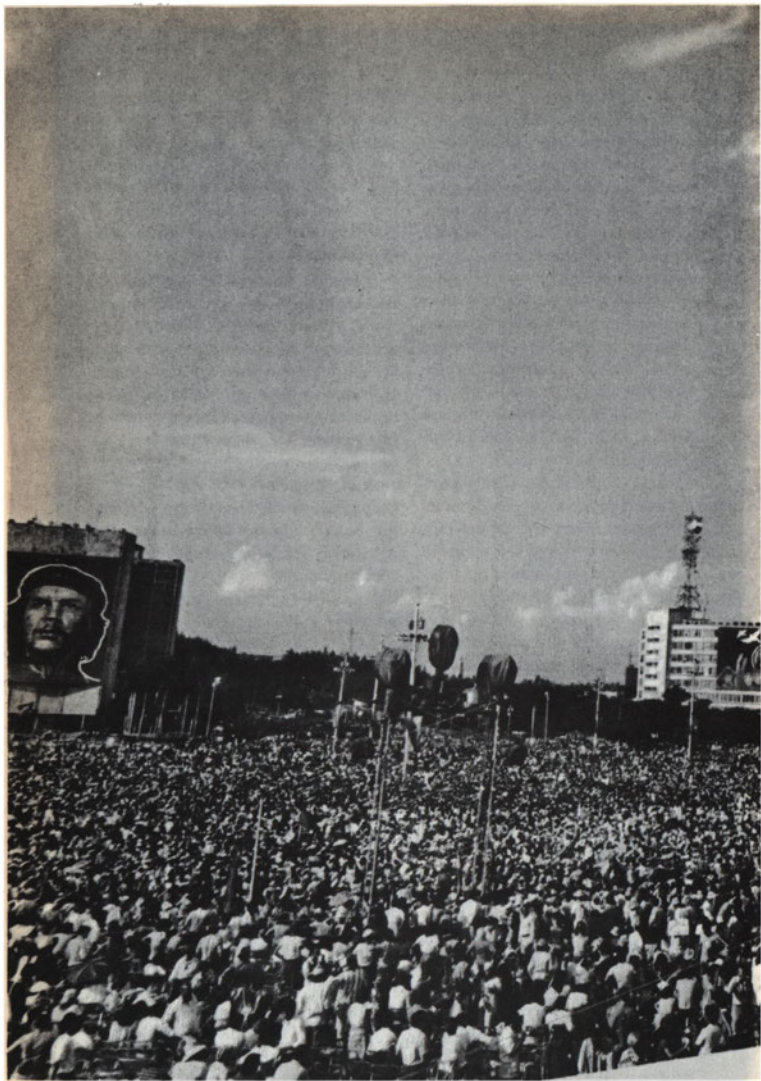
Перед самым отъездом в Боливию Че удалось повидаться с родными, проститься с ними, и он очень беспокоился, все ли мы успели проститься со своими домашними. Он хотел, чтобы мы были честными до конца. Если кто-нибудь из нас, говорил он, принял в свое время поспешное решение, а сейчас не видит в себе сил для партизанской борьбы — ему следует остаться на родине. Он, например, не будет считать этого человека трусом, чувство страха ему понятно, он сам не раз переживал его.

Че считал, что преодолеть естественное чувство страха революционерам помогают убежденность в правоте дела, которому служишь, и твердость духа. Он подчеркивал, что каждый боец-кубинец должен быть негибким в минуты опасности — только тогда мы будем достойны своего народа...

В жизни нашего отряда не было, пожалуй, ни одной малости, которую Че выпустил бы из своего поля зрения. Он обладал какой-то фантастической способностью все предвидеть. При планировании боевых операций он старался заранее предусмотреть, что должен делать каждый боец, намечал возможные пути отхода, назначал пункты встречи, — словом, делал все, чтобы обеспечить сохранение боеспособности партизанского отряда в случае самых непредвиденных обстоятельств.

Мне особенно запомнились уроки индейских языков — кечуа и аймара, — которые вели боливийские товарищи, поскольку большая часть местного населения говорила на этих языках. Че всегда подчеркивал необходимость постоянной работы над собой как в мирное время, так и на войне. Он говорил, что надо постоянно учиться, много читать, овладевать оружием...

Поскольку нам часто приходилось отправляться в горы на разведку, Че очень заботился о каждом из товарищей, получавших такое задание, внимательно проверял оружие, следил, чтобы у каждого была хорошая обувь, еда с собой, кое-что из медикаментов. Когда мы возвращались с задания, Че требовал подробного

Всемирный фестиваль
молодежи и студентов.
Гавана, 1978 г.

доклада, все тщательно записывал, чтобы потом проанализировать как следует.

А еще он вел свой «Боливийский дневник» и читал... Любовь к чтению, к книгам была в нем особенно развита, товарищи заметили это еще во времена Сьерра-Маэстры. В Боливии у его адъютанта был вещмешок с книгами, о которых Че всегда очень беспокоился. Он говорил, что именно чтение обогащает человека, позволяет ему узнать и понять другие народы и других людей. Я думаю, что книги были для него так же важны, как лекарства от астмы, они были его духовным лекарством...

Че любил вспоминать о Сьерра-Маэстре и вообще о пережитом: о работе фотографом в Мехико, о плавании на «Гранме», о революционной войне на Кубе. Такие рассказы поднимали боевой дух наших товарищей, к тому же Че был очень хорошим рассказчиком.

А если случалось, что кто-нибудь из товарищей погибал, Че никогда не забывал почтить его память. Так было, когда погиб первый из нас — Рубио, когда погиб Тума, который, как писал сам Че в дневнике, стал ему почти сыном... Когда 25 апреля умер после ранения Роландо — так в отряде звали капитана Элисео Рейеса, Че, полный горя, сказал: «Мы потеряли одного из самых храбрых и самых любимых наших товарищей...» Мы видели, что он хотел сказать еще что-то, но был слишком взволнован. Казалось, ему не хватало слов, чтобы говорить о Роландо. И когда уже была вырыта могила, Че отвернулся, вынул платок... Потом, как всегда, взял

себя в руки и скомандовал: «Все по местам!» Но сам-то он знал, что в эти минуты нелегко развеять наше горе. Печально было видеть Че в этот момент, он едва владел собой...

С первых дней пребывания в Боливии мы почувствовали, что Че старался установить контакт с боливийскими крестьянами, разъяснить им цели нашей борьбы, идеалы освободительного движения. Он вновь и вновь возвращался к опыту Сьерра-Маэстры, к роли, которую тогда сыграли крестьяне в укреплении революционной Повстанческой армии. Он говорил, что именно народ, проникнувшись благородными идеалами нашей революционной борьбы, донесет их до каждого человека, пока все не поймут, на чьей стороне правда. Он говорил нам о роли, которую должны сыграть рабочие, крестьяне, студенты в освободительной борьбе. В Боливии, с ее большой историей социальных схваток, особое значение, например, имели связи с шахтерами...

Таким был Эрнесто Гевара де ла Серна, Че, Рамон...

Евгений Долматовский

РУКИ ГЕВАРЫ

(Страницы из поэмы)

Я чувствую условность параллелей,
Но время их проводит тут и там.
Отряд Гевары так далек от цели,
И враг за ним шагает по пятам,
А я на сердце ощущаю жжение,
Так, словно сам в Боливии умру,
Так, словно в сорок первом, в окруженье,
Бреду в бреду к товарищам, к Днепру,
Босой, оборванный, в помятой каске,
Шагаю к киевскому рубежу,
Но клятву повторяю по-испански,
Как будто из Мадрида ухожу.
Несчастье бесит, набухают раны...

Теперь на рубежах иной земли
Попали в окруженье партизаны,
А Че Гевару в плен поволокли.
Запомни, современник:
Это было
В недавнем шестьдесят седьмом году.
Его в сплетенье солнечное били,
А он «Мы победим!» шептал в бреду.

Его расстреливали душной ночью,
Всех коммунистов яростно кляня.
Старательно в него стреляли, точно,
Как если бы в тебя или в меня.
Потом рубили руки
И галдели.
Затем, чтобы не слышать хруст костей,
Те руки, что оружием владели
И по головкам гладили детей,
Те руки, что могли махать мачете,
Рубя тростник,

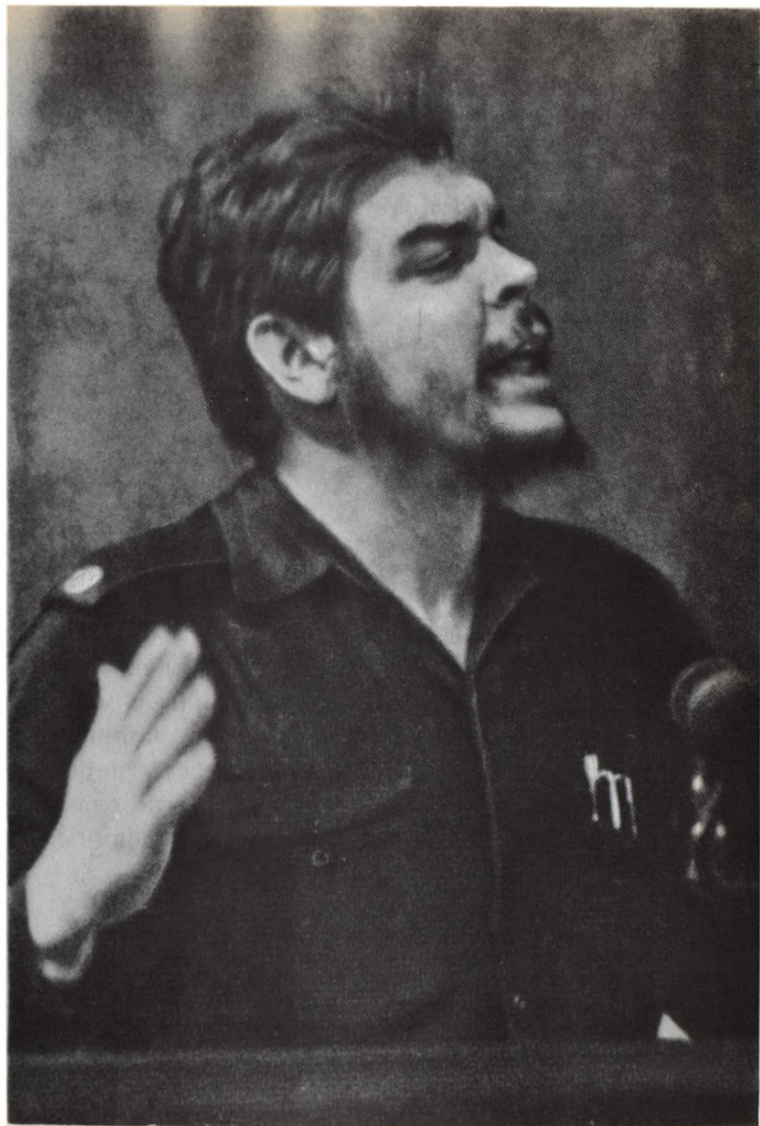
Рубя тростник,
Рубя тростник до судорог в плече.
Те руки, что на банковском билете
Поставили скупую подпись:
«Че»,
Те руки, что легко стихи писали
И у костров светились на огне,
Те руки, что в Москве, в Колонном зале,
Однажды пожимать пришлось и мне.

Короткое рукопожатье правой
Руки Гевары, жгущейся огнем,
Еще, наверно, не дает мне права
Как о знакомом вспоминать о нем, —
Я только современник.
Разве мало?
А может, и предшественник.
Хоть нам
Кичиться первородством не пристало,
Гевара говорил об этом сам,
О том, что мы, в окопах Сталинграда,
В десантах
И штурмующих города,
Предсказывали штурм казарм Монкада
Фиделю Кастро, юноше тогда.

На трибуне
Колонного зала
Дома Союзов.
Москва. 1960.

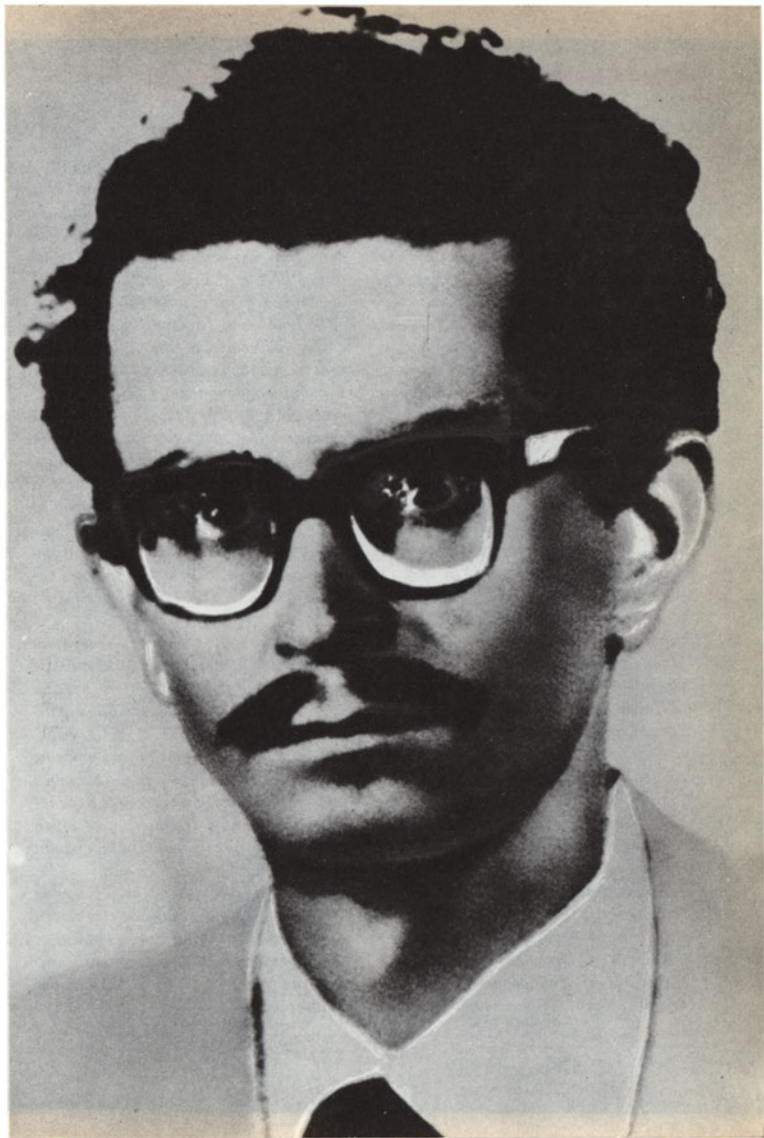

**Карлос
ФОНСЕКА
АМАДОР**

Борьба сурова, до победного конца ее могут
довести лишь те революционеры, которые
полностью осознали нужды и мечты
страдающего народа. Мы вновь клянемся
рабочим, крестьянам, студентам, всему народу
Никарагуа, что будем бороться, не слагая
оружия, до освобождения нашей родины...

КАРЛОС ФОНСЕКА АМАДОР

Карлос Фонсека Амадор — революционер, один из основателей Сандинистского фронта национального освобождения Никарагуа, боевой революционной организации, которая возглавила в 60—70-е годы освободительную борьбу никарагуанского народа, завершившуюся победой 19 июля 1979 года.

Карлос Фонсека родился 29 июля 1936 года в городе Матагальпе. В 1955 году с золотой медалью окончил колледж. В том же году вступил в Никарагуанскую социалистическую партию. В 1956 году был впервые арестован за участие в выступлениях студентов университета города Леон, где он учился на юридическом факультете.

В 1957 году Карлос Фонсека принял участие в Шестом Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве как представитель демократической никарагуанской молодежи.

После возвращения на родину был арестован, подвергнут пыткам.

Выйдя из тюрьмы, написал книгу «Никарагуанец в Москве».

В 1958 году Фонсека был выслан властями из страны, а в 1959 году он присоединился к партизанскому движению патриотов Никарагуа.

В 1961—1962 годах Карлос Фонсека совместно с Томасом Борхе и Сильвио Майоргой основал Сандинистский фронт национального освобождения Никарагуа, названный так по имени героя никарагуанского

народа Сесара Аугусто Сандино (1895—1934), «генерала свободных людей», который в 20-е годы нашего столетия возглавил партизанское движение во время военной интервенции США в Никарагуа и был предательски убит в 1934 году.

В 1964 году Карлос Фонсека был вновь арестован. В тюремном заточении он написал статью «Из тюрьмы я обвиняю диктатуру». После освобождения Фонсеку опять выслали из страны. На родину он вернулся в 1966 году уже в качестве Генерального секретаря Сандинистского фронта национального освобождения.

В 1969 году Карлос Фонсека был вновь арестован властями диктатора Никарагуа А. Сомосы и после освобождения в 1970 году уехал на Кубу.

В 1975 году К. Фонсека нелегально вернулся в Никарагуа, включился в вооруженную борьбу и 8 ноября 1976 года погиб в бою в горном районе Синика.

7 ноября 1979 года, после победы народного восстания, тело Карлоса Фонсеки было торжественно перенесено в столицу Никарагуа — город Манагуа и похоронено на площади Революции.

Имя Карлоса Фонсеки — символ стойкости, мужества, преданности делу революции. На его примере воспитываются новые поколения никарагуанских революционеров-сандинистов.

А. Сосновский

Карлос Фонсека
с матерью.

Международная
кампания
солидарности
с народом
Никарагуа.

Карлос Фонсека

КЛЯТВА БОЙЦА-САНДИНИСТА

Перед образами Аугусто Сесара Сандино и Эрнесто Че Гевары, перед памятью павших героев Никарагуа, Латинской Америки и всего человечества, перед лицом истории я кладу руку на наше красно-черное знамя с девизом «Свобода родины или смерть» и клянусь с оружием в руках защищать национальное достоинство страны и бороться за освобождение угнетенных и эксплуатируемых Никарагуа и всего мира.

Если я сдержу эту клятву, освобождение народа Никарагуа и всех народов будет мне наградой. Если же нарушу ее, наказанием мне будет позорная смерть и всеобщее презрение.

ОБРАЩЕНИЕ САНДИНИСТСКОГО ФРОНТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

31 июля 1969 года

Братья-никарагуанцы!

Мы, бойцы Сандинистского фронта национального освобождения, защищаем трудовой народ, сражаемся, движимые любовью к поращенной родине, боремся за то, чтобы наши высокие идеалы стали реальностью, в которой будут господствовать справедливость, любовь, счастье, будет искоренена бесчеловечность... и не будет наконец жестокой эксплуатации человека человеком.

...Презренные угнетатели Никарагуа видят в нашей организации своего самого заклятого врага. Они напрасно пытаются деморализовать нас. Их действия лишь углубляют готовность бойцов Сандинистского фронта национального освобождения, как это уже не раз бывало, отдать свою кровь до последней капли, чтобы разорвать цепи поращенной родины и построить новую, свободную Никарагуа.

Наша готовность следовать бес-

смертному девизу «Свобода родины или смерть» подтверждена ценой жизни тех, кто из наших рядов шагнул в бессмертие.

Вот их имена: Данило Росалес, Казими́ро Сотело, Хулио Бунтраго, Роберто Амайя, Уго Медина, Эдмундо Перес, Рене Каррион, Хорхе Наварро, Иван Санчес, Боанерхес Санта-мариа, Фаусти́но Руис, Отто Каско, Эрнесто Фернандес, Селим Шибле, Карлос Тиноко, Фермин Диас, Сильвио Майорга, Франсиско Морено, Карлос Рейна, Маркос Берриос, Алесю Бландон, Оскар Флорес, Анибал Кастрильо, Давид Техада.

Эти священные имена погибших носит в сердце наша молодежь, наш народ, эти имена вдохновляют нас на то, чтобы мы продолжили начатую ими борьбу.

Борьба сурова, до победного конца ее могут довести лишь те революционеры, которые полностью осозна-

ли нужды и мечты страдающего народа. Мы вновь клянемся рабочим, крестьянам, студентам, всему народу Никарагуа, что будем бороться, не слагая оружия, до освобождения нашей родины...

Пусть знают все Гени, Сэмпсоны, Валье Салинасы и другие палачи и убийцы, что раньше или позже их настигнут наши пули, свершится справедливое возмездие. Мы сумеем взыскать с них за преступления и жестокости по отношению к нашим бойцам, захваченным ими в плен.

Да здравствуют наши героические бойцы! Свободу политическим заключенным!

Да здравствует народная революция!

Свобода родины или смерть!

Написано на территории свободной Никарагуа. От имени руководства Сандинистского фронта национального освобождения

Карлос Фонсека Амадор.

ПРОКЛАМАЦИЯ САНДИНИСТСКОГО ФРОНТА НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Братья-никарагуанцы!

«Братьями» называл Аугусто Сесар Сандино тех, кто вместе с ним взял в руки оружие, чтобы бороться с американскими агрессорами. «Брат» — этим благородным словом герой Сильвио Майорга, павший в бою в 1967 году, предлагал называть тех, кто воюет в рядах партизан Санди-

нистского фронта национального освобождения. Мы тоже решили идти трудным путем бойцов, посвятивших всю жизнь борьбе за освобождение угнетенных и эксплуатируемых, униженных и обездоленных. Мы не знаем других братьев, кроме тех, кто вместе с нами жертвует всем, чтобы построить новый, справедливый и свободный мир.

Бесчестье и позор, эксплуатацию и угнетение, от которых страдают наши народы, нельзя уничтожить мольбами, как нельзя водой, какой бы «святой» она ни была, смыть преступления, чинимые против народа. Лишь кровью можно их смыть, лишь тогда станет чистый и ясный день победоносной справедливости, к которой мы стремимся.

Сандинистский фронт национального освобождения не только осознает трагедию народа Никарагуа и других народов, но и анализирует положение в стране. Сегодня мы хотим назвать пятнадцать основных пунктов нашей боевой программы:

1. Народная партизанская борьба.
2. Власть народу.
3. Специальный план развития для самых отсталых районов Атлантического побережья¹.
4. Землю крестьянам.
5. Нет нищете и эксплуатации.
6. Равноправие женщинам.
7. Честная администрация.
8. Создание народной патристической армии.
9. Революция в области культуры и образования.
10. Уважение к религиозным верованиям.
11. Независимая внешняя политика.
12. Отмена договора Чаморро-Брайан².

¹ Малоосвоенная часть Никарагуа, покрытая джунглями и болотами, составляющая более половины территории страны.

² Неравноправный договор, дающий США право бесконтрольно распоряжаться частью никарагуанской территории.

13. Единство народов Центральной Америки.

14. Солидарность народов.

15. Уважение памяти погибших.

Мы хотим сказать, чьим интернационалистским призывам мы следуем. Мы следуем интернационалистскому зову Аугусто Сесара Сандино. Мы следуем призыву славного Эрнесто Че Гевары, вызвавшего к патриотам с вершин Кордильер. Мы заявляем, что нас не остановят ни пули врагов, ни яд предателей. Неопровержимый опыт истории учит, что победа будет принадлежать эксплуатируемому и угнетенному. Свинец врагов и яд предателей будут побеждены пулями бойцов и кровью павших.

Свобода родины или смерть!

От имени Сандинистского фронта национального освобождения

Карлос Фонсека.

**Победа! Жители
Манагуа встречают
сандинистов. 1979 г.**

Томас Борхе

ИЗ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ 7 НОЯБРЯ 1979 ГОДА ВО ВРЕМЯ ТРАУРНОЙ ЦЕРЕМОНИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ЗАХОРОНЕНИЮ ОСТАНКОВ КАРЛОСА ФОНСЕКИ

Карлос... Он из тех павших, которые никогда не умирают. Он отказывается умирать, да и в жизни он был строптив, вы это знаете. Здесь лежат останки Карлоса Фонсеки, но сам он, Карлос, наш Карлос, с его резкими жестами и мягким взглядом, продолжает вышагивать своими длинными ногами по пути наших достижений и ошибок, разделяя с нами горечь потерь никарагуанского народа.

Где только нет сейчас Карлоса... Мы не видим его, а он здесь, с нами, он в наших вновь обретенных улыбках, он защищает и охраняет нас, указывает нам верный путь, когда порой мы не умеем осадить пену событий и совершаем ошибки. Его руки, широкие, как солнечные лучи, и длинные, как мачете, дружески хлопают нас по плечу, когда нужно найти ответ на трудные вопросы...

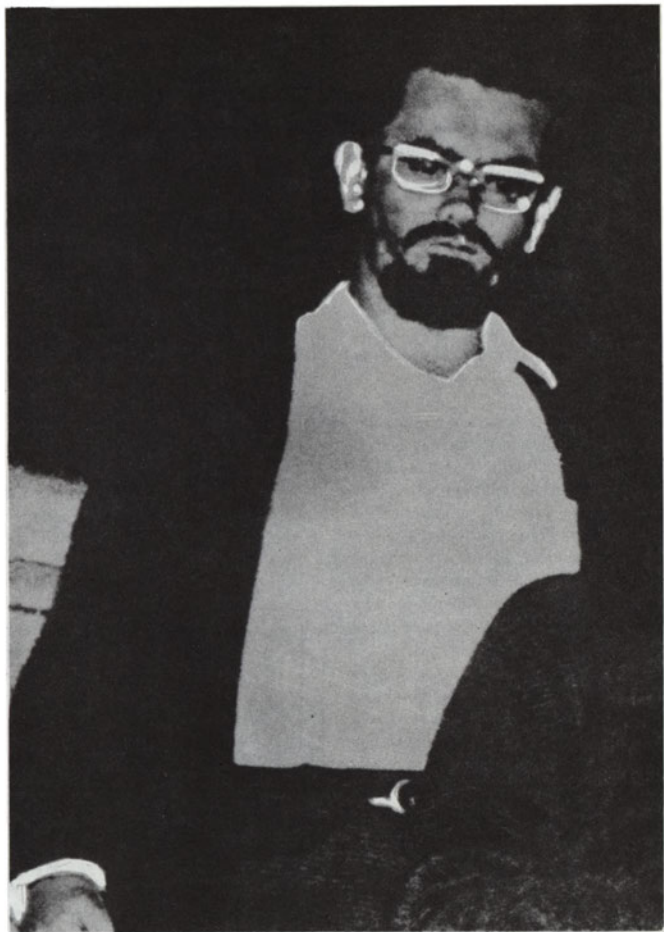
Я сказал, что Карлос присутствует во всем. Когда было достигнуто и провозглашено нерушимое единство Сандинистского фронта, когда мы сказали всему миру, что сандинистское единство будет последним смертельным ударом сомосизму и первым шагом к передаче Солнца, Земли, Будущего — народу, завоевавшему право быть хозяином и строителем своей новой истории, с нами был наш длин-

ноногий и голубоглазый Карлос Фонсека.

Карлос живет в организации нашей революционной партии, — и сегодня и всегда она будет называться Сандинистским фронтом национального освобождения, а в ряды ее вольются все достойные и честные граждане Никарагуа.

Карлос присутствует во всех программах нашей революции. В дорогах, которые мы будем строить руками и энергией нашего народа... Карлос живет и в нашей внешней политике, достойной, уважительной по отношению к другим народам мира и самостоятельной... Он живет в недавно начатой кампании борьбы с неграмотностью. Карлос начал эту кампанию. Я помню, как он сказал мне и Герману Помаресу, когда мы занимались военной подготовкой группы крестьян: «Научите их читать!»

Пусть все знают, Карлос Фонсека продолжает жить... Он идет в авангарде нашей революции, сделавшей еще только первые шаги на долгом пути строительства нового общества.

Карлос Фонсека.

Генри Руис КАРЛОС И САНДИНО

В те дни, когда еще неясные освободительные идеалы бурлили в сознании начинающих свою деятельность создателей Сандинистского фронта, когда было решено искать в нашем собственном прошлом истоки революционной теории, чтобы, слившись с современностью, она привела в действие колесо истории на никарагуанской земле, Карлос Фонсека обрел скрытое в плотном тумане забвения имя Аугусто Сесара Сандино.

Это открытие Карлоса стало величайшим вкладом в развитие революционного движения Никарагуа... Карлос Фонсека обнаружил в Сандино прошлое, полное ценностей, которые сохраняли свою силу и действенность в наше время и позволяли наметить на этой основе путь к будущему, а путь этот лежал через взятие народом власти, сохранение и укрепление ее.

Так Карлос сумел связать идеи Сандино с современными чаяниями нашего народа, и благодаря его деятельности Сандинистский фронт национального освобождения превратился в боевой авангард никарагуанского народа.

Претворяя в жизнь заветы Сандино, Карлос Фонсека стремился сделать нашу антидиктаторскую борьбу прежде всего антиимпериалистической борьбой, борьбой за национальную независимость и суверенитет...

В этом была величайшая заслуга Карлоса, но нельзя лишь этим измерять огромное значение его деятельности. Карлос был глубоко предан Революции, упорно, самоотверженно служил ей, и даже в самые тяжелые моменты поражений победа не казалась ему недостижимым миражом.

Основой существования революционной партии, задуманной и созданной им для взятия власти, Карлос считал крепкую дисциплину революционеров и неотступную требовательность к себе...

Заветы Аугусто Сесара Сандино жили в Карлосе Фонсеке, сейчас они живут в никарагуанском народе. Как сказал Сандино: «Суверенитет народа не обсуждают, его завоевывают с оружием в руках».

Ноябрь 1980 г.

Карлос
Фонсека
в тюрьме.

«Генерал
свободных
людей».
Национальный
герой
Никарагуа
Аугусто Сесар
Сандино.

Эрнесто Карденаль

(НИКАРАГУА)

ЧАС НОЛЬ

(Фрагменты)

Собирает Сандино своих людей:
двадцать девять (а с ним — тридцать)
против засидия США
в Америке Латинской...

Говорит он: «Верю в моих людей.

Кто считает, что нас победит, тот не знает моих людей...»

А люди его:

одни — мальчишки в соломенных шляпах, в сандалиях или босые,
седобородые старики (а за поясом — нож) — другие,
тощие дети двенадцати лет, ружья отцов прихватившие лихо,
белые, негры, индейцы с застывшим ликом,
в рваных штанах, без пищи,
в рубище нищем,
идут шеренгой, неся пред собой знамя —
тряпку на палке, срезанной где-то в дороге, —
молча идут под ветрами, громами, дождями,
и шлепают в лужах селений босые грязные ноги.

Да здравствует Сандино!

Более ста тысяч
человек встречают
победителей-
сандинистов
на центральной
площади Манагуа.
1979 г., июль.

С гор пришли они далеких и опять уходят в горы,
слышен топот их сандалий, вьется знамя впереди.
То идет босое войско без пайка и без оружия,
без порядка, беспорядка: кто им в бой велит идти?
Есть военная иерархия, только все равны по чину,
все одеты одинаково и едят один обед,
у начальства нет помощников, то не воинство, а община,
ведь любовь — их дисциплина, а иной у них и нет.
Ни в одном, однако, войске нет такого единения.
Вот веселое-то войско: тут гитара, смех и стих,
тут и дружба, и объятие, тут и радость, и волнение.
И любовные куплеты стали гимном битвы их:

*Коль меня Аделита оставит,
Отыщу по морям и по земле.
По земле — на военном составе,
По морям — на боевом корабле ¹.*

«А в объятии — наше здоровье», —
уверял их Сандино — и, как он, уж никто не умел обнимать.
И все говорили «мы все», таково у них было присловье.
«Мы едины, мы все», «Тут мы братья, мы все» — это каждый
любил повторять,

И все они братьями были, покуда их всех не убили.
И сражение вели с самолетами под прикрытием душистых кустов,
получая за труд свой бранный лишь лохмотья, покрытые пылью,
да пищу, а часто — траву, пригодную лишь для кормов,
Пули свои сэкономили, словно они — из золота,
из камней они делали бомбы, из осколков стекла — другие,
третьи — из динамита, обернутого кожей,
а пушки — из труб и гранаты — из банок из-под сардин...

Что за свет вдалеке? То звезда в небесах?

Нет, то лагерь Сандино в высоких и черных горах.
Там его люди сидят пред горящим костром,
с ружьем за плечами, укутанные тряпьем,
курят иль грустную Севера песню затянут вдруг,
сидят неподвижно, лишь движутся тени вокруг.
Лицо его было задумчиво-смутное, точно у призрака,
глубоко погруженное в раздумье и мысль,
нахмуренное в боях и под резким вихрем,
лицо поэта, которого воином сделала жизнь.

---

¹ «Аделита» — знаменитая песня Мексиканской революции.

Нервное — и скованное покоем воли,
мрачное — и сияющее светом дивным,
грустное, как закат на вершинах горных,
веселое, как рассвет на вершинах горных, —
два лица, наложенные одно на другое, —
такое было лицо у Сандино.
На свету лицо это молодело,
в темноте наполнялось печалью усталой.
Он в горных ущельях прошел ученье,
в котором жизнь ему отказала.
«Скрываться в горах — это высшая школа», —
говорил он, мечтая о множестве школ в Лас Сеговиас.
Он со всей округи получал вести,
словно каждая хижина путь его оберегала...

Что за свет вдалеке в полуночных горах Лас Сеговиас?
То лагерь Сандино! То искрится песня звонкая.

Коль меня Аделита оставит...

Свободная
Никарагуа
учится...

Юные
бойцы-
сандинисты.

РЕВОЛЮЦИЯ ПОДАРИЛА НАМ РОДИНУ...

Мой приятель Мичель,
начальник заставы в Сомото
на гондурасской границе,
рассказал мне,
что недавно обнаружил
контрабандный груз — попугаев:
их собирались вывезти
в Соединенные Штаты,
чтобы там они выучились
говорить по-английски.
Было 186 попугаев,
47 из них умерли в клетках...

Мой приятель ответил
попугаев обратно —
в местность, известную
под названием Лос-Льянос,
где родились эти птицы.
И когда грузовик
подъезжал к этому месту
(горы там громоздятся на фоне равнины),
попугаи заволновались,
подняли крылья, забились,
ударяясь о железные прутья,
стоило только дверцы открыть —
все они устремились,
как стрелы,
в одном направлении —
к родимым просторам...

То же самое, думаю я,
с нами сделала революция:
вызволила из клеток,
где нас принуждали
говорить по-английски.
подарила нам родину,
которую у нас отобрали.
Так мои товарищи
в комбинезонах зеленых,
как птичьи перья,
вернули птицам
их зеленые горы...
Но 47 попугаев погибло.

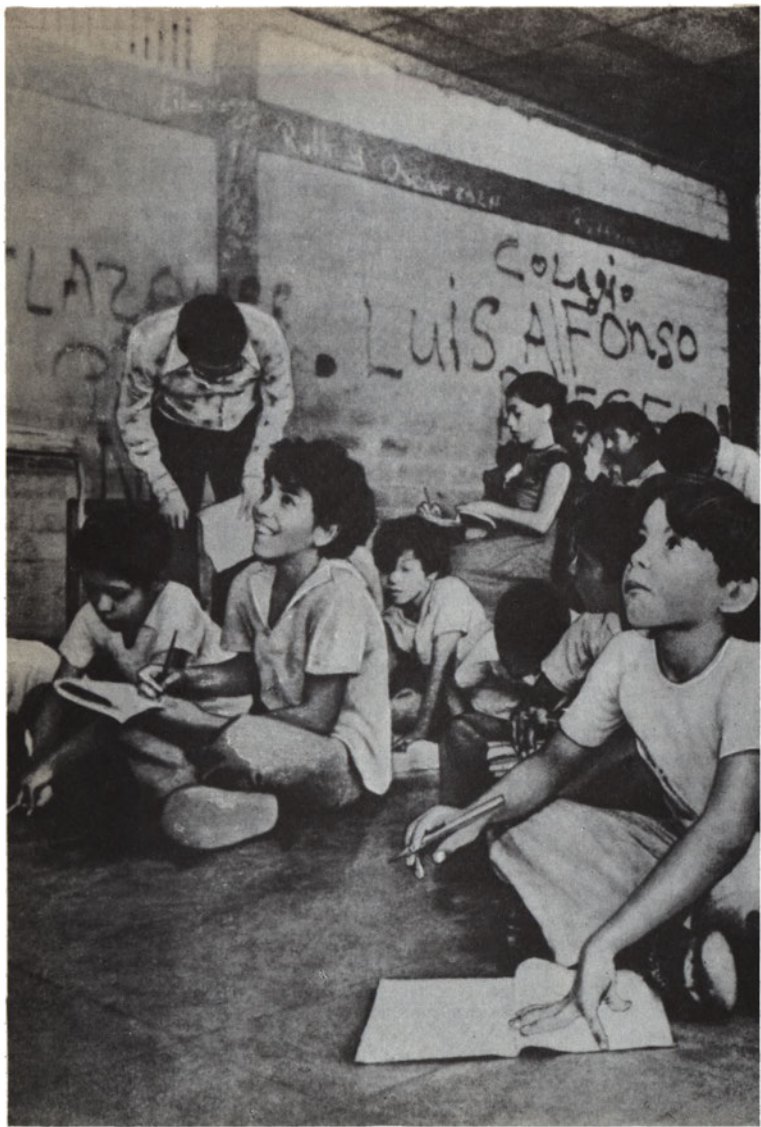
Эрнесто Кастильо

(НИКАРАГУА)

Я знаю, что длинен список
павших революционеров,
что горестна и терниста
дорога к освобожденью.
Но если меня не станет,
другой займет мое место,
быть может, ему удастся
выстоять дольше, чем мне.
Прибавив свою работу
к работе, сделанной прежде,
он наконец добьется
долгожданной победы.

* * *

Здесь,
на земле,
пропитанной кровью
безымянных бойцов,
здесь,
где не выветрится никогда
пропахшая порохом память,
скоро
я начну возводить
здание радости и надежды.
Здесь,
на месте сожженных
жандармами ферм,
здесь,
среди пепла разбомбленных
селений,
вырастут школы, больницы,
кооперативы,
названные именами тех, кто
погиб
и никогда уже их не сможет
увидеть.

Дети
Никарагуа.

...Моей стране природою даны
вершины и высокий дух свободы,
Просторы океана и весны,
но сколько крови пролилось на всходы!

Пабло Неруда

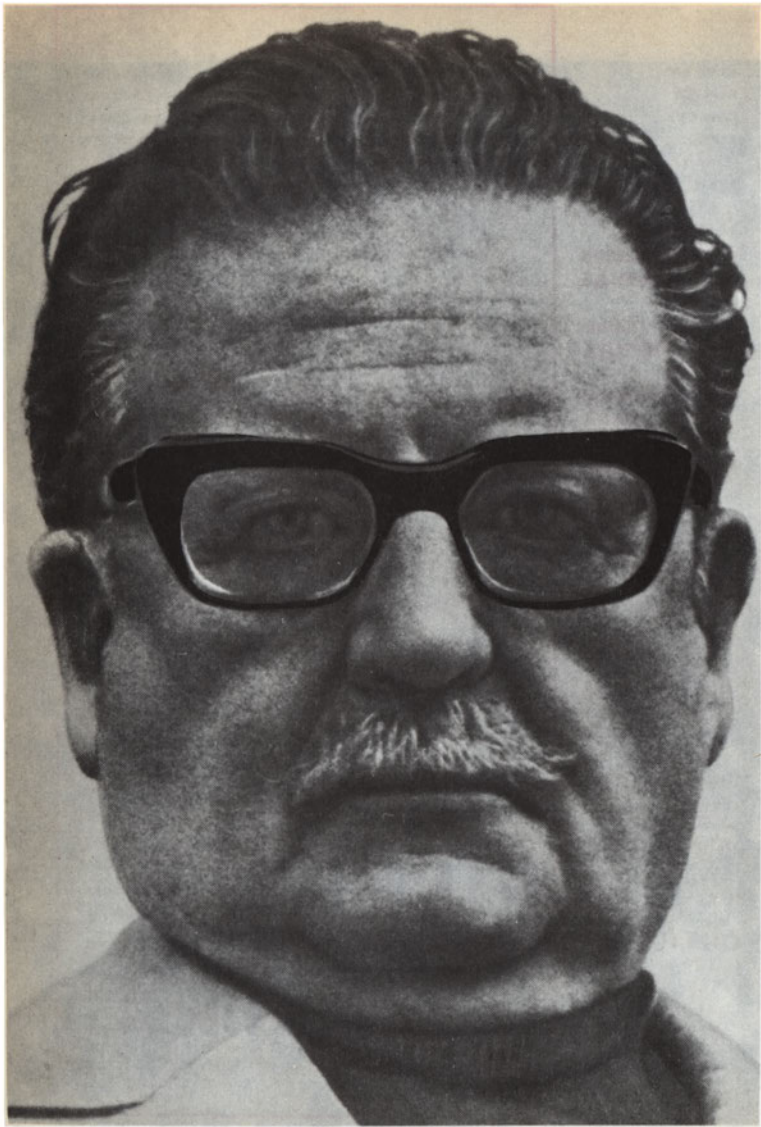
Сальвадор
АЛЬЕНДЕ

Пабло
НЕРУДА

Виктор
ХАРА

Луис Альберто
КОРВАЛАН

СТРАНИЦЫ ЧИЛИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ

Сальвадор АЛЬЕНДЕ

Трудящиеся моей родины!

Я верю в Чили и в судьбу нашей страны. Другие чилийцы переживут этот мрачный и горький час, когда к власти рвется предательство. Знайте же, что не далек, близок тот день, когда вновь откроется широкая дорога, по которой пойдет достойный человек, чтобы строить лучшее общество.

Да здравствует Чили! Да здравствует чилийский народ! Да здравствуют трудящиеся!

САЛЬВАДОР АЛЬЕНДЕ

Сальвадор Альенде — президент Республики Чили в 1970—1973 годах. Героически погиб во время штурма президентского дворца «Ла-Монедра» фашиствующими мятежниками 11 сентября 1973 года.

С. Альенде родился 26 июня 1908 года в городе Вальпараисо. Окончил Национальный институт в Сантьяго, затем медицинский факультет столичного университета. В начале 30-х годов активно участвовал в борьбе против диктатуры Ибаньеса и в 1932 году, как руководитель левой студенческой организации «Наступление», был арестован.

Принимал активное участие в создании Социалистической партии Чили (1933). В марте 1936 года, когда был создан Народный фронт Чили, Альенде возглавил его организацию в Вальпараисо. В 1937 году он был избран депутатом парламента, а в 1939 году назначен министром здравоохранения в правительстве Народного фронта. В 1943—1944 гг. Альенде был Генеральным секретарем Социалистической партии Чили, в 1945 году избран сенатором, а в 1952 году выдвинут кандидатом в президенты Чили от Фронта народа, в котором объединились коммунисты и социалисты. В том же году он предложил парламенту проект закона о национализации месторождений меди — главного природного богатства страны.

В 1954 году С. Альенде впервые посетил Советский Союз, в 1959 году

побывал на революционной Кубе, где встречался с Фиделем Кастро, Эрнесто Че Геварой и другими руководителями Кубинской революции.

В 1961 и 1969 годах С. Альенде вновь был избран сенатором, а 4 сентября 1970 года — президентом Чили от блока Народное единство.

При правительстве Альенде Республика Чили проводила независимую, антиимпериалистическую политику. При нем успешно развивались дружественные отношения с социалистическими странами. За три года своего существования правительство Народного единства провело важные экономические и социальные преобразования в интересах трудящихся.

В 1973 году Сальвадор Альенде был удостоен Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

11 сентября 1973 года правительство Народного единства было свергнуто заговорщиками, за спиной которых стояли правящие круги США. Гибель Альенде от рук фашистов потрясла мировое общественное мнение, стала первой страницей чилийской трагедии.

Имя Сальвадора Альенде остается символом антифашистского сопротивления чилийского народа и революционной стойкости.

И. Григулевич

Президент
Альенде
с молодежью.

**ИЗ ДОКЛАДА ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧИЛИ
ТОВАРИЩА ЛУИСА КОРВАЛАНА
НА ПЛЕНУМЕ ЦК КОМПАРТИИ ЧИЛИ**

(Август 1977 г.)

...Его действия вдохновляла огромная любовь к своему народу, нашему народу. В своей политической деятельности он руководствовался стремлением обеспечить простым, обездоленным, униженным людям достойную жизнь...

Мировоззрение Сальвадора Альенде не было полностью марксистско-ленинским. Но он был человеком, готовым к бескомпромиссной борьбе ради того, чтобы рабочий класс и весь народ добились власти. В нем глубоко отзывалась столько раз испытываемая народом Чили боль, вызванная изменой буржуазных демагогов и разочарованием. Он без колебаний, мужественно противостоял врагам. То, что он делал, и то, что он не делал, определялось прежде всего стремлением руководить событиями так, чтобы добиться прихода народа к власти.

...Сальвадор Альенде был последовательным борцом за мир во всем мире, другом социалистических стран, прежде всего Советского Союза, Кубы, Вьетнама и Германской Демократической Республики. Он был поборником единства между социалистами и коммунистами, единства рабочего класса и единства народа, великим воспитателем народных масс на идеях социального переустройства. На протяжении по меньшей мере четверти века он, обращаясь к народу

на простом языке, сеял семена необходимости великих преобразований, в которых нуждалась страна, таких, как национализация медной промышленности и аграрная реформа. В этом он был не одинок. Свой долг в этом отношении выполняли и партии, прежде всего наша партия. Но если говорить о нем как об историческом деятеле, никто после Рекабаррена¹ не был таким великим воспитателем масс.

Он принес себя в жертву, отдав тем самым последний долг революции. Ему предложили сохранить жизнь, но и ради этого он не пошел на сделку с фашистами. Пролитая предателями кровь Сальвадора Альенде будет для них вечным клеймом позора.

Мы испытываем высокую гордость оттого, что в течение долгих лет тесно сотрудничали с ним, добиваясь успеха революционного процесса, его победоносного завершения. Мы высоко ценим это. В Альенде мы видим великий символ единства между социалистами и коммунистами, великий символ Народного единства.

---

¹ Луис Эмилио Рекабаррен Серрано (1876—1924) — основатель Коммунистической партии Чили (1922).

Сальвадор Альенде
ИЗ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ 5 СЕНТЯБРЯ 1970 ГОДА
ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ПОБЕДЫ
НАРОДНОГО ЕДИНСТВА
НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ

С большим волнением я обращаюсь к вам с этой импровизированной трибуны. Сколь значительно, куда более значительно, чем любые слова, присутствие здесь жителей Сантьяго. Выражая чувства подавляющего большинства чилийцев, они собрались на этот митинг, чтобы еще раз подтвердить свою волю к победе, которой мы честно добились сегодня, к победе, которая открывает новый путь для нашей родины, к победе, которая завоевана прежде всего народом Чили!..

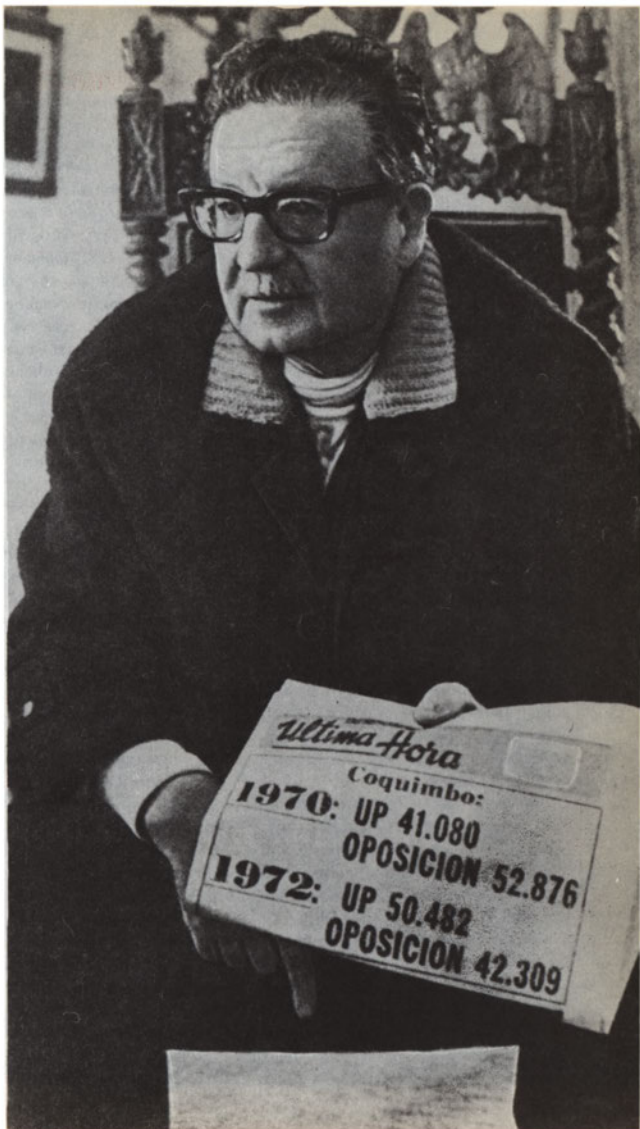
Я прошу вас понять меня: я всего-навсего человек, со всеми присущими ему слабостями и недостатками. И если вчера я смог — потому что я выполнял возложенную на меня задачу — пережить поражение, то сегодня без чувства мести и тщеславия я принимаю победу, которая является не моей личной победой. Этой победой я обязан единству народных партий, общественным силам, которые поддержали нас. Я обязан этой победой простым людям, которые трудятся на благо родины, я обязан этой победой скромной женщине нашей земли. Я обязан этой победой народу Чили, который вместе со мной войдет 4 ноября во дворец «Ла-Монедра».

Достигнутая вами победа имеет огромное общенациональное значение.

Я торжественно заявляю, что буду уважать права всех чилийцев. Но я также заявляю — и пусть ни у кого не останется сомнений, — что после вступления на пост президента, после того, как будет создано народное правительство, мы выполним взятое на себя историческое обязательство — осуществить программу Народного единства.

Я уже сказал: мы не испытываем никаких мелких чувств мести. Значение нашей победы таково, что мы не имеем права поддаваться такому чувству. Да, мы не питаем чувства мести, но это не значит, что мы пойдем на уступки или станем торговаться по

Победа 1970,
сентябрь.

На выборах
1972 года.
Народное
единство
одержало
внушительную
победу.

поводу программы Народного единства, которая явилась знаменем первого в истории Чили подлинно демократического, народного, национального и революционного правительства...

Мы боролись за победу, чтобы окончательно покончить с империалистической эксплуатацией, с монополиями, чтобы осуществить глубокую аграрную реформу, чтобы взять под контроль экспорт и импорт, национализировать банковскую систему — основные рычаги, которые позволяют добиться прогресса Чили, ускорить ее развитие посредством расширения общественного достояния...

Я обращаюсь к жителям пампы и степей, к тем, кто слушает меня на побережье или в предгорьях Кордильер, к домохозяйкам, преподавателям университетов, студентам, мелким торговцам и промышленникам, к мужчинам и женщинам Чили, к молодежи нашей земли; я обращаюсь к вам, чтобы заявить перед своей совестью и перед народом — основным творцом этой победы, что я обещаю до конца быть верным нашему общему делу. Я уже сказал: мое единственное стремление — быть для вас товарищем президентом.

Это выдающееся социальное событие стало возможным благодаря простым мужчинам и женщинам Чили. Тысячи и тысячи чилийцев вложили свою боль и свою надежду в этот час, который принадлежит народу. С глубоким удовлетворением встретили нашу победу в других странах. Чили открывает путь, по которому смогут пойти другие народы Латинской Америки и мира. Жизненная сила Един-

ства сметет диктатуры и откроет путь к освобождению народов, к строительству такой жизни, какую они выберут для себя.

Мы хорошо понимаем, что у каждой страны, каждого народа свои проблемы, своя история и своя реальная действительность. Политические руководители этих народов призваны самостоятельно разрабатывать тактику в соответствии с этой действительностью. Что же касается нас, то мы хотим поддерживать политические, культурные и экономические отношения со всеми странами мира. Наше единственное пожелание и условие — пусть и другие уважают право народа Чили иметь правительство Народного единства.

Мы уважаем и будем уважать принципы самоопределения и невмешательства. Это не значит, что мы будем молчать о нашей солидарности с народами, ведущими на различных континентах борьбу за свою экономическую независимость, за право на достойную человека жизнь.

Я лишь хочу подчеркнуть историческое значение того, чего вы достигли, нанеся поражение могуществу денег, давлению и угрозам, дезинформации, кампании террора и злобной клеветы. И если народ сумел добиться этой победы, то он сумеет понять, что, лишь производя больше и работая лучше, он сможет добиться прогресса для Чили, дать мужчинам и женщинам нашей земли подлинное право на труд, на жилье, на медицинское обслуживание, образование, отдых, откроет доступ к культуре...

Совместными усилиями мы будем осуществлять те перемены, которые

необходимы для Чили. Наше правительство будет революционным правительством...

Далеко за пределами нашей родины люди вглядываются в наше завтра. Я верю, что мы окажемся достаточно спокойными и сильными, чтобы проложить путь к иной, лучшей жизни, вступить на светлую дорогу социализма, который народ Чили построит собственными руками...

Мы будем работать лучше, мы будем производить больше. Но мы будем работать лучше для чилийских семей, для народа, для Чили, гордые тем, что являемся чилийцами, и убежденные в том, что решаем грандиозную и прекрасную историческую задачу.

Как человек, как борец, я до глубины души тронут горячей поддержкой, оказанной мне каждым из вас! Тому, что родилось сегодня, предстоит большой путь. Я лишь взял в руки факел, зажженный теми, кто задолго до нас поднялся на борьбу вместе с народом и за народ.

Эту победу мы обязаны посвятить

тем, кто отдал свои жизни в этой борьбе и своей кровью оросил семена грядущей чилийской революции...

Сегодня, как никогда, я почувствовал тепло человеческих сердец, сегодня наш национальный гимн прозвучал с особым значением. В своей речи я заявил: мы являемся законными наследниками национальных героев борьбы за освобождение родины, они будут рядом с нами в борьбе за вторую независимость — экономическую независимость Чили.

Жители Сантьяго, трудящиеся нашей родины! Вы, и только вы, являетесь победителями. Народные партии и социальные силы преподали поучительный урок, значение которого, как я уже говорил, выходит за пределы наших границ...

Я еще раз благодарю вас, товарищи, и еще раз хочу сказать: все лучшее, что есть во мне, дали мне моя партия, единство трудящихся и Народное единство.

На вашу верность я отвечу верностью президента народа, верностью товарища президента.

**ИЗ ПОСЛЕДНЕГО ОБРАЩЕНИЯ К ЧИЛИЙСКОМУ НАРОДУ,
ПЕРЕДАННОГО РАДИОСТАНЦИЕЙ «МАГАЛЬЯНЕС»
11 СЕНТЯБРЯ 1973 ГОДА
ВО ВРЕМЯ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ
ДВОРЦА «ЛА-МОНЕДА»**

Соотечественники!

Наверное, это моя последняя возможность обратиться к вам: военно-воздушные силы бомбили радиостанции «Порталес» и «Корпорасьон»...

Перед лицом этих событий мне ос-

тается сказать трудящимся одно — я не уйду в отставку!

На этом перекрестке истории я готов заплатить жизнью за доверие народа. И я с убежденностью говорю ему, что семена, которые мы заронили

в сознание тысяч и тысяч чилийцев, уже нельзя полностью уничтожить...

История принадлежит нам, и ее делают народы!

Трудящиеся моей родины!

Я хочу поблагодарить вас за верность, которую вы всегда проявляли, за доверие, оказанное вами человеку, который был лишь выразителем глубоких чаяний справедливости...

Я обращаюсь прежде всего к простой женщине нашей страны, к крестьянке, которая верила в нас, к работнице, которая много трудилась, к матери, которая знала, что мы заботимся о ее детях.

Я обращаюсь к специалистам нашей родины, к специалистам-патриотам, к тем, кто все эти дни продолжал работать, чтобы сорвать заговор, в то время как профессиональные объединения специалистов, классовые объединения помогали заговорщикам с целью защитить имущества, которые дал немногим капитализм.

Я обращаюсь к молодежи, к тем, кто с песней отдавал борьбе свой задор и силу духа.

Я обращаюсь к гражданину Чили — к рабочему, крестьянину, интеллигенту, к тем, кого будут преследовать, потому что в нашей стране уже давно — в покушениях террористов, во взрывах мостов, в разрушении железнодорожных линий, нефте- и газопроводов — ощущалось присутствие фашизма. С молчаливого согласия тех, кто был обязан...¹ Их будет судить история.

¹ Из-за грохота взрывов запись на пленке в этом месте не прослушивается.

Наверное, радиостанцию «Магальянес» заставят замолчать, и до вас уже не дойдет твердость и спокойствие моего голоса. Это неважно. Меня будут слышать, я всегда буду рядом с вами. По крайней мере, обо мне будут помнить как о достойном человеке, который отвечал верностью на верность трудящихся.

Народ должен защищаться, но не приносить себя в жертву. Народ не должен позволить, чтобы его подавили или изрешетили пулями, но он не может также допустить, чтобы его унижали.

Трудящиеся моей родины!

Я верю в Чили и в судьбу нашей страны. Другие чилийцы переживут этот мрачный и горький час, когда к власти рвется предательство. Знайте же, что не далеко, близок тот день, когда вновь откроется широкая дорога, по которой пойдет достойный человек, чтобы строить лучшее общество.

Да здравствует Чили! Да здравствует чилийский народ! Да здравствуют трудящиеся!

Один из последних снимков героических защитников «Ла-Монеды». Слева в каске и с автоматом президент С. Альенде.

Пабло Неруда

АЛЬЕНДЕ

(Из книги воспоминаний «Признаюсь: я жил»)

В последние времена мой народ предавали с особой жестокостью. И вот в селитряных пустынях, в угольных шахтах, лежащих под дном океана, на грозных высотах, где прячется медь, которую нечеловеческими усилиями добывают руки моего народа, родилось освободительное движение, достигшее величественного размаха. Это движение сделало президентом Чили человека по имени Сальвадор Альенде, который провел радикальные реформы, принял самые неотложные меры в защиту социальной справедливости и вырвал наши национальные богатства из лап иностранных хищников.

Всюду, где я бывал, в самых далеких странах люди с восхищением говорили о президенте Альенде, о демократичности нашего правительства. Здание Организации Объединенных Наций за всю свою историю не слышало такой овации, какую устроили чилийскому президенту представители стран всего мира. Ведь в Чили, наперекор огромным трудностям, строили подлинно справедливое общество, основой которого стали наша независимость, чувство национального достоинства, героизм наших лучших сынов. На нашей стороне, на стороне чилийской революции, были конституция и закон, демократия и надежды...

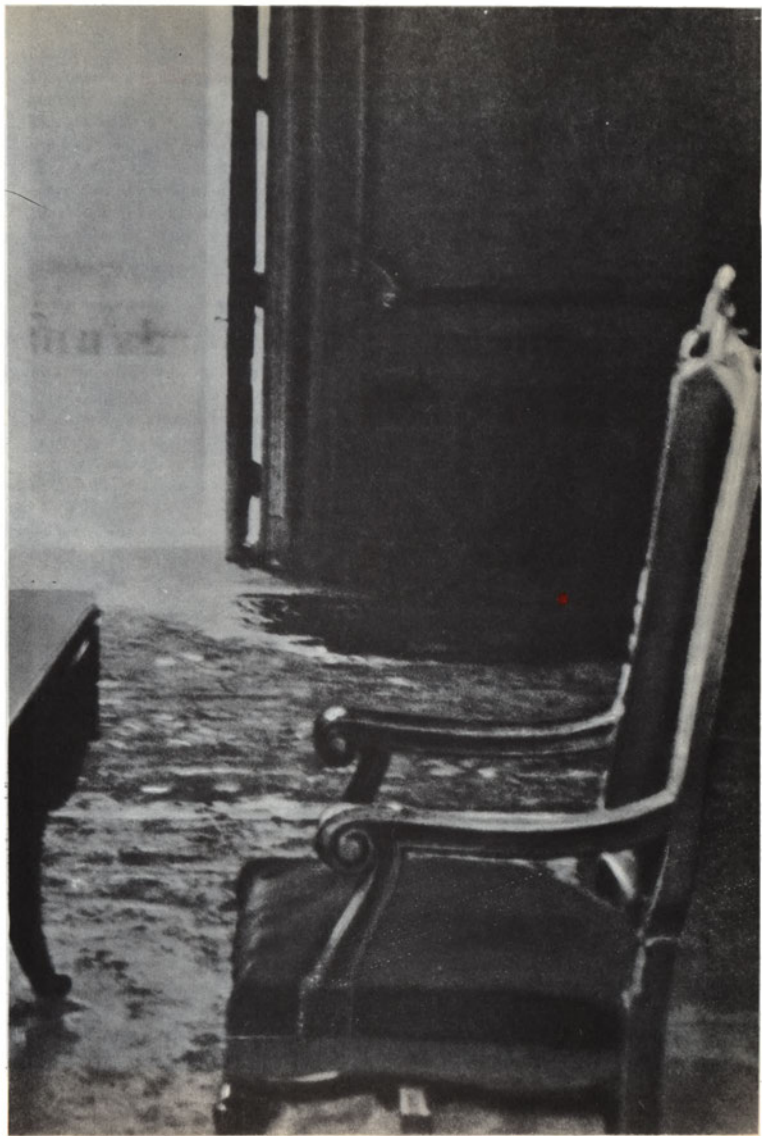
В политической истории Чили мало революций и много консервативных и весьма посредственных правительств. Много никчемных, бесталанных президентов и только два поистине великих — Бальмасада¹ и Альенде. Оба они выходцы из богатой буржуазии, которую в Чили называют аристократией. И тот и другой были глубоко принципиальными людьми, посвятившими свою жизнь одной цели — сделать родину, униженную посредственными, нечестными правителями, сильной и свободной.

У Бальмасады и Альенде — схожие судьбы. Бальмасаду довели до самоубийства за то, что он не хотел отдать на откуп иностранным компаниям наши селитряные богатства. Альенде убили за то, что он национализировал другое богатство чилийских недр — медь. В обоих случаях олигархия организовала кровавые мятежи, в обоих случаях чилийские военные оказались в роли охотничьих собак. Английские компании во времена Бальмасады и североамериканские при Альенде подготовили и

¹ Бальмасада Хосе Мануэль (1838—1891) — чилийский политический деятель, президент страны с 1886 по 1891 год, проводил антиимпериалистическую политику.

Президентское
кресло С. Альенде.

финансировали выступления реакционной военщины.

В обоих случаях дома президентов были разграблены по указке наших достославных «аристократов». Все в доме Бальмасы было изрублено топором. Дом Альенде — на то и прогресс — бомбили наши «герои-летчики».

И все же эти два человека во многом отличались друг от друга. Бальмаса владел ораторским даром. Будучи человеком сильного нрава, он больше склонялся к единоличной власти. Он всегда верил в высокое предназначение своей жизни, и ему повсюду виделись враги. Он настолько превосходил свою среду и настолько был одинок, что в конце концов замкнулся в самом себе. Народ, от которого он ждал помощи, еще не существовал как организованная сила. Президент был обречен на роль просвещенного мечтателя, и его мечты о величии остались мечтами. После смерти Бальмасы алчные иностранные торговцы вкупе с чилийскими парламентариями завладели селитрой: иностранцам досталась селитра и селитряные концессии, а креольской буржуазии — выкуп. Тридцать сребреников — и все пошло по-старому. Кровь нескольких тысяч простых людей быстро высохла на полях былых сражений. И рабочие, которых нигде не эксплуатируют так беспощадно, как на севере Чили, снова приносили огромные барыши лондонскому Сити.

Альенде не был большим оратором. И как государственный деятель он держал совет по поводу всех своих начинаний. Он был убежденным де-

мократом во всем, вплоть до мелочей. Ему суждено было руководить народом, чье политическое сознание было неизмеримо выше, чем во времена Бальмасы. Он мог опереться на такую могущественную силу, как рабочий класс, который знал, от кого чего ждать. Альенде был сторонником коллективного управления: не будучи выходцем из народа, он тем не менее сформирован борьбой народных масс против застоя и коррупции, порожденных господствующими классами. Именно по этой причине он сумел за такой короткий срок сделать много больше Бальмасы. Его свершения играют наиважнейшую роль в истории Чили. Одна только национализация меди — титанически трудная задача.

А уничтожение монополий и коренная аграрная реформа? А все остальные дела, которые были осуществлены в период его коллективного по форме и сути правления?

Вся деятельность Альенде, имеющая неопределимое значение для чилийской нации, привела в бешенство врагов освобождения Чили. Трагический символ вражеской ненависти — бомбардировка правительственного дворца. Невольно вспоминается блицкриг нацистской авиации, совершавшей налеты на незащищенные города Испании, Великобритании, России. То же преступление совершилось в Чили: чилийские пилоты спикировали на правительственный дворец, который в течение двух столетий был центром политической жизни страны.

Я пишу эти беглые строки — они войдут в мою книгу воспоминаний — три дня спустя после не поддаю-

щихся здравому смыслу событий, которые привели к гибели моего большого друга — президента Альенде. Его убийство старательно замалчивали, его похороны прошли без свидетелей, только вдове позволили пойти за гробом бессмертного президента. По версии, усиленно распространявшейся палачами, он был найден мертвым и, по всем признакам, якобы покончил жизнь самоубийством. Но зарубежная печать говорила совсем другое. Вслед за бомбардировкой в ход были пущены танки. Они «бесстрашно» вступили в бой против одного человека — против президента

Чили Сальвадора Альенде, который ждал их в кабинете, объятom дымом и пламенем, наедине со своим великим сердцем.

Они не могли упустить такой блестящей возможности. Они знали, что он никогда не отречется от своего поста, и потому решили расстрелять его из автоматов. Тело президента было погребено тайно. В последний путь его провожала только одна женщина, вобравшая в себя всю скорбь мира. Этот замечательный человек ушел из жизни изрешеченный пулями чилийской военщины, которая снова предала Чили.

Митинг
солидарности
с чилийским
народом.
Португалия, 1974.

Ортенсия Бусси де Альенде В СЕРДЦЕ НАРОДА

Я думаю, что едва ли отыщется чилец, лучше знавший свою страну, чем Сальвадор Альенде. Он неоднократно бывал не только в разных городах и крупных центрах — ему были знакомы сотни селитренных и угольных шахт, рудников, рабочих поселков, он посетил самые отдаленные местечки нашей прекрасной родины. Самолетом, поездом, автомобилем, верхом на коне Альенде объездил всю страну, делаясь с народом своими замыслами, надеждами, планами. Когда пришла победа на выборах, простые чилийцы четко представляли, что она означает. «Вы голосовали не за Сальвадора Альенде, — не уставал повторять народный кандидат, — а за его программу».

Избирательная кампания 1970 года была трудной. Мы не располагали средствами массовой информации: газетами, радио, телеканалами. Они были в распоряжении реакции, которая использовала их в своих клеветнических целях. Если раньше твердили, что в случае победы Альенде «детей увезут в Советский Союз», то после победы Кубинской революции стали кричать, что «дети будут отправлены на Кубу», что партии Народного единства хотят «скопировать Кубинскую революцию»... Но Альенде в своих публичных выступлениях настойчиво повторял, что «чилийская революция всегда будет иметь вкус чилийского хлеба и чилийского вина».

Всю избирательную кампанию 1970 года я была рядом с Сальвадором, поэтому тоже знаю Чили, не так хорошо, как он, но все же достаточно хорошо. Дочери были с нами. Мы всегда сопровождали Альенде в поездках и работали дружно, всей семьей. Когда приезжали в тот или иной город, я обычно собирала женщин и выступала перед ними. Я уже говорила о кампании ненависти и недоверия к Альенде, которая была развязана реакцией. Вся эта грязь легче настигает женщину. Ее пичкают теле- и радиопередачами, полными гнусных выдумок о представителях левого движения. Так что на мою долю выпала довольно ответственная задача. Но в народе мы всегда находили понимание и отклик.

Четвертое сентября... Я никогда не забуду этот день. Правительство Фрея¹ не хотело признавать нашей победы, и мы мучились неизвестностью до позднего вечера, когда, подсчитав и суммировав голоса, поданные в различных провинциях и городах, Сальвадор сказал: «Победа за нами, победа за левыми силами!» Он

¹ Фрей Эдуардо (1911—1982) — государственный деятель Чили, один из лидеров христианско-демократической партии, в 1964—1970 годах — президент Чили. Через некоторое время после переворота 11 сентября 1973 года перешел в оппозицию к режиму Пиночета.

Сальвадор Альенде
с женой Ортенсией
Бусси де Альенде.

позвонил в министерство внутренних дел, чтобы получить официальное подтверждение и испросить разрешения на проведение народной манифестации. Помню, что реакционная радиостанция в этот момент передавала: «Советские танки приближаются к «Ла-Монеда».

Все вместе мы вышли из дома. Улицы Сантьяго были запружены людьми. Всюду виднелись счастливые, взволнованные лица, у некоторых были даже слезы на глазах...

Студенты предложили нам здание своей Федерации, позднее сожженное путчистами, и мы направились в студенческий центр для проведения митинга. Не было никакого усилителя или микрофона, и Сальвадор говорил через мегафон. Он вынужден был напрыгать голос, чтобы его слышали. Некоторые пришли с магнитофонами и записали эту речь. Мне она очень памятна, я считаю ее исторической. Альенде подвел итоги выборов, подчеркнул, что это победа всего народа, а не его одного, вспомнил тех, кто пал на пути к светлому дню победы...

Народное правительство просу-

ществовало неполных три года. Основные пункты нашей программы были выполнены. Разумеется, многое осталось незавершенным. Например, за столь короткий срок нельзя было решить жилищную проблему: в стране не хватало 400 тысяч квартир. Для развернутого строительства не было материальной и производственной базы. Но все же и здесь было сделано немало.

В этих начинаниях мы получали поддержку не только нашего народа, но и прогрессивной международной общественности — ведь опыт мирного пути к социализму привлек симпатии многих людей. За три года в Чили побывали делегации чуть ли не из всех стран мира. Мы были в поле зрения миллионов людей. И теперь, после фашистского переворота, после сентябрьской трагедии 1973 года, в каждой стране есть люди, которые говорят: «Я был в Чили, я посетил вашу страну, беседовал с товарищем президентом». И как ни старается фашистская хунта принизить значение деятельности Сальвадора Альенде на посту президента страны, оно растет с каждым днем...

Лихейя Бальядарес ТОВАРИЩ ПРЕЗИДЕНТ

Мне выпала честь работать рядом с Альенде, и я хочу вспомнить некоторые эпизоды из его жизни, характеризующие его как личность.

Я работала политическим редактором газеты «Сигло», органа Коммунистической партии Чили, и позна-

комилась с Сальвадором Альенде, когда он был еще сенатором. Позднее я сопровождала Альенде во время двух президентских избирательных кампаний в 1964 и в 1970 годах — и готовила для печати материалы о его поездках по стране.

Председателем Ассоциации политических редакторов, освещавших работу парламента, в те времена была Мария Эухения Ойярсун, сотрудница правых газет, а впоследствии активная сторонница хунты и ее представитель в Организации американских государств. Журналисты народных газет основное внимание уделяли столь необходимым им встречам в профсоюзах, рабочих поселках, крестьянских кооперативах, и поэтому репортеры-мужчины, не успевая переодеться, часто появлялись в сверкающих салонах сената без галстуков. Председатель, особа с большими претензиями, видела в этом «признак невоспитанности» и даже нашла уместным поставить «вопрос о галстуках» на специальной сессии нашей ассоциации. Мои коллеги — мужчины с полным основанием объяснили, что сенат для них является местом работы и здесь вполне можно появляться не в вечерних изысканных костюмах, а в рабочей одежде. Тогда им пригрозили, что вахтеры получат приказ не впускать тех, кто посмеет явиться без галстуков.

В то время Альенде был председателем сената и, следовательно, оказался в центре этой конфликтной ситуации. И вот на очередное заседание сената он пришел в рубашке с открытым воротом, без галстука — кстати, эту рубашку ему подарил Фидель Кастро — и в таком виде занял свое председательское место. С тех пор ни председателю нашей ассоциации, ни кому-либо еще не приходило в голову требовать от журналистов, чтобы они являлись в сенат в галстуках.

Одним из наиболее впечатляющих

качеств личности Альенде было его удивительное умение находить общий язык с детьми. Стоило нам объявить о митинге с участием Альенде, как из скромных жилищ появлялись ликующие стайки детворы, которые мчались по улицам, выкрикивая на бегу: «Приехал Альенде! Приехал Альенде!» И толпы народа выходили на площадь. Направляясь на митинг, Альенде часто останавливался поговорить с ребятишками. Какое-то время беседовал с ними, а затем просил: «Теперь мы поговорим о вещах, интересных и важных для взрослых, а вы садитесь здесь, в первых рядах, только сидите тихонечко, чтобы всем было слышно». На таких встречах с сенатором всегда присутствовали не только рабочие, но и их дети и жены, внимательно слушая слово правды, с которым обращался к ним Сальвадор Альенде.

Организаторам поездок Альенде часто приходилось изменять расписание дня, включать в него сверх программы новые встречи и митинги, потому что люди, узнав, что едет Альенде, встречали его прямо на дороге и просили выступить.

Помню одну ночь. Была страшная гроза, и мы ехали в автомобиле, направляясь на юг — в город Вальдивию. В течение дня Альенде уже много выступал. Автомобиль с трудом продвигался по разбитой дороге сквозь сплошную стену дождя. Было около полуночи. Мы спешили добраться до города, надеясь переночевать и отдохнуть там, чтобы успешно справиться со сложной и насыщенной программой, намеченной на следующий день.

Вдруг неподалеку от небольшого поселка нас остановила группа крестьян и студентов. Мешки и пончо¹, накинутые ими на плечи и головы, были весьма сомнительной защитой от непогоды. Крестьяне ждали Альенде. Шофер затормозил; кто-то выскочил из машины, чтобы объяснить, что Альенде крайне утомлен и не в силах сейчас выступить. Но в этот момент сам Альенде уже оказался в кругу ожидавших его людей: «Нет, нет, мы не можем так оставить их... Взгляните, с какой самоотверженностью крестьяне ждали своего кандидата — несмотря на дождь и холод». Народный кандидат заговорил о земле, об аграрной реформе, о необходимости отдать народу национальные богатства, о преобразованиях, необходимых для того, чтобы в Чили больше не было всемогущих богачей и бесправных бедняков. Он обращался к полуграмотным крестьянам в эту грозную ночь, и его слова были просты и доходчивы. Он говорил, что в Чили надо сделать так, чтобы не было ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, и простые чилийцы ему верили.

А на следующий день в Вальдивии народный кандидат, выполнив всю намеченную работу, был, как всегда, энергичен и деятелен, на лице не было и малейших признаков усталости.

Путешествуя с Альенде по селитряной пампе Северного Чили, я на каждом шагу — в любой шахте, в любом поселке, на любом предприятии — убеждалась в глубоком знании

им проблем района, как, впрочем, и всей страны. К Альенде подходили сотни людей, пожимали ему руки, искренне, простосердечно и по-дружески приветствовали его, вызывая в нем самом нескрываемое чувство гордости и заметное волнение. Альенде любил вспоминать, что когда-то жизнь пампы он открывал для себя рука об руку с одним из основателей Коммунистической партии Чили — Элиасом Лаферте¹.

В 1970 году, за несколько месяцев до победы, мы должны были отправиться на крайний юг страны, в провинцию Матальянес. Мы уже миновали много поселков, участвовали в десятках встреч, на которых Альенде вел неспешные беседы, особенно с женщинами, стремясь понять волнующие их проблемы. Усталые, мы прибыли среди ночи в Пунта-Аренас, центр провинции. Альенде никогда не подавал виду, что он утомлен, так было и в этом случае. На следующий день предстояло переправиться через Магелланов пролив, чтобы встретиться с рабочими-нефтяниками Серро-Сомбреро. Часть сопровождавших отправилась накануне, а Альенде намеревался вылететь рано утром на самолете. Маленький четырехместный самолет пилотировал председатель местного аэроклуба. Вместе с нами летел один из руководителей Народного единства. Перед вылетом летчик, совершивший уже не один деся-

¹ Пончо — латиноамериканская национальная одежда, напоминающая шерстяной плащ-накидку из одного куска ткани.

¹ Лаферте Элиас (1886—1961) — деятель рабочего движения Чили. В 1912 году участвовал в создании Социалистической рабочей партии, которая в 1922 году была преобразована в Коммунистическую партию Чили. В 1939—1961 годах — председатель ЦК Компартии Чили.

ток полетов в этой зоне, обратился к Альенде:

— Поднимается ветер, это опасно, я не могу подвергать риску вашу жизнь. Вылет придется задержать.

— Видите ли, товарищ, — ответил Альенде, — я с уважением и пониманием отношусь к вашим обязанностям. А они сейчас состоят в том, чтобы доставить меня в Серро-Сомбреро, где сотни людей ожидают открытия митинга. Поэтому давайте мы оба выполним наш долг...

Должна признаться, что слова pilota обеспокоили не только меня. У нас были для этого основания. Полет, обычно продолжавшийся десять—пятнадцать минут, длился уже час. Бесстрашный летчик то набирал высоту, то снижался, надеясь найти воздушные течения, облегчающие

наш полет. Самолет трясло, и, кроме летчика, только один человек из нас сохранял непоколебимое спокойствие. Это Альенде. Более того, он еще находил силы шутить по поводу бедности наших лиц.

— Все будет в порядке, — говорил он мне, — и вы увидите, что митинг состоится. Еще не пришло время вашему мужу стать вдовцом. Все будет хорошо.

И когда мы увидели, с каким энтузиазмом нас встречают люди, собравшиеся на небольшой площадке, где приземлился самолет, почувствовали то внимание, с которым они выслушали кандидата Альенде, мы осознали, насколько прав был Альенде в своей настойчивости и твердом намерении выполнить долг кандидата перед нефтяниками...

Гильермо Равест ЗАВЕТ АЛЬЕНДЕ

Насколько мне известно, я был последним чилийским журналистом, говорившим с Сальвадором Альенде накануне его гибели. Я имею в виду — последним из журналистов, не находившихся тогда в стенах старинного дворца чилийских президентов. Из тех же, кто сражался рядом с Альенде в том героическом и неравном бою, в живых остался только Карлос Хоркера Толоса, ныне, как и я, находящийся в эмиграции...

Очень живо вспоминаются мне две речи Сальвадора Альенде, произнесенные при весьма различных обстоятельствах. Одна из предвыборных по-

ездок, в которой я сопровождал его в качестве журналиста, привела нас в Эль-Саладо, маленький шахтерский поселок в Норте-Чико. На встречу со своим кандидатом собрались все жители поселка. Помню, какое глубокое впечатление произвел на Альенде вид одной из женщин, сгорбленной, беззубой, преждевременно состарившейся.

- Кто ваш муж? — спросил он ее.
- Шахтер, как и все.
- Сколько у вас детей?
- Восемь.
- Как же вы живете?
- Надеждой, товарищ. Вам не

На митинге
в Сантьяго
в честь
50-летия
Коммунистической
партии Чили.

кажется, что чем больше бедняков, тем упорнее мы будем бороться за революцию?!

Альенде произнес речь, сделав центром ее образ этой многострадальной чилийской женщины. Я не припомню другой политической манифестации в нашей стране, во время которой мне пришлось бы видеть столько плачущих женщин.

...Уже в качестве президента Чили, 4 декабря 1972 года Альенде выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН и говорил там с той же страстностью, с какой обращался к своему народу.

Думаю, что мы, журналисты, сопровождавшие Альенде в этой поездке (ее маршрут пролегал далее через Советский Союз и Кубу), именно тогда, при виде овации, которой встретили слова президента, осознали, с каким уважением и чувством

солидарности следил мир за развитием чилийской революции.

...В то роковое утро раздался телефонный звонок.

— Говорит президент Альенде... Я хочу обратиться к народу. Можете вы сейчас же дать мне эфир? Скорее, товарищ, нельзя терять ни минуты.

Было около десяти часов утра. Фашистский мятеж в бурлящей, взбудораженной столице длился уже почти полтора часа.

В одном из приказов военной хунты нам пригрозили, что, если мы будем продолжать свои передачи, нас заставят замолчать силой. Но для небольшой группы операторов, дикторов и журналистов радиостанции Коммунистической партии в тот момент существовал только один лозунг — тот, который выдвинула газета «Сигло»: «Каждый — на своем боевом посту!»

Митинг, посвященный победе Народного единства на выборах. Национальный стадион в Сантьяго. 1970 г.

Злоба, накопившаяся у реакционных олигархических кругов, утративших свои привилегии, террористическая деятельность и отравленная ядом лжи пропаганда ЦРУ, густо приправленная неперемнным союзом — антикоммунизмом, — весь этот яд выплеснулся на Чили 11 сентября.

Фашизм шел по нашим улицам. Но мы еще не сознавали этого: несмотря на неоднократно делавшиеся нам предупреждения, термин «фашизм» в применении к контрреволюции все еще представлялся нам книжным понятием. Лишь спустя несколько лет, уже в эмиграции, мы, чилийцы, узнали, что ЦРУ были составлены списки лиц, подлежащих аресту, определены стратегически важные правительственные учреждения, которыми следовало овладеть, и выведены планы чилийского правительства на случай военного мятежа.

Мятежники использовали все эти данные и разработки ЦРУ. По ним, шаг за шагом, развивался антиправительственный переворот.

...В нашей студии — около тысячи метров по прямой от дворца «Ла-Монедра» — царила естественная в тот момент нервная, напряженная и деятельная атмосфера. Мы едва успевали отвечать на телефонные звонки, получать сообщения от репортеров и инструкции от руководителей нашей партии. Главное внимание было сосредоточено на судьбе нашей передающей станции, расположенной в одном из пригородов столицы. Телефонный кабель, соединявший ее со студией, был для нас нитью жизни, надежды и единственной возможностью продолжать борьбу. Ведь если

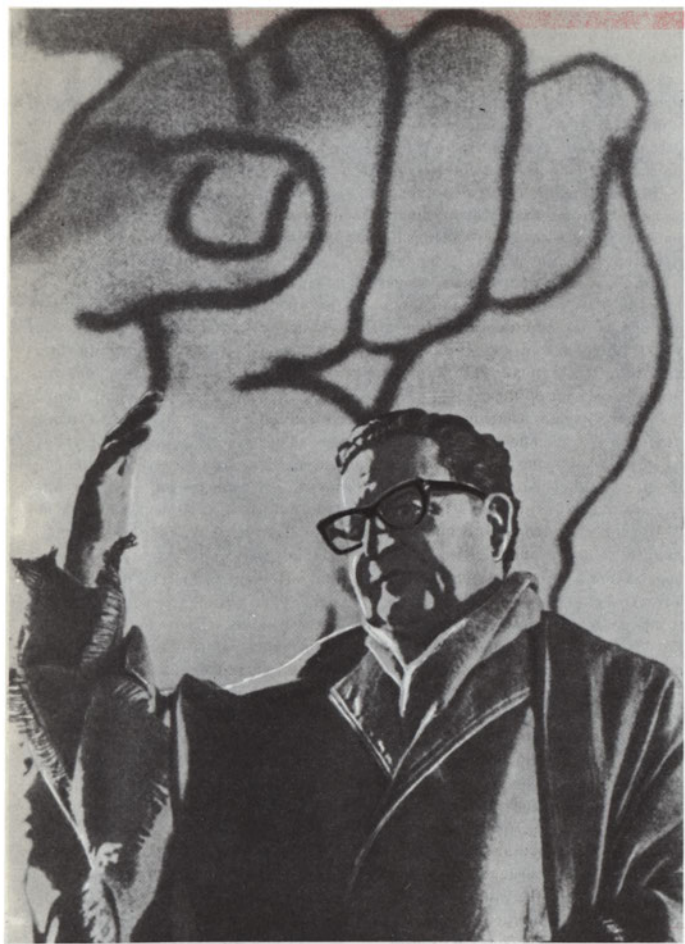
путчисты уничтожат передатчик, радио «Магальянес» не сможет выполнять свой долг, свою боевую задачу, тогда как в случае уничтожения нашей студии журналисты и дикторы, находящиеся у передатчика, будут продолжать работу.

С этими мыслями, собравшись в маленькой операторской, мы с волнением слушали обращение Сальвадора Альенде.

Лишь позднее, находясь в Москве, я узнал, что происходило тогда «на другом конце провода» — в кабинете президента в «Ла-Монедра». Об этом мне поведал Данило Бартулин, бывший личный врач Альенде и участник боя в президентском дворце, сопровождавший в советскую столицу Ортенсию Бусси де Альенде. «Вот-вот должна была начаться бомбардировка, — рассказал он. — И тут Альенде направились в свой рабочий кабинет, где были установлены телефоны, связывавшие его напрямую с радио «Корпорасьон» и радио «Магальянес». «Корпорасьон», так же как и станция «Парталес», уже была уничтожена ударами авиации. Альенде выглядел спокойным как никогда. Он снял трубку, крутанул рукоятку магнето и начал говорить...»

...К тому времени, когда Альенде закончил выступление, мы уже решили завершить его обращение национальным гимном. В операторской воцарилось глубокое молчание.

Думаю, что именно в те минуты слова Альенде заставили нас, как и многих других чилийцев, осознать всю непоправимость происходящего, понять, что имеем дело с фашизмом в собственной стране...

Евгений Долматовский

ЧИЛИ В СЕРДЦЕ

(Из поэмы)

Из-под припухших век
в грядущее смотрят
глаза Сальвадора Альенде...
Я горю о президенте
страны,
еще не успевшей
стать и назваться
Социалистической Республикой Чили,
но уже сумевшей вернуть народу
медь, океан,
землю,
а главное — честь и достоинство.
Три года
на континенте раскаленном,
который надменные Штаты
считали своей колонией,
вольно дышала Республика Чили...
Три года
под знаменем единства народа!
Много это или мало?
Не знаю... Но уверен,
что вполне достаточно
для того, чтобы шахтеры и крестьяне,
люди в рваных пончо,
поняли,
что можно не быть рабами,
что рабами быть невозможно.
Я сбиваюсь с ритма,
рифма то возникает, то пропадает.
У моих компаньеров, чилийских поэтов,
кляпами
сегодня рты забиты.
Их стихом
попробую объясниться,
свободным стихом,
о котором мы часто спорили...

Свободный стих!

Там, в Андах и Кордильерах,
может, это единственное, что осталось свободным.
Я плачу о камарада Сальвадоре Альенде,
о камарада Пабло Неруде,
обо всех, кого убили
в Чили.

Но все-таки эти три года
были!

Мои чилийские товарищи,
зарытые в медную землю,
уходят в бессмертье
и становятся рядом
с двадцатью шестью

бакинскими комиссарами,
с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург,
с Гарсиа Лоркой,
с Олегом и Зоей,
с Эрнстом Тельманом,
с Патрисом Лумумбой,
с Че Геварой,
с Хулианом Гримау.

Я захлебываюсь именами,
словно хлынула кровь горлом.
Наших мучеников слишком много,
и еще не закрыт список...

А все-таки эти люди,
расстрелянные во тьме ночей,
были,
есть,
будут

в сто раз живее своих палачей!

Продажные генералы,
рассевшиеся в награбленных креслах,
изменившие присяге,
вы гораздо более похожи на мертвецов,
чем убитый вами
глава Республики Чили,
которого верные товарищи
уже с простреленным сердцем
усадили в его законное кресло
в крестьянском пончо,
с президентской лентой на груди...

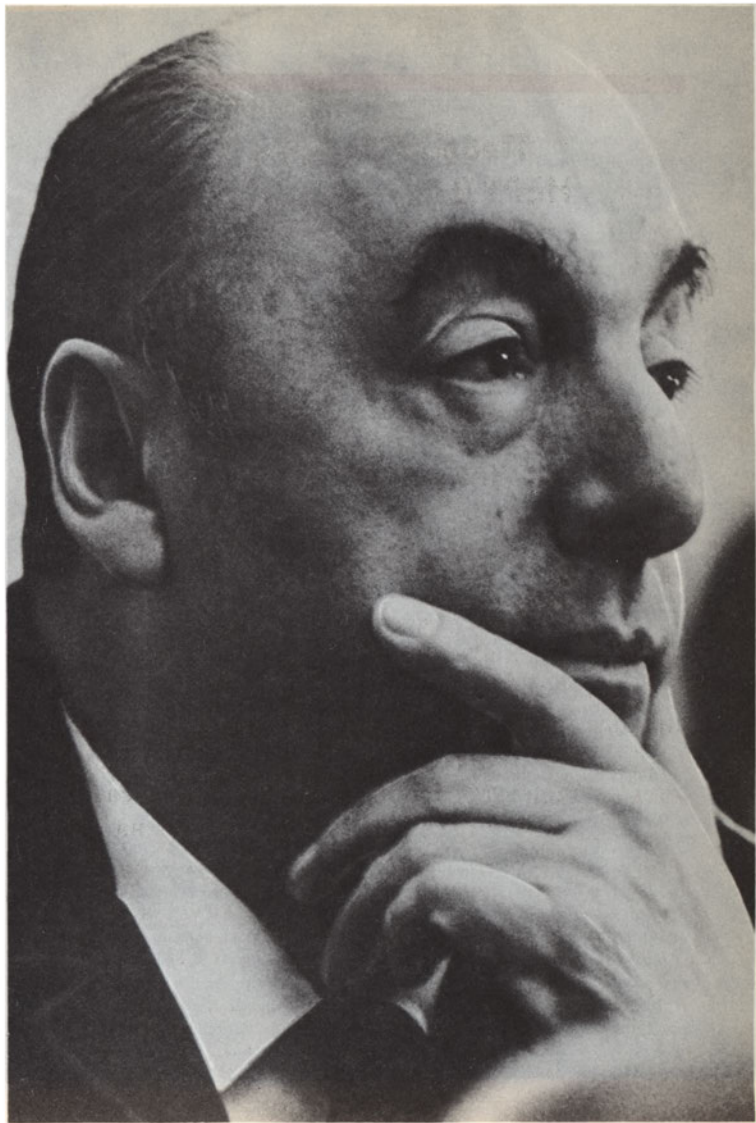

Сальвадор Альенде
и Луис Корвалан.

Пабло НЕРУДА

...Я понял, что моя миссия как человека
состоит в том, чтобы слиться с широкими
силами организованного народа, влиться туда
кровью и душой, всей страстью и надеждой,
ибо только из этого вздувшегося потока
рождаются пути, необходимые писателям
и народам.

ПАБЛО НЕРУДА

Пабло Неруда — крупнейший чилийский поэт, видный общественный деятель, член Центрального Комитета Коммунистической партии Чили.

Родился 12 июля 1904 года в Паррале, на юге Чили. В 1917 году опубликовал свое первое литературное произведение. После окончания педагогического института в Сантьяго в 1927—1931 годах был чилийским консулом в странах Юго-Восточной Азии. В 1935 году назначен консулом в Мадрид.

После начала в 1936 году национально-революционной войны в Испании активно участвовал в организации движения интернациональной солидарности с Испанской республикой. По инициативе П. Неруды была создана испано-американская группа помощи республиканцам Испании. В 1937 году была опубликована получившая всемирную известность книга П. Неруды «Испания в сердце».

В 1939 году П. Неруда был назначен чилийским консулом в Париже. Здесь он провел огромную работу, помогая испанским республиканцам, покинувшим родину после прихода к власти режима Франко, выехать в Чили и другие страны Латинской Америки.

Во время второй мировой войны П. Неруда написал стихи, полные признательности и любви к Советскому Союзу и Красной Армии.

В 1945 году Пабло Неруда вступил в Коммунистическую партию Чили. В 1948 году, будучи сенатором, Неруда произнес в парламенте обвини-

тельную речь против правительства, после чего властями было принято постановление об аресте поэта, и Неруда перешел на нелегальное положение. Находясь в подполье, поэт-коммунист создал свое крупнейшее произведение «Всеобщая песнь» (1950). В том же году Неруда был избран членом Всемирного Совета Мира и награжден Международной премией Мира за поэму «Пусть проснется Лесоруб».

В 1953 году Неруде присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». В 50—60-е годы П. Неруда активно участвует во всемирном движении сторонников мира.

В 1969 году Коммунистическая партия Чили выдвинула П. Неруду кандидатом на президентских выборах, позднее он снял свою кандидатуру в пользу кандидата блока Народного единства Сальвадора Альенде.

В 1970 году правительство Народного единства назначило Неруду послом во Францию. В 1971 году поэту была присуждена Нобелевская премия по литературе. В 1973 году он выступил с «Воззванием к интеллигенции Латинской Америки и Европы», в котором разоблачал силы, разжигавшие гражданскую войну в Чили.

Фашистский переворот 11 сентября 1973 года стал смертельным ударом для Неруды. Он умер 23 сентября. Похороны Неруды превратились в антифашистскую демонстрацию.

Пабло Неруда

Я ПОМНЮ

Я удостоверяю!
Я был там, был,
страдал и подтверждаю
свидетельство свое!
И если бы никто не помнил,
я —
    тот, кто помнит;
и если б на земле глаз не осталось,
все буду я глядеть;
и здесь останется записанною в книгу
та кровь,
а та любовь по-прежнему пылать
здесь будет!
Забвенья нет, о господа и дамы!
Мой рот изранен, этим ртом
замолкшие все будут петь и петь!

МОЕЙ ПАРТИИ

Ты наделила меня чувством братства к тому,
кого я не знаю.
Ты сообщила мне силу всех живущих на свете.
Ты дала мне родину, как новое рождение.
Ты дала мне свободу, которой нет у одиночки.
Ты научила меня разжигать добро, как костер.
Ты дала мне прямизну, без которой нет дерева.
Ты научила меня видеть единство и различие людей
Ты показала мне, как горе одного человека утоляется
во всеобщей победе.
Ты научила меня спать на твердых постелях братьев
Ты научила меня все строить на реальном,
как на гранитной скале.
Ты сделала меня противником злодея
и заслоном от безумца.

Пабло Неруда.

Ты помогла мне увидеть ясность земли
и возможность радости.
Ты сделала меня несокрушимым, потому что с тобой
я не оканчиваюсь в себе самом.

ОПАСНОСТЬ

Предупредили: осторожней,
не поскользнитесь на паркете,
на мокрой глине, на снегу.
Ну что ж, сказали мы, на льду
мы постараемся не падать.
Но вышло так, что под ногами
все начало внезапно плыть,
и все мы стали кувыркаться.

А это кровь была.

Она
текла из секретариатов,
с постов, захваченных разбоем,
текла по мраморным ступеням
и затопила поле, город,
редакции газет, театры,
хранилища людского пепла,
полковничьи застенки...

Кровь
окопы с верхом залила,
струилась из войны в войну,
по миллионам мертвых глаз,
которые лишь кровь видали.

Так было — я могу поклясться.
Возможно, в жизни вы скользили
лишь на снегу или на льду.
Мне выпала другая доля —
оскальзываться на крови.

ИДИ СО МНОЙ

Отныне здесь я остаюсь с тобой
во имя Чили — воли голубой,

и моря, рыбой полнящего сети,
и хлеба, что клюют щеглята-дети,

во имя меди, и борьбы в конторах,
и нив, где поутру пшеничный шорох,

друзей, которые всегда с тобою,
колосьев, роз и мерного прибора,

во имя всех забытых земляков,
студентов, и солдат, и моряков,

во имя всех народов, всех племен,
колоколов, корней и шумных крон,

во имя всех дорог и узких троп,
мир выводящих к свету из чащоб,

во имя красных флагов на восходе,
их страсти, их движения к свободе,

во имя счастья понимать, что ты —
частица этой общей полноты.

Иди со мной, борись. Отныне твой —
мой стихотворный склад пороховой.

* * *

Так поднимай, народ, свободы зная,
держи его руками всех погибших,
неси его руками всех живых,
соединенными в одно пожатье,
иди вперед, в решительный, последний,
единый бой, к своей звезде лучистой,
пускай единым светом засияет
лицо непобедимое твое.

П. Неруда.

Я БУДУ ЖИТЬ

(1949)

Я не умру. Я выхожу сегодня
в наполненный вулканным жаром мир
навстречу людям и навстречу жизни.
Я здесь привел свои дела в порядок,
и здесь сегодня,
когда вооруженные бандиты
с «культурой западной» в руках, с руками
убийц разгуливают по Мадриду,
с петлею, душащей людей, — в Афинах,
с бесчестьем, царящим ныне в Чили, —
я прекращаю свой рассказ.

Я буду

здесь со своим народом вечно,
со своею песней и дорогой,
что ожидает меня, вновь и вновь стучится
руками звездными в мои ворота.

БЕССОННИЦА

Я думаю в ночи, что будет с Чили?
С моей несчастной,
с моею темной, бедною страной?

Я так люблю кораблик этот тонкий,
все камни, комья,
негаснущую розу побережья,
живущую бок о бок с пеной,
что стал единым целым с этой далью,
сошелся с каждым из ее детей,
с ее сквозными временами года, —
я с ними плакал, с ними расцветал.

Я ощущаю, как сейчас, едва лишь
пошел на убыль мертвый год сомнений,

и обескровившая нас ошибка
ушла, и снова начали мы счет
добру и справедливости, — как снова
повеяло угрозой
и злоба щерит пасть из-за угла.

КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ

(Из книги воспоминаний «Признаюсь: я жил»)

Однажды утром — это было в 1970 году — в мое морское убежище, в Исла-Негра, приехали Генеральный секретарь нашей партии и еще несколько товарищей. Они предложили мне стать кандидатом в президенты республики и сказали, что моя кандидатура будет выдвинута на обсуждение шести или семи партий Народного единства. Все было подготовлено, продумано — программа, характер будущего правительства и его первоочередные задачи. До этого момента у каждой партии Народного единства, за исключением коммунистов, был свой кандидат, и каждая хотела сохранить именно его. Мы поняли, что необходимо выдвинуть единого кандидата, которого поддержат все левые партии и который станет кандидатом Народного единства. Пока мы обсуждали эту проблему, правые уже всю развернули предвыборную кампанию. И если бы мы не объединились в предвыборной борьбе, нас ждало бы серьезное поражение.

Коммунисты решили выдвинуть своего кандидата, с тем чтобы усилить сплочение всех левых сил. Когда я принял предложение моих товари-

щей, моей партии, ее позиция стала для меня более ясной. Если бы силы Народного единства не пришли к согласию, наша партия боролась бы за мою кандидатуру до самого конца, но мы были готовы голосовать за кандидата, который получит поддержку всех этих сил.

Это был поистине героический шаг, побудивший всех остальных действовать сообща. Когда я сказал товарищу Корвалану, что принимаю предложение партии, мне было ясно, что партия со временем может и снять мою кандидатуру, если не осуществятся надежды на то, что левые объединятся вокруг кандидата коммунистов. Все искали нашей поддержки, даже некоторые кандидаты от христианских демократов, но не хотели поддерживать нас, коммунистов.

Моя кандидатура, возникшая в то морское утро в Исла-Негра, разожгла огонь надежды. Не было места, куда бы меня не звали. Я был растроган приемом, который мне оказывали тысячи и тысячи простых людей — мужчин и женщин. Меня обнимали и целовали со слезами на глазах жители окраин Сантьяго, шахтеры Коким-

бо, горняки, добывающие медь в раскаленной пустыне, крестьянки с детьми на руках, ждавшие моего приезда. Это были люди, бедствующие на всем пространстве страны, от истоков реки Био-Био до земель у Магелланова пролива. С ними я говорил, им читал стихи, и они слушали меня, стоя в размякшей глине, под проливным дождем, под студеным, пронизывающим ветром Антарктики...

В один из счастливых дней пришла весть — кандидатом от всего Народного единства станет Сальвадор Альенде. С одобрения моей партии я тотчас снял свою кандидатуру. Это произошло на митинге, где собралась огромная ликующая толпа. Следом за

мной выступил Альенде и дал согласие быть кандидатом от Народного единства. Митинг проходил в парке. Люди были везде, где только можно, даже на деревьях. В зеленой листве виднелись головы и ноги. Нашим бывалым чилийцам все нипочем.

Я знал нового кандидата. Мне трижды довелось сопровождать его в предвыборных кампаниях — читать стихи и говорить речи перед людьми, живущими на нашей суровой, вытянутой в длину земле. Три раза подряд — с промежутком в шесть лет — выставлялась кандидатура моего упорного товарища. На четвертый он одержал победу...

П. Неруда
в своем доме.

Константин Симонов

КОММУНИСТ

(Мысли и воспоминания о Пабло Неруде)

Пабло Неруда был человеком прочных взглядов на прошлое, настоящее и будущее человечества, на людей труда и людей наживы, на мир и на войну, на друзей и врагов.

Он боролся за дело, в которое верил, а верил он в коммунизм. Он много думал и немало страдал; радовался победам, сердился на ошибки и несовершенства; без колебаний говорил неприятную правду в глаза и стойко во все времена презирал ренегатов, особенно тех из них, кто, предавая, искал всеобщего сочувствия и публично драл на себе рубашки, предпочитительно на страницах буржуазной печати.

Таким я помню его — человеком политики и человеком долга, не искавшим для себя легких путей, искавшим верных.

За те почти четверть века, что я знал Пабло Неруду, жизнь на нашей планете преподносила коммунистам немало тяжелых неожиданностей. Эта четверть столетия была нелегкой для человека, сражающегося своим пером за идеи коммунизма, и упрощать в нашей памяти эту сложность было бы оплошностью.

За все эти нелегкие годы немало художников в мире испытали на себе соблазны так называемого третьего пути. Это происходило и потому, что путь к коммунизму оказался куда более долгим и тернистым, чем это

представлялось вначале. Таким долгим, что на него может не хватить жизни. И таким тернистым, что на него может не хватить воли.

Я вспомнил об этом потому, что в острые минуты истории несколько раз слышал высказывания Неруды о современных не столько странствующих, сколько мечущихся рыцарях третьего пути.

Его высказывания отличались спокойной определенностью, свойственной человеку, уверенному в своей правоте. Неруда никогда не спешил поставить крест на том, кто заблуждался, и это было частью его веры в человека и человечество. В то же время ничьи чужие сомнения и колебания, ничья политическая истерия, даже со всешветным шумом выплеснутая в эфир и на страницы газет, не способны были вывести его из душевного равновесия, которое было частью его веры в себя и в свой путь в жизни и в искусстве.

О самых трудных вещах в жизни и в политике он говорил с какой-то медлительной твердостью, как человек, который обеими руками оторвал от земли огромную тяжесть раз и навсегда принятой на себя работы, не для того, чтобы, дрогнув, бросить ее на полдороге, а для того, чтобы выжать ее до конца.

В Неруде жила непоколебимая вера в будущее. И это настолько же

важно, насколько неотделимо от нашего представления о Неруде как о человеке, как о политике, как о поэте. Устойчивость этого представления подтверждена всей его жизнью и всеми его стихами. При всем огромном богатстве и многообразии его поэзии подтверждения этой душевной твердости, этого устойчивого взгляда на будущее человечества можно найти, заглянув в каждую из его книг — будь то «Испания в сердце» или «Песнь любви Сталинграду», будь то «Всеобщая песнь», или «Птицы Чили», или «Четыре времени сердца»...

Он обладал той глубиной и цельностью натуры, при которой человека не заботит мгновенность перехода от самого серьезного и даже трагичного — к улыбке, к шутке, к иронии. Он шутил гораздо чаще, чем улыбался, но при этом в нем присутствовала удивительная способность буквально на полуслове перейти в разговоре к самым серьезным вещам, не откладывая этого ни на минуту. И сколько бы ни шутил на моей памяти Неруда, в моем ощущении где-то очень глубоко внутри он всегда оставался серьезен и даже чуть-чуть печален.

Неруда стал антифашистом в годы гражданской войны в Испании. Дальнейшая логика борьбы с фашизмом в годы второй мировой войны привела его в ряды коммунистов.

В послевоенные годы Неруда был одним из тех всемирно известных писателей-коммунистов, которые стояли у истоков движения борцов за мир. И, вспоминая сейчас все этапы этого движения, которому теперь уже четверть века, невозможно предста-

вить себе его без имени Неруды, без его поездок и выступлений на всех континентах и, конечно же, без его удивительных стихов, с их страстной верой в естественность мира и неестественность войны...

Пабло Неруда принадлежит к числу тех поэтов, истинная любовь к которым требует не только переводов, не только изданий их книг на всех языках мира.

Истинная любовь к таким поэтам, как Неруда, требует большего. Она требует, чтобы на всех языках мира, не затихая, гремел протест против того уродливого, страшного, античеловеческого, что произошло в Чили.

Любовь к Неруде требует ненависти к фашизму.

Она требует не только слов, но и действий в защиту того народа, чьим сыном он был, чьей жизнью он жил, о чьих страданиях с гневом и болью он слабеющей, но мужественной рукой писал в свои последние, предсмертные часы.

Ноябрь 1973

В Москве.
С женой Матильдой
Уррутиа. 1967 г.

Генрих Боровик

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОЭТА

За несколько месяцев до фашистского переворота в Чили Пабло Неруда сказал: «Я не смог бы видеть мою родину истекающей кровью. Это означало бы смерть для меня».

И он умер через двенадцать дней после того, как самолеты хунты обстреляли ракетами рабочие районы Сантьяго, начав кровавую чилийскую драму.

Он тяжело и неизлечимо болел, но сердце его остановилось не только

по той причине, что указана в заключении врачей.

Мой друг аргентинский писатель сказал: «...для меня Пабло Неруда умер от боли и горя одиннадцатого сентября. Слово этот огромный поэт, всегда свободный, всегда обновленный, всегда связанный с нашей землей и с нашими людьми, певец моря, певец униженных и оскорбленных, певец повседневных дел, хлеба и лука, словно поэт закрыл глаза,

не в силах видеть кровь своего родного Чили, пролитую фашизмом на земле Америки...»

В последние дни своей жизни Неруда работал непрерывно. Он заканчивал книгу воспоминаний. Писал стихи.

Фашизм боится поэтов. Так было всегда. Он боится живых поэтов. Но не перестает их бояться и тогда, когда они погибают.

«Гориллы» поставили карабинеров у его дома, чтобы слово из-под его пера не проникло в мир.

Больного, его держали под домашним арестом. К нему и к его близким не допускали никого. Слухи, приходившие из Сантьяго, были противоречивы. Говорили, что Пабло убит. Говорили, что арестован. Весь мир был в тревоге за его судьбу. А из его дома нельзя было получить ни весточки. Поэт был отрезан от мира, которым жил.

Но он слышал звуки выстрелов и крики людей, и ветер доносил до его окон на холме Сан-Кристобаль запах чилийской трагедии — запах убийства, пороха и крови, запах дыма от горевших на улицах книжных костров, в которых пылали и его стихи.

В те дни я был совсем рядом с Сантьяго — в Перу, в Лиме. По заданию редакции я прилетел туда сразу после переворота в Чили. Лишь только появилась возможность телефонной связи с Сантьяго, я позвонил Неруде. Безрезультатно. Снова и снова звонил ждал бесконечные часы у телефона. Но ни его дом в Исла-Негра, ни дом в Сантьяго не отвечали. Я тогда еще не знал, что провода его

телефонов были оборваны по приказу хунты.

19 сентября ему стало хуже. Его увезли в столичную больницу Санта-Мария и положили в палату номер четыреста два, которую власти немедленно превратили в тюремную камеру. К нему снова никого не пускали, встречи с его родственниками тоже были запрещены.

Его сердце остановилось 23 сентября в одиннадцать тридцать вечера.

И через несколько часов фашисты ворвались в его дом.

Они выломали прикладами двери и прежде всего принялись тащить из дома рукописи и книги. В трусливых поисках бумаг со страшными их словами поэта они срывали карнизы, выламывали доски из пола, сдирали штыками обивку с потолка, а потом в злобной удали невежества принялись крушить по приказу офицеров все, что было под рукой, — провали штыком картину другого великого Пабло — Пикассо, разбили об пол коллекцию бесценной древней индейской керамики, рушили книжные полки, били стекла в окнах, срывали с петель двери. И, удаляясь, довершили фашистский разбой тем, что вскрыли все водопроводные трубы в доме. На рассвете этой же участи подвергся и дом поэта в Исла-Негра, в ста двадцати километрах от Сантьяго, на берегу океана, где Неруда обычно жил и где им написаны его лучшие стихи.

Простой сосновый гроб с телом великого чилийца принесли в разгромленный, залитый водой дом на холме Сан-Кристобаль и поставили здесь от-

крытым всем ветрам. Чтобы друзья поэта могли постоять возле гроба, пришлось положить на залитый водой пол несколько кирпичей, а на них — доски.

Здесь, в этой комнате, были ближайшие друзья Пабло: его жена Матильда Уррутиа (он писал о ней в одном из своих стихотворений: «У моей жены огромные глаза цвета лесных орехов...»), его сестра Лаура Рейес, известный чилийский писатель-коммунист Франсиско Колоане, бывший ректор университета Хуан Гомес Мильяс, бывший министр просвещения Максимо Пачеко, еще несколько человек.

У дома толпились корреспонденты. Даже они, видевшие в эти дни многое, были ошеломлены варварством фашистов. Кто-то из хунты, стремясь сгладить впечатление, сказал, что высшие чины не давали приказа громить дом Неруды, что солдаты и офицеры сделали всё по своей воле. И эта ложь была достойным дополнением к разбою.

Возле дома, выглядевшего теперь нежилым, где стоял гроб с телом Неруды, начала постепенно собираться и все росла и росла толпа людей, которые пришли сюда, чтобы проститься со своим великим соотечественником.

Их теснили карабинеры, им приказывали разойтись, но они не расходились, продолжали стоять, пока наконец кто-то из офицеров не привез приказ высшего начальства — «разрешить тем, кто собрался у дома Неруды, следовать за его телом до кладбища».

В Лиме, а потом в Буэнос-Айресе

я беседовал со многими людьми, которые были в день похорон Неруды в Сантьяго. Я встречал и тех, кто принимал участие в похоронной процессии. С их слов я совершенно отчетливо представляю себе, как это было.

Люди шли за гробом по пустым улицам. Шли в оцеплении солдат и карабинеров, державших автоматы на изготовку, шли в сопровождении эскорта страха. Фашистская хунта продолжала страшиться погибшего Пабло даже после того, как вынесла из его дома, похитила все, что было написано его рукой, все, что могло превратиться в громкое человеческое слово.

Толпа за гробом постепенно росла. От холма Сан-Кристобаль, где стоит дом поэта, до старинного, существующего полтора века кладбища нужно было пройти около трех километров. Три километра по вымершим улицам. Затворенные ставни окон, закрытые двери.

Но весть о смерти Неруды и о том, что его будут хоронить именно сегодня, 25 сентября, уже разнеслась по городу. Рабочие, студенты заранее собирались вдоль пути, по которому — они знали — пронесут тело поэта: каждому в Сантьяго известно, где стоит дом Неруды, и всем известно, где кладбище.

На улицах города запрещено было стоять группами. Поэтому люди ожидали траурную процессию в подъездах домов, на лестницах, во дворах, в квартирах знакомых.

И толпа людей, шедших за гробом, росла, как снежный ком, от квартала к кварталу.

У дома Неруды их было лишь несколько десятков человек. К воротам кладбища пришло несколько сотен.

Они начинали свое движение как траурная процессия, но постепенно превращали и превратили ее в демонстрацию — первую после переворота уличную демонстрацию в Сантьяго против фашизма.

С 11 сентября хунта официально запретила обращение «компаньеро» — товарищ. Но кто-то крикнул громко в толпе, идущей за гробом: «Компаньеро Пабло Неруда — пресенте!» — «Товарищ Пабло Неруда — с нами!» Сотни голосов повторили клич. И тут же эти слова, спешно написанные от руки на куске материи, поднялись над головами людей.

Кто-то крикнул: «Сегодня мы хороним и товарища Сальвадора Альенде!» Толпа повторила. И снова полотнище со словами призыва взвилось над рядами.

Солдаты, шедшие вдоль толпы и за толпой, не посмели вмешаться.

Кто-то бросил из окна красный цветок. Его подобрали и стали передавать друг другу поднятыми вверх руками...

Хунта блокировала кладбище. Сотни солдат и карабинеров стояли у ворот. У каждой могилы виднелась каска, за каждым памятником торчал штык или дуло автомата.

Но кто-то запел «Интернационал». Его подхватили. «Весь мир насилья мы разрушим...» — пели рабочие, студенты, писатели — все, кто пришел проститься со своим великим поэтом-коммунистом. И слова рево-

люционного пролетарского гимна звучали как клятва.

К кладбищу подтянули военную полицию на грузовиках. Теперь солдат стало больше, чем провожающих поэта. Но хунта не посмела дать приказ прервать похороны, превратившиеся в демонстрацию.

Потом над гробом читали стихи Пабло. И снова пели «Интернационал».

А в это самое время в районе Сан-Борха в Сантьяго фашистские офицеры хунты разложили и зажгли огромный костер из книг, среди которых были и книги Неруды.

Поздно вечером накануне похорон Неруды в здание четвертого канала телевидения Лимы пришел человек, не назвавший своего имени. Он попросил свидания с редактором новостей. Сказал, что у него важное дело. Редактор вышел к нему.

— Мне привезли пакет из Чили, — сказал человек. — Круглым путем, через Аргентину. Здесь в пакете последнее стихотворение, которое Пабло Неруда написал перед смертью. Я не могу назвать своего имени, простите, но это его стихотворение.

И он протянул листок с машинописным текстом.

В тот же вечер стихотворение было прочтено по телевидению и передано по радио Лимы. А утром его напечатали прогрессивные газеты.

Вот его перевод.

*...В одной упряжке Фрей и Пиночет
ликуют — славят пепельный*

*сентябрь,
каратели истории чилийской,*

гиены, рвущие победный стяг.

*Опять пожар, опять потоки крови,
опять в поместьях завоились свиньи,
вновь ожили громы преисподней,
сатрапы, перепроданные с торга,
и торгаши, которых подстрекает
нью-йоркское волчье.*

*Опять дробит тела камнедробилка,
в крови от щедрых*

*жертвоприношений,
опять ликуют грязные торговцы
континентальным воздухом и хлебом,
и палачи, заплывшие жирком,
и выползшие из конур князьки,
которым лишь одно в утеху — попытки
и голодом задушенный народ...¹*

Я позвонил редактору телевидения:

— Можете ли вы с уверенностью сказать, что это стихотворение принадлежит Пабло Неруде?

— Я не сомневаюсь в этом, — ответил мне редактор. — Есть подтверждение этому из Буэнос-Айреса и из Мехико, копию стихотворения получили многие радиостанции и газеты.

И это было действительно стихотворение Пабло Неруды.

Правда, написал он его не в эти трагические дни, а четверть века назад. Но врагами Пабло и его народа были все те же сатрапы... толпа безжалостных палачей, продажных тиранов, торговцев американским воздухом и хлебом. Только тогда они назывались Трухильо, Мориньиго, Сомоса и Кариас, а теперь Фрей, Пиночет и иже с ними.

Не знаю, сам ли Неруда или кто-то другой по велению собственного сердца заменил те имена на сегодняшние. Но это не имеет значения. Все равно слова эти сказал Пабло — сказал над телом замечательного чилийца Сальвадора Альенде, убитого 11 сентября, и над телом чилийского поэта и певца Виктора Хары, убитого 12 сентября, и над телами тех шестисот рабочих, что погибли, обороняя фабрику «Сумар», и над телами тысяч других чилийцев, погибших от рук фашистской хунты.

И кто-то вынул эти стихи из толстого тома и раздал народу, как вынимают из козел и раздают народу оружие, когда надо идти в бой.

Октябрь 1973

---

¹ Стихи переведены П. Грушко.

Эфраин Баркери

(Чили)

ТЫ УМЕР, ПАБЛО? НЕ ВЕРЮ!

Ты умер собственной смертью? Не верю!
Болезнь тебя погубила? Вздор!
Ты умер от боли, скрутившей Чили.
Те самые пули тебя убили,
которыми был сражен Сальвадор.

Стихны, шторм в океане!
Минута молчанья.

Ты умер собственной смертью? Не верю!
Ты пал, как Альенде: в бою, солдатом.
Он встретил смерть свою с автоматом,
ты — с песней, пылающей на устах.
И ваши смерти — не просто смерти,
а ваши жизни — не просто жизни.
Вы отдали их народу. И верьте:
бессмертны пребудете с ним в веках.

Стихны, шторм в океане!
Минута молчанья.

Ты умер собственной смертью? Не верю!
Болезнь тебя погубила? Не верю!
Ты был убит на своем посту!
На том посту, что заслужен жизнью.
На том посту, что дала отчизна
тебе за поэзию и правоту.
На том посту, что народ вверяет,
как землю родины и мечту.

Проснись, грозное море!
Взреви от гнева и горя!

Ты умер собственной смертью? Не верю!
Болезнь тебя погубила? Не верю!
Ты вспыхнул огнем подожженной звезды,
звезды твоего народа... К несчастью,
нет Лорки рядом с тобой. Он расстрелян.
Эрнандеса нет. Он замучен в застенках.
Великие тени стоят в карауле
у гроба Неруды... Найдется ли в Чили
поэт неубитый, чтоб бросить в могилу
хоть горстку земли — той земли, что отныне
вдвойне дорога нам: с тех пор как она
тебя и Альенде в себя приняла...

Проснись, грозовое море!
Взреви от гнева и горя!

Сентябрь 1973

Мигель Анхель Астуриас

(ГВАТЕМАЛА)

ЖИВОЙ НЕРУДА

Дележ добычи в Гватемале.
Предательство бананового войска.

К твоей, поэт, груди своим усталым
лбом

прижался мой народ,
когда во рту его иссяк
прохладный привкус неба,
когда соленый ливень
его лицо омыл.

Шел пятьдесят четвертый год
столетия нашего,
и ты, поэт, безмерно чуткий
к страданиям человеческим,
постиг в то лето душу
измученной тропической страны,

залитой кровью
рабочих.

Сегодня доблесть Чили
затоптана солдатским сапогом.
Погромы, казни.
И сердца благородного
биенье.

Да, сердце бьется — значит, жив Альенде.
Оно стучит — и, значит, жив Неруда!

Мы не отступим.
Ваш пример
идет от сердца к сердцу
дорогою не траура, а молний.

Неруда будет петь всегда,
его стихам рождаться бесконечно,
взвиваться ввысь,
как чайкам в клочьях пены.

Кто утверждать посмеет, что ты умер?
Я говорю,
я снова повторяю,
что ты живой.

Твой голос отвечает
зову Чили.
Октябрь 1973

**Виктор
ХАРА**

По счастью, я принадлежу к поколению,
подхваченному революционными ветрами
истории...

ВИКТОР ХАРА

Виктор Хара — герой чилийского народа. Певец, композитор, актер, театральный режиссер. Член Центрального Комитета Союза Коммунистической молодежи Чили.

Родился в Чильяне в 1938 году. Окончил театральную школу при Национальном университете в Сантьяго. Музыку начал сочинять еще в детстве. Получил широкую известность как певец и композитор в Чили и за рубежом. Выпустил около десяти пластинок со своими песнями. Удостоен многих национальных и международных музыкальных премий. Выступал с концертами во многих странах мира, в том числе и в СССР.

С двадцати лет активно занимался политической деятельностью. Во время избирательной кампании Сальвадора Альенде был одним из актив-

нейших пропагандистов Союза Коммунистической молодежи Чили. При правительстве Народного единства неоднократно был постановщиком грандиозных народных представлений и спектаклей политического характера. Много раз фашисты и реакционеры угрожали ему расправой.

Виктор Хара был арестован в день фашистского путча, 11 сентября 1973 года. Когда его привезли на Национальный стадион, превращенный в концлагерь, он запел одну из своих песен. Тысячи узников подхватили ее, а Хара был схвачен и зверски убит.

В нашей стране и за рубежом ежегодно проводятся фестивали политической песни памяти Виктора Хары. Его имя носят многие ячейки Союза Коммунистической молодежи Чили.

А. Сосновский

**Молодежь мира
солидарна
с патриотами Чили
в их борьбе против
режима Пиночета.**

Виктор Хара

ИЗ ИНТЕРВЬЮ

По счастью, я принадлежу к поколению, подхваченному революционными ветрами истории...

Я счастлив, что живу в это время... Счастлив, потому что, когда отдаешь свое сердце, разум и волю народу, чувствуешь ту радость, которую испытывает человек, как бы рождающийся заново...

Песня поднимает на борьбу угнетенные народы, борется против угнетателей и разоблачает их. Песня рассказывает этим народам об их земле,

о необходимости вернуть все то, что у них украдено эксплуататорами. Она говорит о свободе и о тех, кто борется за свободу для трудящихся всего мира. Очень важно внимание всего прогрессивного человечества к латиноамериканской музыке и солидарность с революционной борьбой наших народов. С каждой минутой я все яснее чувствую, что боль и надежды нашего континента, задавленного веками эксплуатации, должны наконец найти себе выход.

МОЯ ТРУДОВАЯ ГИТАРА

Пою не ради любви к напевам,
Хвалиться голосом ни к чему:
Моя гитара пылает гневом,
Пылает счастьем, взрывает тьму.
Взлетает в небо, как сизый голубь,
Горит, как сердце, волнуя грудь,
Ее веселый и нежный голос
Благословляет идущих в путь.
Весной пропахла моя гитара.
Она — рабочий, она — поэт.
Для тех, кто страдает, играет Хара,
Для тех, кто любит, играет Хара,
Для негодяя — ни звука нет.
Простая песня полна значенья,
Когда ее запевает тот,
Кто с ней сверяет сердцебиенье.
И тот, кто с ней на устах умрет.
Пою не ради похвал и плача
Чужих, неведомых мне людей,

Пою для Чили — земли горячей,
Полоски узкой родной своей,
Откуда все мы однажды вышли,
Куда однажды мы все уйдем,
Чье имя песней мы в сердце выжгли,
А песню эту векам поем.

ПРИЗЫВ К РАБОЧЕМУ

Восстань!

Окинь могучим взором
Мир ветра, солнца и воды,
Взлети, как сокол, над простором,
Изведай тайну высоты.
Ты, изменяющий течение
Бурлящих многоводных рек,
Ты — полон смысла и значения,
Грядущих истин, человек;
Душа твоя летит, как семя
Из рук крестьянских в плоть земли...

Восстань!

Твое настало время.
Взгляни на мир, всему внимли.
Своей натруженной рукою
За руку брата ты возмись,
Мы все пойдем одной стезею
В ту высь, которой имя жизнь.
Мы кровно связаны. Сегодня
Начнется будущее с нас.
Мы станем в мире всех свободней,
Забудем зло хозяйских глаз.
Мы знаем горе и мытарства,
Невиданную нищету...

Восстань!

Твое настало царство!
Зови к закону и труду.
Да будет так.
На этом свете
Защитой слабых станешь ты.

Виктор Хара
с детьми. Кадр
из документального
фильма «Товарищ».

Подуй, как над ущельем ветер,
На одичалые цветы.
Прочисть огнем стволы винтовок,
Дай людям мужество в борьбе.

Восстань!

Бесстрашен ты и ловок.
Гляди, стекаются к тебе,
Как реки, толпы. И рукою
За руку брата ты возмись.
Мы все пойдем одной стезею
В ту высь,
Которой имя жизнь.

Восстань!

Как вспуганные черти,
Враги рассыплются тотчас.
Мы кровно связаны и в смерти,
И в жизни.
Нет преград для нас.

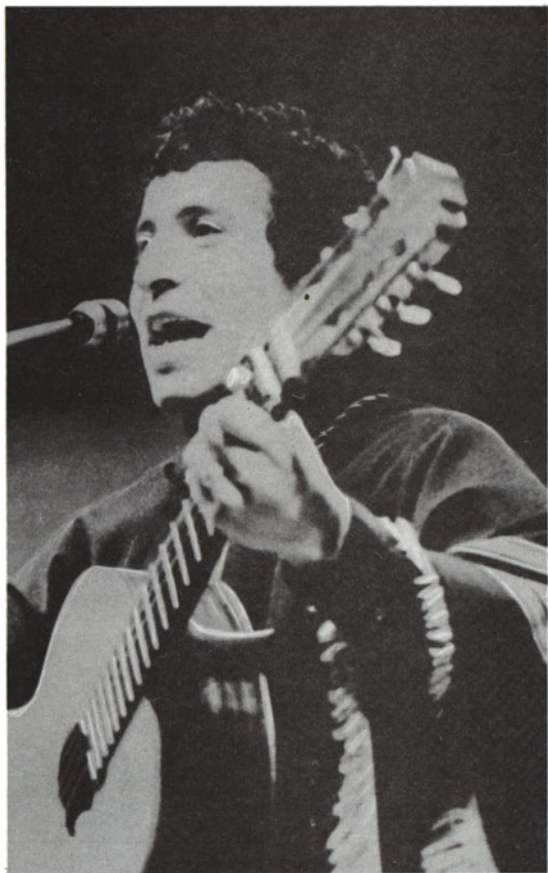
СПАСИБО ТЕБЕ, РЕКАБАРРЕН

Я отдаю в твои руки
мою гитару певца,
она — обушок шахтера,
отточенный серп жнеца.

Твой свет засиял, Рекабаррен,
над крышами бедных лачуг.
С севера, вместе с ветром,
твой голос летит на юг.

Дерево нашей надежды,
ты ветви к солнцу простер, —
зреют плоды свободы
в полях и на склонах гор.

Твой свет засиял, Рекабаррен,
над крышами бедных лачуг.
С севера, вместе с ветром,
твой голос летит на юг.

Песня — оружие
в борьбе
за новую Чили.
Поэт Виктор Хара.

АМАНДА И МАНУЭЛЬ

Я вижу тебя, Аманда:
в глазах твоих юный хмель,
ты бежишь под дождем
к заводу,
где работает Мануэль.

В твоих волосах дождемки,
улыбка — само торжество,
ты никого не видишь,
сейчас ты увидишь его,
его,
его...

Пять минут перерыва,
как быстро они бегут,
но жизнь похожа
на вечность
и в пять недолгих минут.

Снова поет сирена,
окончился перерыв.
Ты идешь,
улыбкою нежной
улицы озарив.

В пять минут расцвело
все твое существо.
Ты шла по улицам мокрым,
чтобы увидеть его,
его,
его,
его...

Потом он ушел на сьерру,
смирный твой Мануэль,
и пять минут кровожадных
пять раз поразили цель.

Снова гудит сирена,
и голос ее — как стон.
Многие не возвратились,
не возвратился и он.

А я вспоминаю, Аманда...
В глазах твоих юный хмель,
ты бежишь под дождем
к заводу,
где работает Мануэль.

ИЗ НЕКРОЛОГА ЦК СОЮЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЧИЛИ

Т о в а р и щ В и к т о р !
Сегодня твой голос звучит над миром
сильнее, чем прежде. Твои песни
остаются могучим оружием в борьбе
против фашизма, империализма и

несправедливости любого рода. Твое
имя звучит во всех концах земли на
фестивалях солидарности и моло-
дежных встречах... Твой образ, образ
коммуниста-певца, остался глубоко

в наших сердцах. Память о тебе жива, чилийские труженики продолжают сражаться за свободу.

Миллионы чилийских юношей готовы, как и ты, отдаться борьбе, что-

бы вернуть в нашу страну свободу, веселье, обновление и достоинство — все то, что отняли у нас 11 сентября.

Поэтому мы победим.

Союз
Коммунистической
молодежи Чили

Джоан Тернер

ИЗ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ

В день переворота Виктор очень рано ушел на работу в Государственный технический университет. Мы услышали по радио голос президента Альенде, призывающего защищать народное правительство республики. До вечера я ничего не знала о Викторе. Он позвонил мне по телефону из университета. Там находились тысячи студентов и преподавателей, окруженные солдатами. Он сказал мне, чтобы я была поосторожней и не беспокоилась о нем.

На следующий день стало известно, что в университет ворвались мятежники и, как сообщили наши враги, «сотни экстремистов были арестованы». Я начала обзванивать знакомых, пытаюсь узнать, жив ли Виктор, нет ли его среди арестованных, но мне ничего не удалось выяснить.

Я связалась даже с английским посольством, ведь я британская подданная, но мне ответили, что ничем не могу помочь.

Только 14 сентября мне позвонила жена одного товарища, он был на стадионе вместе с Виктором, и передала

весточку от моего мужа. Виктор просил сказать мне, чтобы я заботилась о детях и была сильной. Это была последняя весточка от него.

Через четыре дня, восемнадцатого, ко мне домой пришел служащий морга. Он сказал, что опознал тело Виктора и что, если в течение двух дней мы не заберем его, Виктора похоронят в общей безымянной могиле.

То, что я увидела в морге, леденило кровь. Сотни убитых, я и представить себе не могла такое...

Тело Виктора находилось на втором этаже, там, где раньше была контора, среди множества тел мертвых рабочих и студентов. Вся одежда на нем была разорвана, лицо в кровоподтеках, много ран. Я заметила огромную рану на груди.

Потом мне рассказали, что на стадионе, когда его арестовали, Виктор начал петь одну из своих песен. Через несколько мгновений вместе с ним пели тысячи людей. Солдаты испугались. Они схватили Виктора и избивали его, пока он не потерял сознание. Затем его расстреляли.

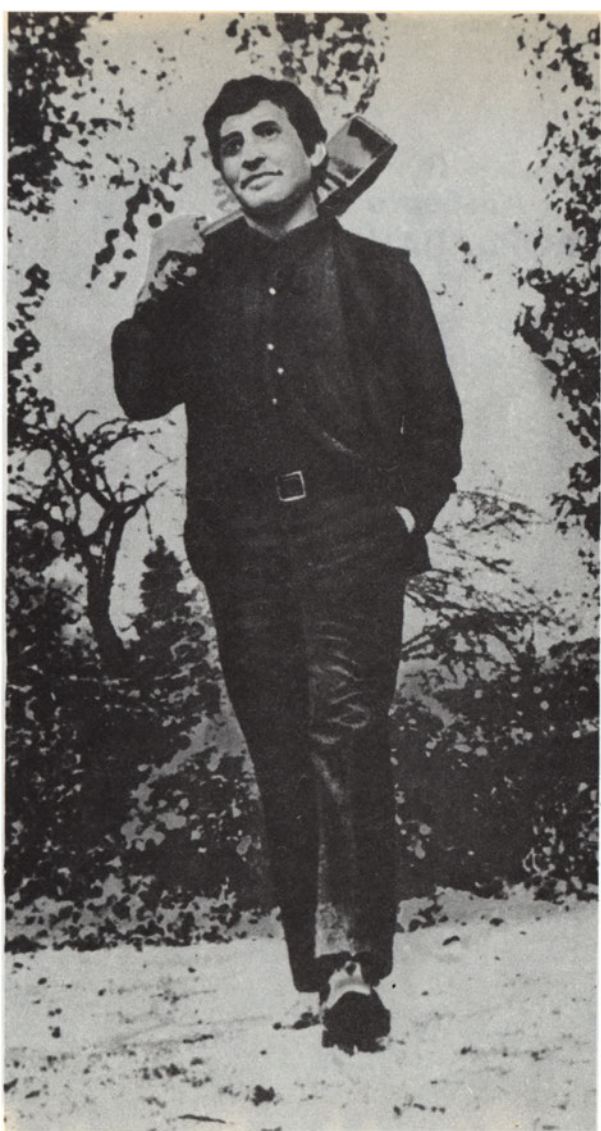

**CHILE SOLIDARITY
CAMPAIGN**

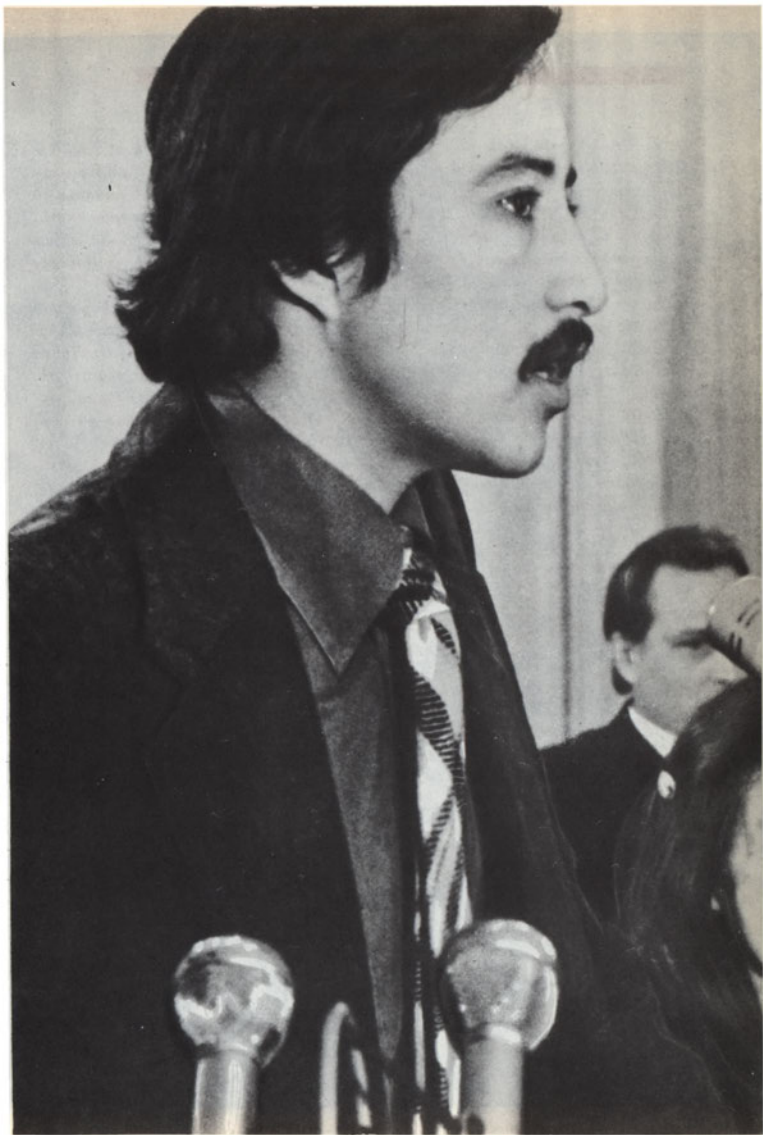

«Мы с тобой,
Чили!» Один
из плакатов
международной
кампании
солидарности
с чилийским
народом.

Виктор Хара.

**Луис
Альберто
КОРВАЛАН**

Пиночет и его клика воюют с народом,
поднявшимся на борьбу против нищеты,
вступившим на путь свободы и независимости.
Лозунг фашистов — тотальное уничтожение.
Их враг — не тайная группа, а вся страна,
весь народ.

ЛУИС АЛЬБЕРТО КОРВАЛАН

Луис Альберто Корвалан — член Центрального Комитета Союза Коммунистической молодежи Чили.

Родился в 1947 году. В 1971 году окончил агрономический факультет университета в Сантьяго.

Во время избирательной кампании на президентских выборах 1970 года принимал активное участие в пропагандистских мероприятиях Союза Коммунистической молодежи Чили.

После победы Народного единства на выборах работал в министерстве сельского хозяйства, отдавал все силы борьбе за последовательное проведение мероприятий правительства Сальвадора Альенде.

Через несколько дней после фашистского переворота был арестован и брошен сначала на Национальный стадион в Сантьяго, превращенный в огромный концлагерь, а затем в концлагерь «Чакабуко». Подвергался пыткам.

Благодаря мощной международной кампании солидарности режим Пиночета был вынужден освободить Луиса Альберто Корвалана и разрешить его выезд вместе с семьей из Чили.

После освобождения Луис Альберто жил в Болгарии. Писал книгу, посвященную борьбе чилийской молодежи против фашистского режима. Умер от последствий пыток 26 октября 1975 года.

А. Сосновский

Мы с вами,
патриоты
Чили!

Луис Альберто Корвалан

БОЛЬ И НАДЕЖДА

(Фрагменты из книги)

В ночь на 5 сентября, сразу же после президентских выборов, с балкона здания Федерации студентов университета к народу обратился только что избранный президентом Чили Сальвадор Альенде...

Наша победа из лозунга превратилась в реальность. Народ пришел к власти. В те минуты, когда Альенде призывал народ оставаться бдительным, защищая свое правительство от происков империалистической агрессии, всемерно закреплять победу демократических сил, мы, члены Союза Коммунистической молодежи, распространяли в толпе листовки с текстом воззвания нашего президента и призывом Единого профцентра трудящихся — объединиться, чтобы отстоять победу народа на выборах...

Простые люди слушали своего президента, плача от счастья. То и дело скандировали они наш боевой лозунг: «Когда народ един, он непобедим!»

К площади у здания Федерации подъезжали все новые и новые разукрашенные грузовики с танцующими кузку и играющими на гитарах людьми. Все участники этого праздника были полны радости и надежд.

***

Ни пулями, ни концлагерями нельзя остановить борьбу голодных за

хлеб, нищих — за крышу над головой, крестьян — за землю, матерей — за будущее своих детей.

***

«Вежливо» подталкивая автоматами, заставляя держать руки за головой, меня отвели в камеру номер семь. Ледяное молчание бьет мне в лицо. Я вижу мужчин, женщин и даже детей... Нас здесь около тридцати человек — все это люди разных возрастов, профессий, выходцы из разных стран Латинской Америки.

Я знаком только с двумя... Они узнали меня, делают почти незаметные дружественные жесты. Наступило время узнавания, неуверенности, опасения перед возможными доносчиками. Закрывается дверь камеры.

В этот момент ко мне подходит крестьянин, лицо которого мне сразу показалось знакомым, садится рядом и спрашивает, не глядя на меня:

— Когда тебя взяли?

— Вчера вечером, — отвечаю я.

— А дон Лучо? ¹ С ним все в порядке? Они попытаются вынудить тебя сказать, где он находится сейчас.

¹ Дон Лучо — Луис Корвалан (род. в 1916 г.) — Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили, отец Луиса Альберто.

Берегись доносчиков, к тебе могут подсадить их. Осторожнее, парень, мы поможем тебе.

***

Нас здесь тысячи, а приводят все новых и новых людей. Пиночет и его клика воюют с народом, поднявшимся на борьбу против нищеты, вступившим на путь свободы и независимости. Лозунг фашистов — тотальное уничтожение. Их враг — не тайная группа, а вся страна, весь народ. Вот

в чем причина массовых репрессий...

Фашисты применяют пытки, пытаются безжалостно всех — мужчин, женщин... Они пытаются уничтожить партийные организации трудящихся, силу народа, вернуть былые голод трудового люда и эксплуатацию человека. Для этого сегодня им надо бросать в тюрьмы, пытать, убивать подавляющее большинство чилийцев... Народ не с ними, поэтому они опираются на силу штыков, террора и смерти.

ИЗ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ ПЕРЕД III СЕССИЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВОЕННОЙ ХУНТЫ В ЧИЛИ

(Мехико, февраль 1975 года)

В концлагерях я провел одиннадцать месяцев. Эти свидетельские показания меня обязывают писать не физические и нравственные мучения, которым подвергали меня, а боль, которую мне причиняет само сознание того, что в эти минуты тысячи мужчин, женщин, подростков и даже детей подвергаются пыткам, страдают от холода и голода в концлагерях, устроенных фашистами на моей родине...

Вместе с тридцатью моими соседями по дому, в основном иностранцами, меня привезли сначала в здание гражданской полиции, где на всех нас завели полицейские карточки. Потом ударами загнали обратно в автобус, чтобы отвезти в министерство обороны.

Потом вдруг был получен другой приказ: «На стадион «Чили»!» Но

там нас не приняли. Комендант лагеря сказал: «У нас все забито битком, здесь уже больше пяти тысяч заключенных». Тогда решили отвезти нас в концлагерь, только что организованный на Национальном стадионе.

Там, как и всех задержанных, нас встретила колонна карабинеров — человек двадцать, вооруженных и пьяных... Мы должны были пройти между ними... По пути нас били прикладами, ногами, кололи штыками...

Вдруг среди военных началась беготня. Им стало известно, что я сын Луиса Корвалана, Генерального секретаря Коммунистической партии Чили. Меня отвели в сторону и начали избивать особенно свирепо, мое лицо было залито кровью, силы почти покинули меня. Палачи кричали: «Этого мерзавца мы пристрелим тут

же!» — и продолжали избивать меня...

Потом офицер и солдаты отвели меня в небольшое помещение; там я увидел приспособления для пытки электричеством, резиновые дубинки и какие-то инструменты, похожие на медицинские. На меня заполнили еще одну карточку и отправили в камеру номер семь юго-западного сектора. Впоследствии я узнал, что в пометках, сделанных офицером на моей карточке, значилось следующее: «Располагает ценной информацией, в дальнейшем рекомендован расстрел». Такое решение было принято на основании того «преступления», что я — сын Луиса Корвалана...

12 октября 1974 года меня в очередной раз вызвали на допрос.

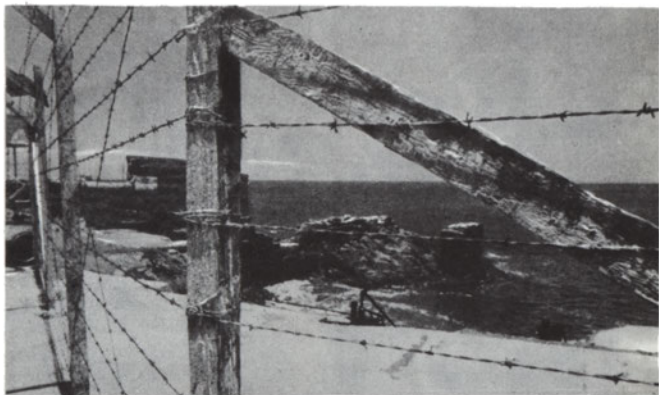
У входа в зал для допросов меня

встретили страшным ударом в живот. Не переставая избивать, заставили встать и бежать по залу с одеялом, которым еще раньше зачем-то обмотали голову, швыряли на каменную стену, потом со всех сторон навалились сразу несколько человек и избивали, угрожали расстрелом, грязно оскорбляли, заставляли держать руки над головой и в это время били чем-либо тяжелым в живот.

Потом меня раздели, надели на глаза эластичную повязку и опять били и угрожали, теперь уже и вопросов не задавали, просто били. Били беспощадно. Потом пытали электричеством, все время наращивая силу электрических разрядов... Я потерял сознание. Меня привели в чувство, обливая водой, и снова били. «Где твой отец? Где прячете оружие?..»

Чили сегодня:
страна-застенок.
Концлагерь
в Писагуа.

Г л а д и с М а р и н

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ Л. А. КОРВАЛАНА «БОЛЬ И НАДЕЖДА»

...Его звали Луис Альберто Корвалан Кастильо. Этот юноша вырос в семье, где все коммунисты, и с детства он чувствовал глубокую потребность бороться за счастье трудящихся в нашей стране.

В 1961 году он вступил в Союз Коммунистической молодежи Чили. Одновременно учился на агрономическом факультете. Как специалист по сельскому хозяйству занимал ответственные посты при народном правительстве, возглавляемом товарищем Сальвадором Альенде. Через несколько дней после кровавого военного переворота его арестовали. В фашист-

ских концлагерях Луиса подвергли самым зверским пыткам. В те же дни была арестована его жена Рут. Жизнь восьмимесячного сынишки Диего была спасена только благодаря солидарности простых людей, спрятавших его от фашистов...

Живя в Болгарии после освобождения из тюремных застенков, Луис Альберто учился и одновременно неустанно разоблачал перед всем миром преступления, совершаемые фашистами в Чили. Он писал книгу, чтобы его протест донесся до самых дальних уголков планеты. Жаль, что книга осталась незаконченной. Смерть

прервала его работу. Сердце оказалось слабее, чем его идеи патриота и коммуниста. Оно не выдержало стольких мук, стольких несчастий и бед.

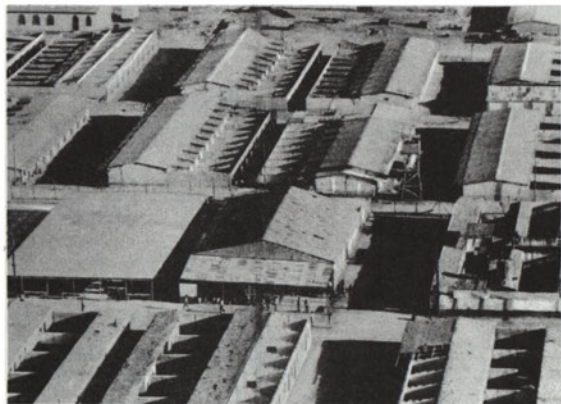
Его жизнь — это жизнь поколения, которое, мы можем сказать об этом с гордостью, сумело хорошо усвоить уроки борьбы чилийского рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии. Это поколение сумело понять огромное значение каждой из тысяч схваток трудящихся с эксплуататорами, схваток, сливающихся в революционный поток. Это поколение поняло решающее значение единства всего трудового народа в борьбе против общего врага — империализма.

Альберто представляет перед всем миром то поколение молодых чилийцев, которое научилось глубоко любить свою родину, но одновременно ясно увидело, что наша борьба неот-

делима от борьбы других народов. Отсюда глубокое восхищение и любовь нашей молодежи к родине Ленина и всем странам, идущим по пути социализма.

Луис Альберто представляет то молодое поколение латиноамериканцев, надежды которого росли вместе с победоносной Кубинской революцией, вместе с героической борьбой вьетнамского народа против американского империализма.

Луис Альберто — символ доблести сотен тысяч чилийских юношей, которые в 1970 году с революционной страстью влились в борьбу чилийского рабочего класса, чтобы установить в стране власть трудящихся. Он плоть от плоти людей, самые сокровенные надежды которых воплощало правительство Сальвадора Альенде, тех, кто отдавал все силы работе по преобразованию страны.

Под пятой
фашизма.

Лагерь для
политзаключенных
в Чакабуко.

Альберто — символ тысяч юношей, отдавших жизни борьбе за счастье людей. Но Альберто Корвалан — это и символ тех миллионов чилийцев, которые готовы продолжать борьбу и преодолеть все трудности. Тех, кто и в тюрьме не хочет терять время и даже из-за тюремной решетки борется за демократию в Чили.

Альберто — символ миллионов чилийских борцов, для которых главная задача — навсегда изгнать фашизм с нашей многострадальной земли. Тех, кто на фабриках, в шахтах, в деревнях, в школах ведут нелегкую борьбу против фашистской диктатуры Пиночета. Тех, кто, рискуя жизнью, распространяет листовки.

Альберто — символ чилийской молодежи, голос которой вливается в единый широкий поток антифашистской борьбы всего прогрессивного человечества.

Таков Луис Альберто Корвалан... Вся его жизнь была примером кристальной чистоты и верности чилийскому народу, нашему рабочему классу, Коммунистической партии Чили и Союзу Коммунистической молодежи.

Весь мир знает виновных в его смерти. Луис Альберто успел разоблачить своих палачей. Он писал: «Раны от ударов не зарубцевались, сердце истекает кровью...»

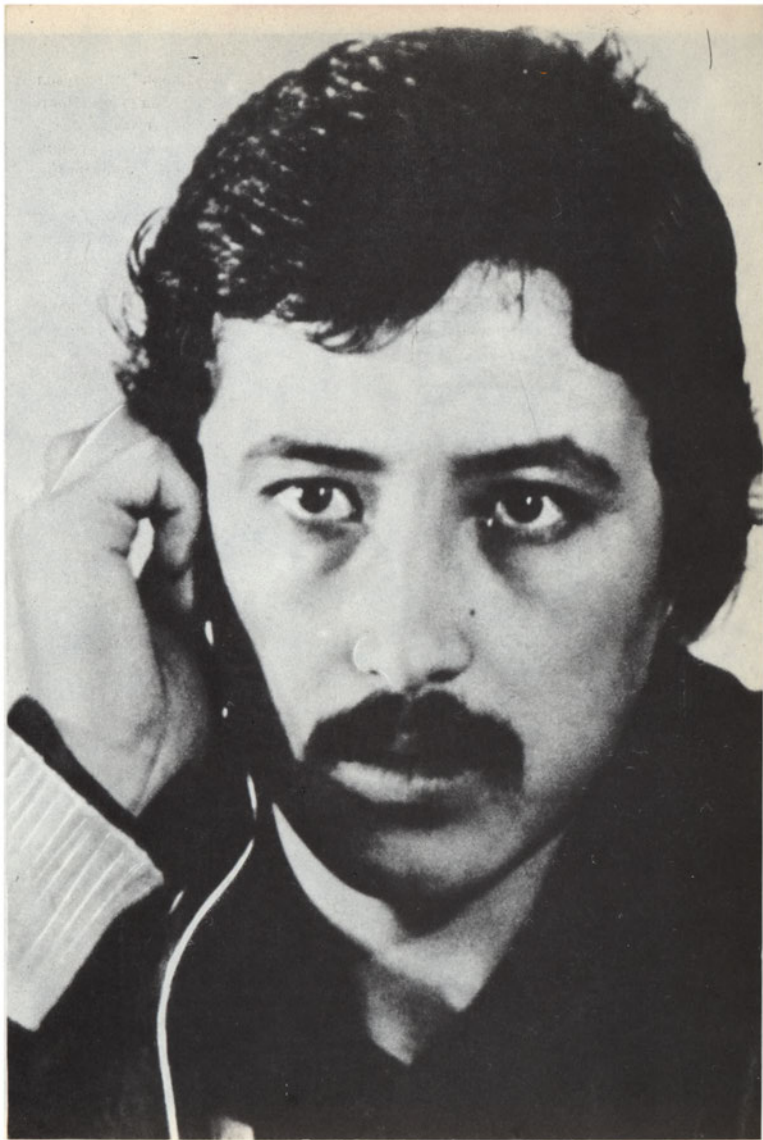
Его безвременная смерть — большое горе не только для чилийской молодежи, для нашего народа, но и для всего прогрессивного человечества. Мы должны удвоить усилия в борьбе за свободу родины, ведь этой борьбе Альберто отдал жизнь.

Мы знаем, все люди доброй воли солидарны с нашим народом. Поэтому мы полны того оптимизма, которым обладал даже в самые трудные минуты жизни Луис Альберто Корвалан.

Он умер, но продолжает оставаться рядом с нами, на линии огня. Смерть не заглушила его голос. Поэтому в день победы, когда чилийский народ вновь пройдет с красными флагами по широким дорогам своей земли, Альберто будет рядом с нами. Его героическая жизнь озарит новым, ярким светом свободы нашу прекрасную родину.

---

*Луис Альберто
Корвалан Кастильо.
Один из последних
снимков.*

**Борцы
за независимость
Африки**

Нигде нет легкого пути к свободе,
и многим из нас придется не раз
пройти долиной теней и смерти,
прежде чем мы достигнем сияющих
вершин наших устремлений.

Дж. Неру

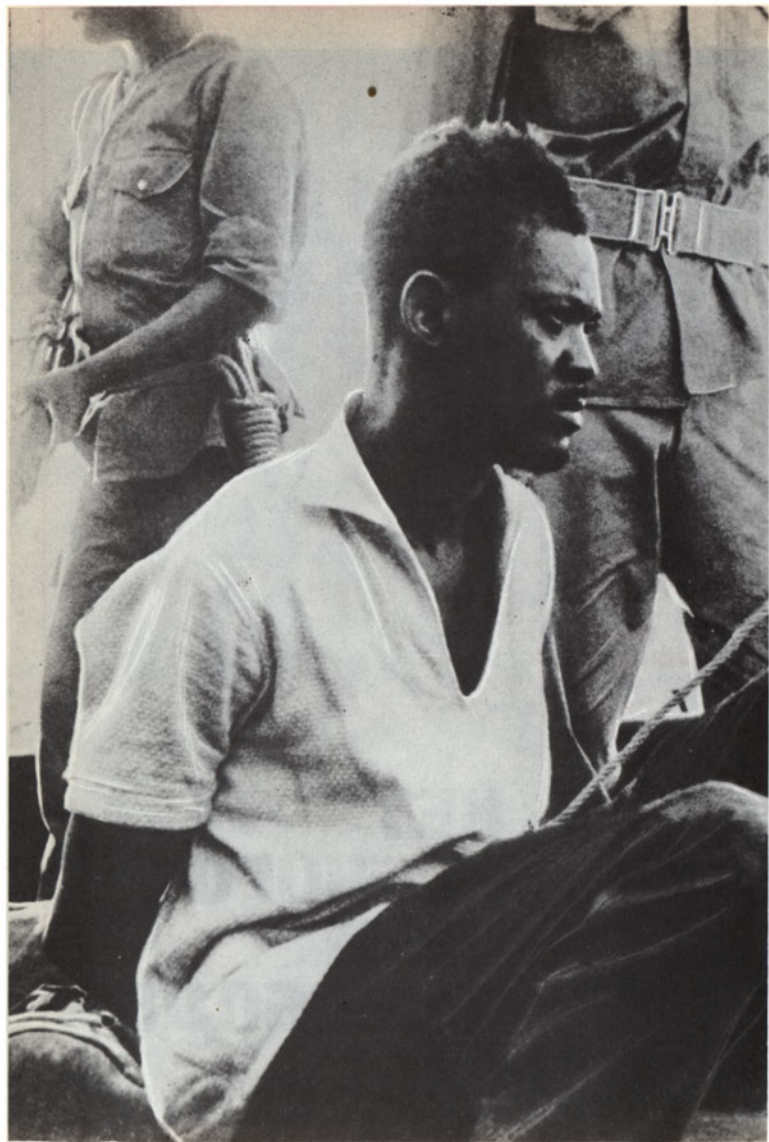
**Патрис
ЛУМУМБА**

**Эдуардо
МОНДЛАНЕ**

**Нельсон
МАНДЕЛА**

НЕТ ЛЕГКОГО ПУТИ К СВОБОДЕ

Патрис ЛУМУМБА

**Жестокости, издевательства и пытки никогда
не могли заставить меня просить пощады,
потому что я предпочитаю умереть с высоко
поднятой головой, с несокрушимой верой
и глубокой убежденностью
в счастливой судьбе нашей страны,
чем жить покорным и отрекшимся
от священных для меня принципов...**

ПАТРИС ЛУМУМБА

Патрис Лумумба — национальный герой Республики Заир (бывшая Республика Конго), вождь освободительной борьбы против бельгийского колониализма, премьер-министр первого правительства независимой Республики Конго.

Родился 2 июля 1925 года в деревне Оналуа (провинция Касаи) в крестьянской семье. После школы работал писарем, почтовым чиновником, служащим, короткое время учительствовал. Одновременно занимался литературной и журналистской деятельностью. Находясь в Стэнливиле, основал газету «Ухуру» («Свобода»), потом был директором еженедельника «Эндепанданс» («Независимость»).

В 1958 году основал партию Национальное движение Конго, выступившую за безоговорочное представление независимости Бельгийскому Конго, и был избран ее председателем.

Неоднократно подвергался репрессиям.

Участвовал в работе конференции «Круглого стола» в Брюсселе (январь — февраль 1960 года), которая приняла решение о предоставлении независимости Бельгийскому Конго.

В июне 1960 года П. Лумумба стал премьер-министром Республики Конго. Он выступал за независимое, демократическое развитие страны, за установление дружественных отношений со всеми странами, против колониализма и расизма.

В сентябре 1960 года силами реакции П. Лумумба был отстранен от государственной власти, арестован, перевезен в провинцию Катанга (ныне провинция Шаба) и злодейски убит в январе 1961 года.

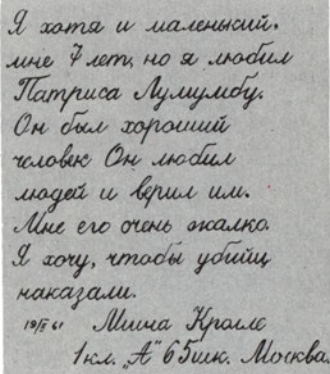
В 1961 году имя Патриса Лумумбы присвоено созданному в Москве Университету дружбы народов.

Стихи Лумумбы, его письма, статьи и речи полны гневного обличения врагов свободы народов Африки.

Патрис Лумумба — символ героической борьбы народов Африки за национальную независимость.

Н. Хохлов

Письмо маленького интернационалиста.

Я хотя и маленький,
мне 7 лет, но я люблю
Патриса Лумумбу.
Он был хороший
человек. Он любил
народ и верил им.
Мне его очень жалко.
Я хочу, чтобы убийц
наказали.
1975 г. Маша Крайне
1 кл. А 65 кл. Москва

Патрис Лумумба

МОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СЛУЖИТ НАРОДУ

(Выступление на церемонии провозглашения
независимости Конго 30 июня 1960 года)

Конголезцы и конголезки, борцы за независимость, добившиеся сегодня победы!

Я приветствую вас от имени конголезского правительства.

Я прошу всех вас, моих друзей, неустанно боровшихся в наших рядах, запомнить 30 июня 1960 года как выдающуюся дату, которая никогда не сотрется в вашей памяти, дату, о значении которой вы с гордостью расскажете вашим детям, чтобы они, в свою очередь, поведали своим внукам и правнукам о славной истории нашей борьбы за свободу.

...Ни один житель Конго никогда не забудет, что независимость завоевана нами в борьбе, в борьбе повседневной, упорной, трудной, в борьбе, где нас не останавливали ни лишения, ни страдания, ни огромные жертвы, ни кровь, пролитая нашим народом.

Эта борьба сопровождалась слезами, огнем и кровью. Мы глубоко гордимся нашей борьбой, так как это была справедливая и благородная борьба, необходимая для избавления от унижительного рабства, навязанного нам силой.

Такой была наша судьба на протяжении восьмидесяти лет колониального господства, и наши раны еще

слишком свежи и болезненны, чтобы мы могли забыть о них.

Мы познали рабский труд. За него нам платили деньги, на которые невозможно ни утолить голод, ни одеваться, ни иметь здоровое жилище, ни растить наших детей.

С утра до ночи мы терпели насмешки, оскорбления, угрозы, потому что мы были черными. Кто забудет, что черному говорили «ты» не как другу, а потому что вежливое «вы» было сохранено только для белых?

Мы видели, как захватывались наши земли именем якобы справедливых законов, которые признавали лишь право сильного.

Мы помним, что закон никогда не был одинаков для белых и черных, он был снисходителен к одним, жесток и бесчеловечен к другим.

Мы испытывали страшные страдания, когда нас высылали за политические убеждения или религиозные верования, изгоняли из родной страны, расставание с которой было горше смерти.

Мы помним, что в городах великолепные дома предназначались для белых, а развалившиеся хижинки — для черных, что черного не пускали в кинотеатры, рестораны и магазины, которые именовались «европейски-

ми»; что на пароходах черные могли претендовать лишь на место для скота, там, внизу, под ногами белых, путешествовавших в роскошных каютах.

Кто может, наконец, забыть казни и расстрелы наших братьев по борьбе или тюремные карцеры, куда безжалостно бросали тех, кто больше не хотел подчиняться режиму бесправия, угнетения и эксплуатации, который использовался колонизаторами как орудие своего господства?..

Мои братья, все это принесло нам неисчислимые страдания.

Но мы, избранные вашими представителями, представителями народа, чтобы руководить нашей родиной, мы, так страдавшие телом и духом от колониального гнета, говорим вам, что со всем этим отныне покончено.

Республика Конго провозглашена, и теперь судьба нашей дорогой родины в руках ее народа.

Мои братья, давайте же сплотимся и начнем новую борьбу, борьбу за великие цели, борьбу ради завоевания мира, благосостояния и величия.

Все вместе мы создадим социальную справедливость и сделаем так, чтобы каждый был справедливо вознагражден за свой труд.

Мы покажем миру, что может сделать черный человек, когда он трудится в свободной стране, и мы превратим Конго в гордость всей Африки.

Мы позаботимся о том, чтобы земли нашей родины по-настоящему служили ее детям.

Мы пересмотрим все ранее принятые законы и переделаем их так, что-

бы они были справедливыми и благородными.

Мы положим конец гонениям на свободную мысль. И сделаем так, чтобы все граждане в полной мере пользовались основными свободами, предусмотренными Декларацией прав человека.

Мы вырвем с корнем любую дискриминацию, какова бы ни была ее природа, и обеспечим каждому человеку то место под солнцем, право на которое по справедливости дают ему его человеческое достоинство, его труд и преданность родине...

Завоевание независимости Конго является решающей вехой на пути освобождения всего Африканского континента.

Наше единое национальное и народное правительство будет служить родине.

Я призываю всех конголезских граждан, мужчин, женщин и детей, решительно взяться за работу в целях создания национальной экономики и обеспечения нашей экономической независимости.

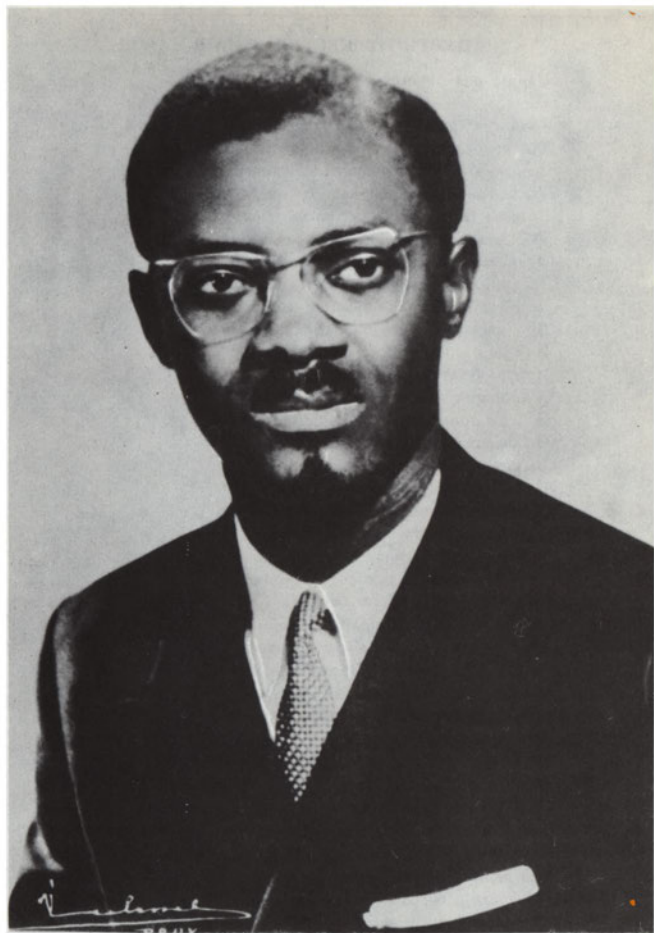
Вечная слава борцам за национальную свободу!

Да здравствует независимость и африканское единство!

Да здравствует независимое и суверенное Конго!

Патрис Лумумба —
премьер-министр
республики Конго.
1960 г.

ПУСТЬ ТОРЖЕСТВУЕТ НАШ НАРОД

Плачь, мой любимый черный брат,
  в тысячелетях скотской ночи!
Твой прах развеян по земле самумами и ураганом.
Ты, некогда воздвигший пирамиды
Для всех своих державных палачей,
Ты, загнанный в облавах, ты, разбитый
Во всех боях, где сила торжествует,
Ты, затвердивший в школе вековой
Один лишь лозунг: «Рабство или смерть»,
Ты, прятавшийся в джунглях безысходных,
Встречавший молча тысячи смертей
Под маскою болотной лихорадки,
Иль под клыкастой маской зверя,
Или в объятьях топкого болота,
Душивших постепенно, как удав...
И день пришел, когда явился белый,
Он был хитрей и злее всех смертей,
Выменивал он золото твое
На зеркальца, на бусы — безделушки.
Насиловал твоих сестер и жен,
И спаивал твоих сынов и братьев,
И в тюрьмы загонял твоих детей.
Тогда гремел тамтам по деревням
И люди узнавали, что отчалил
Чужой корабль к далеким берегам,
Туда, где хлопок — бог, а доллар — царь.
Приговоренный к каторге бессрочной,
Работавший, как вьючная скотина,
Весь день-деньской под беспощадным солнцем,
Ты был обучен славить в песнопеньях
Их господа и был распят под гимны,
Сулившие блаженство в лучшем мире.
И только одного просил у них —
Позволить жить тебе, позволить жить.
И у огня в тревоге, в смутных грезах
Ты изливался в жалобных напевах,
Простых и бессловесных, как тоска.
Случалось, ты и веселился даже,
И вне себя в избытке сил плясал.
И все великолепье возмужанья,

Все сладострастье юное звучало
На медных струнах, в бубнах огневых,
И этой мощной музыки начало
Из ритма джаза выросло, как вихрь,
И громко заявило белым людям,
Что им принадлежит не вся планета.
Ты, музыка, позволила и нам
Поднять лицо и заглянуть в глаза
Грядущему освобожденью расы.
Пусть берега широких рек, несущих
В грядущее свои живые волны,
Твоими будут!
Пусть жаркое полуденное солнце
Сожжет твою печаль!
Пусть испарятся в солнечных лучах
Те слезы, что твой прадед проливал,
Замученный на этих скорбных нивах!
Пусть наш народ, свободный и счастливый,
Живет и торжествует в нашем Конго,
Здесь, в самом сердце Африки великой!

СЕРДЦЕ АФРИКИ

Африканец! Ты жил во мраке,
словно зверь в западне бездонной,
и столетья, словно капканы,
жадно сдавливали тебя.
Для своих палачей ты строил
золотые дворцы, где стены
полированы были кровью,
бессловесной кровью твоей.
Ты лежал на земле, как пепел
догоревшей дотла надежды,
и не смел к тебе прикоснуться
добрый ветер родных лесов.
И прохладные ночи плыли,
обдавая тебя печалью,
и слетались черные птицы
пировать над телом твоим.

Хуже змей, чьи липкие зубы
до краев наполнены ядом,

хуже их, в сто тысяч раз хуже
наши белые господа.
У тебя отбирали землю,
у тебя жену уводили,
у тебя вырывали сердце, —
получай взамен кандалы!

Сыновья мои! Вы плывите
через море в клетках железных
на продажу в чужие страны...
Вы рабы — дорогой товар.
Вы рабы — вашу честь и гордость,
ваше счастье, вашу свободу,
как барыш, упрятал плантатор
в толстый кожаный кошелек...

Сквозь туман над долиной Конго,
через горные перевалы,
через джунгли, полные тайны,
прорывается луч зари.
Вся земля: голубые горы,
говорливые водопады,
баобабы — мудрые старцы —
видит утро новых времен.

Слушай грохот старинной меди,
напряженную дробь тамтама,
слушай песню нашего гнева,
песню мужества и любви!
Эта музыка в нас вселяет
силу, рвущую цепи рабства,
и грядущего чистый облик
проникает в наши сердца.
Мы тела подставляем солнцу,
и оно потоками света
с них смывает пятна страданий,
рабства горестные следы.

День настал. Об этом мечтали
наши предки ночами пыток.
От горячих лучей свободы
испаряется море слез.

Встань, мой брат! Ты увидишь Конго —
Конго, сердце Африки черной,
молодую родину нашу
неподвластной чужим рукам!

ИЗ ИНТЕРВЬЮ 22 ИЮЛЯ 1960 г.

В о п р о с.

Некоторые из ваших политических противников обвиняют вас в приверженности к коммунизму. Что вы скажете об этом?

О т в е т.

Это пропагандистский лозунг, брошенный в мой адрес. Я не коммунист... Колонизаторы по всей стране вели кампании против меня лишь потому, что я революционер, что я выступаю за ликвидацию колониального режима, не считавшегося с нашим человеческим достоинством. Они считают меня коммунистом потому, что я не позволил империалистам подкупить себя.

Я ОСТАЮСЬ СПОКОЙНЫМ...

(Письмо специальному представителю
Генерального секретаря Организации
Объединенных Наций.
Написано тайно)

Тисвиль, 4 января 1961 года

Господин специальный представитель!

Я с удовлетворением отмечаю нанесенный 27 декабря прошлого года визит Красного Креста, который занялся моей судьбой, а также судьбой

других парламентариев, находящихся вместе со мной в тюрьме. Я рассказал о нечеловеческих условиях, в которых мы живем.

Вкратце наше положение таково. Я нахожусь здесь вместе с семью дру-

гими парламентариями. Среди нас председатель сената Окито, служащий сената и шофер. Нас заперли в сырых камерах со 2 декабря 1960 года. Ни разу нам не позволили выйти. Обед, который нам приносят два раза в день, очень плохой. В течение трех-четырех дней я вообще ничего не ел, удовлетворяясь только бананом. Я поставил в известность об этом врача из Красного Креста, направленного ко мне. Я сделал это в присутствии полковника из Тисвиля. Я потребовал, чтобы мне купили на мои деньги фруктов, так как та пища, которую здесь дают, плохая. И хотя врач дал на это разрешение, военные власти отказали мне в этом. Они сказали, что исполняют приказ, полученный от главы государства. Тюремный врач предписал мне небольшую прогулку каждый вечер, с тем чтобы я мог хотя бы ненадолго выходить из камеры. Но полковник и районный комиссар отказали мне в этом. Моя одежда не стиралась в течение тридцати пяти дней. Мне запрещают носить обувь. Одним словом, мы живем в совершенно неприемлемых условиях...

Более того, я не получаю вестей от моей жены, и я даже не знаю, где она находится. Я мог бы регулярно видеться с нею, как это предусмотрено законодательством Конго. К тому же по законам Конго заключенный должен предстать перед следователем, который занимается его делом, самое позднее на следующий день после его ареста. Спустя еще пять дней должен быть решен вопрос о целесообразности продления срока предварительного заключения. Если это решение

не принято, арестованного освобождают...

С момента нашего ареста 1 декабря и до сих пор нас ни разу не вызывали к следователю и ни разу следователь не посетил нас. Нам не был предъявлен ордер на арест. Нас держат в заключении уже тридцать четыре дня.

Закон о тюремном содержании не соблюдается. Не соблюдается также и тюремный режим. В случае с нашим арестом речь идет о подлинном беззаконии, а ведь все мы пользуемся парламентской неприкосновенностью.

Таково положение, и я прошу сообщить Вас о нем Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, которую мы благодарим за вмешательство в нашу пользу...

Я остаюсь спокойным и надеюсь, что Объединенные Нации помогут нам выйти из этого положения...

Я пишу Вам это письмо тайно, на плохой бумаге.

Примите и пр.

Патрис Лумумба,
премьер-министр

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ЖЕНЕ ПОЛИН

Моя дорогая жена, я пишу тебе эти слова, не зная, дойдут ли они до тебя когда-нибудь и когда дойдут и буду ли я в живых, когда ты их прочтешь. В течение всей моей борьбы за независимость нашей страны я никогда не сомневался в победе нашего священного дела, которому я и мои товарищи посвятили всю нашу жизнь...

Я знаю и чувствую в глубине души, что рано или поздно мой народ избавится от своих внутренних и внешних врагов, что он поднимется, как один человек, чтобы сказать «нет!» колониализму, наглому, умирающему колониализму, чтобы отвоевать свое достоинство на чистой земле.

Мы не одиноки. Африка, Азия, свободные и освобождающиеся народы во всех уголках мира всегда будут рядом с миллионами конголезцев, которые не прекратят борьбы до тех пор, пока в нашей стране останется хоть один колонизатор или его наемник.

Моим сыновьям, которых я оставляю и, быть может, не увижу никогда, я хочу сказать, что будущее Конго прекрасно и что я жду от них, как и от каждого конголезца, выполнения священной задачи восстановления нашей независимости, потому что без достоинства нет свободы, без справедливости нет достоинства и без независимости нет свободных людей.

Жестокости, издевательства и пытки никогда не могли заставить меня просить пощады, потому что я предпочитаю умереть с высоко поднятой головой, с несокрушимой верой и глубокой убежденностью в счастливой судьбе нашей страны, чем жить покорным и отрекшимся от священных для меня принципов...

Не оплакивай меня, жена моя... Я знаю, моя многострадальная страна сумеет отстоять свою свободу и независимость.

Да здравствует Конго!

Да здравствует Африка!

Патрис Лумумба
Тисивильская тюрьма

Юрий Жуков

ТАКИМ БЫЛ ЛУМУМБА

Мне вспоминается сейчас страшный вечер, о котором в моем дневнике сохранилась такая запись: «Я пишу эти строки ночью. Безумолчно стучат, торопяся обогнать время, телеграфы, змеятся желтоватые ленты телеграфных свитков, испещренные мелкими буквами, — в эфире бушует невероятный шторм: весь мир возмущен злодейским убийством Патриса Лумумбы.

Но вот одна циничная в своем лакизме депеша:

«Нью-Йорк, Ассошиэйтед Пресс. Из Элизабетвилля сообщают, что тело убитого Лумумбы было сожжено. Пилот Диксон, который доставлял пленного Лумумбу в Элизабетвиль, рассказал в беседе с корреспондентами: «Они вырывали у него пряди волос из головы и пытались заставить его есть их...»

«Они вырывали у него пряди волос из головы и пытались заставить его есть их...» Не знаю, кто этот пилот с англосаксонской фамилией, но в его хладнокровном, без тени человеческой эмоции, описании пытки человека, которого он вез на смерть, есть что-то напоминающее документы из эсэсовских архивов.

А я смотрю на этот неровно оборванный лист телеграммы и вспоминаю гордое и сильное лицо большого человека, которого палачи не смогли

сломить никакими пытками и который даже после смерти настолько страшил их, что они поспешили сжечь его тело и рассеять пепел».

Я перечитал сегодня эту запись, и мне захотелось рассказать о встречах с этим интереснейшим человеком.

Я приехал в Конго в те дни, когда там открывалась конференция руководителей стран Африки. Шел 1960 год — памятный людям моего поколения год, когда Африка была подобна грозному вулкану в период извержения. Один за другим африканские народы завоевывали национальное освобождение, свергая вековое колониальное иго.

Конференцию открыл премьер-министр молодой Республики Конго Патрис Лумумба. На следующий день газета «Конго», в заголовке которой значилось: «Первая в Конго ежедневная газета, принадлежащая африканцам», опубликовала смелую и взволнованную речь Патриса Лумумбы.

— Ваше присутствие здесь, — обращался П. Лумумба к делегатам африканских стран, — служит для моего правительства, для всех нас, конголезцев, самым живым доказательством той африканской солидарности, реальность которой ваши враги всегда отрицали. Африка жива и здравствует! Весь мир теперь знает,

что Алжир — не французский, Ангола — не португальская, Кения — не английская, Руанда-Урунди — не бельгийская. Мы хорошо знаем колониальные цели Запада. Совсем недавно империалисты раскалывали нас на уровне племен и народностей. Сегодня, когда Африка неустойчиво освобождается, они хотят нас разделить на уровне государств. Они хотят создать в Африке антагонистические блоки, усилить раскол и сохранить над Африкой вечную опеку. Но я верю, что Африка хочет единства и добьется этого единства.

Вечером премьер-министр дал ужин в честь делегатов Всеафриканской конференции. Туда был приглашен и весь дипломатический корпус, были приглашены и иностранные гости, находившиеся в Леопольдвиле (ныне этот город называется Киншаса, он является столицей Республики Заир). В освещенном прожекторами тенистом саду на берегу могучей африканской реки играл военный оркестр. Одна за другой подкатывали автомашины, из которых выходили одетые в свои живописные национальные костюмы посланцы африканских стран. Здесь же были послы европейских стран в смокингах и фраках. Некоторые из них изо всех сил старались изобразить на своих лицах любезность, но это им не всегда удавалось.

Гостей встречал премьер-министр Республики Конго Патрис Лумумба, высокий, стройный человек лет тридцати пяти. Его энергичное, одухотворенное лицо сразу запоминалось. Проницательные, горящие огнем карие глаза, в которых отражались глу-

бокая убежденность в правоте своего дела и душевное благородство, как бы заглядывали в душу собеседника.

На этом ужине Патрис Лумумба выступал страстно, как прирожденный оратор. Он говорил о необратимости охватившего сейчас всю Африку движения за свободу и национальную независимость. Он выразил уверенность: с колониальной системой будет покончено раз и навсегда. Он призывал представителей западных держав проявить трезвое понимание реальности и приступить к сотрудничеству с Республикой Конго как с независимым партнером.

Гости из стран Западной Европы вежливо улыбались, но по их лицам было видно, что они далеки от согласия с премьер-министром.

Наутро мы пришли в резиденцию Патриса Лумумбы — небольшой дом на берегу реки Конго, по которой плыли зеленые островки плавучих растений. За утопающей в цветах оградой звучали веселые детские голоса: по перилам с крылечка скатывались курчавые ребятишки — дети Патриса Лумумбы; они с любопытством и гордостью поглядывали на застывших, словно изваяния, часовых в касках и с автоматами — все еще не могли привыкнуть к их присутствию на пороге дома.

В небольшой гостиной мы увидели много людей, добивавшихся приема у премьера. Они находились здесь уже давно. Усталый секретарь тчетно уговаривал их пойти к министрам, которые вполне могли бы решить интересующие их вопросы, — нет, все хотели встретиться только с самим премьером, с Патрисом Лумумбой:

и торговец, которому надо было получить патент на торговлю, и чиновник, хлопотавший о переводе в другой город, и учитель, добивавшийся повышения оклада. Чувствовалось, что у государственного аппарата молодого независимого государства еще не хватает опыта, и потому уйма мелких забот отвлекает премьера от больших государственных дел.

Увидев нас, Патрис Лумумба пошел нам навстречу, усадил нас, а сам сел рядом на старенький диван, и беседа началась. Правда, и теперь ее нарушали частые телефонные звонки: от премьер-министра требовали немедленного решения огромного количества самых различных дел.

Пока Лумумба разговаривал по телефону, мы рассматривали его скромно обставленный кабинет. На полке лежал под рукой автомат. Здесь же стояла переносная радиостанция. С тех пор как были раскрыты один за другим два антиправительственных заговора, премьер-министр был вынужден принять некоторые меры предосторожности.

На лице Патриса Лумумбы лежала печать огромной усталости, хотя глаза по-прежнему горели неукротимой силой. Прошлой ночью он совсем не спал: дел — огромное количество. В конце дня ему предстояло лететь в Стэнливилль: он хочет встретить советские самолеты с продоволь-

Патрис Лумумба
с сыном.

ствием. Одновременно Лумумба направял двух членов своего правительства в порт Матади. Там нужно было принять прибывающие пароходам советские грузовики.

— Эта помощь — драгоценное свидетельство дружественных чувств вашего народа к нам, — взволнованно говорил Патрис Лумумба. — Я очень прошу передать советским людям, что мы никогда не забудем о том, что сделали они для нас в эти трудные дни...

С огромной заинтересованностью П. Лумумба расспрашивал о результатах наших бесед с министром просвещения Республики Конго. Он мечтал об установлении его родиной глубоких культурных связей с Советским Союзом.

Премьер-министр сказал нам, что одной из главных задач своего правительства он считает преодоление экономической отсталости родной страны, единственная причина которой — власть колониализма. С болью и гневом говорил Лумумба о колониальной эксплуатации его родины. Колонизаторы выкачали миллиарды долларов из недр Конго, богатых золотом, алмазами, ураном, медью, углем. А что дали они умирающему от голода народу? За время господства колонизаторов население страны сократилось более чем в два раза. Народ погибал от голода и болезней. Люди были нищи, неграмотны.

— Сейчас, — сказал он, — конголезскому народу так нужна помощь. От кого ее ждать? — Лумумба горько усмехнулся и развел руками. И вдруг в его глазах мелькнула грозная искра: — Ничего!.. Может быть, это

дорого, даже очень дорого нам обойдется, но мы воспримем и этот урок. Он пойдет нам на пользу. Народ поймет, где наши друзья, а где враги. Мы готовы сотрудничать со всеми странами, вчера на конференции я сказал об этом достаточно ясно. Но мы против национального гнета и эксплуатации. Не затем мы свергли бельгийское иго, чтобы снова надеть на себя ярмо зависимости. И как бы дальше ни развивались события — пусть даже неблагоприятно для нас, — это будет полезно для Африки, она сейчас смотрит на нас, и то, что здесь происходит, станет для нее университетом борьбы...

На всю жизнь сохранится в моей памяти облик этого бесстрашного и сильного человека, его выразительное лицо с небольшой черной как смоль бородкой, его большие, глубоко человеческие, искрящиеся глаза, его порывистые жесты, его легкая, стремительная походка, его своеобразная манера говорить — четкими, чеканными фразами, отражающими глубокую внутреннюю убежденность в правоте каждого своего слова.

Это был поистине незаурядный человек. Да, его талант и воля были способны осуществить самые грандиозные замыслы.

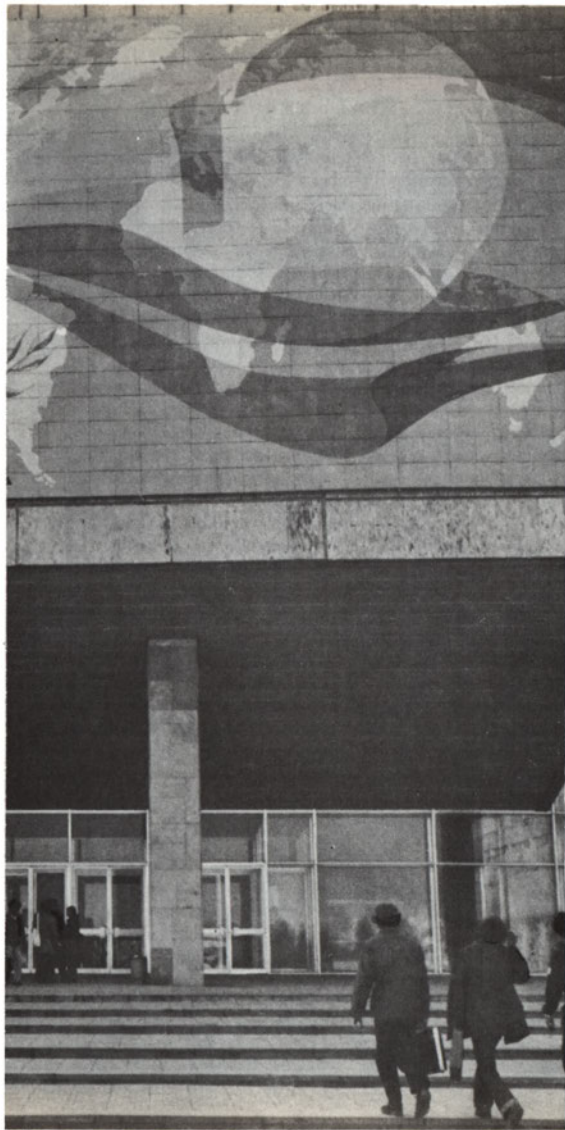
Враги боялись Лумумбы живого, боялись его и мертвого. Таков был этот человек — в строю своего народа, продолжающего борьбу за свободу, он остался и после смерти, остался навсегда!

**УНИВЕРСИТЕТ
ДРУЖБЫ
НАРОДОВ
ИМЕНИ
ПАТРИСА
ЛУМУМБЫ**

Москва.
Университет
дружбы народов
имени Патриса
Лумумбы.

Популярность Патриса Лумумбы в конголезском народе была столь велика, что бельгийским колониальным властям приходилось считаться с этим.

Как-то раз бельгийский король, приехав в Конго, долго беседовал с П. Лумумбой. Лумумбе обещали высокий пост, сулили безмятежную жизнь, но он остался верен своим политическим убеждениям и с неутомимой энергией продолжал отстаивать права поработанного конголезского народа.

Когда в январе 1960 года в Брюсселе открылась конференция «Круглого стола», чтобы решить вопрос о предоставлении Конго независимости, организаторы конференции постарались сделать так, чтобы имя Патриса Лумумбы даже не упоминалось там.

Однако конференция прошла совсем не так, как планировали в Брюсселе. Сопратники П. Лумумбы потребовали, чтобы Патрис Лумумба — глава партии Национальное движение Конго — был привлечен к участию в работе конференции.

— Если Лумумбы не будет здесь, мы покидаем Брюссель, — заявили конголезские патриоты.

В это время П. Лумумба находился в тюрьме. Бельгийским колониальным властям пришлось немедленно освободить его и на самолете доставить в Брюссель. Когда Лумум-

ба вошел в зал, где проходила конференция, все увидели, что у него на руках краснели кровоподтеки от кандалов: с рук Патриса их сняли всего несколько часов назад...

Живя в Леопольдвиле, я, как и другие советские журналисты, много раз встречался с Патрисом Лумумбой, бывал в его резиденции, принимал участие в пресс-конференциях премьер-министра Республики Конго.

Обстановка, в которой приходилось ему работать, была исключительно тяжелой: пустовала казна, не было национальной армии, не было крепкого государственного аппарата, не было даже надежного транспорта. Премьер-министр был лишен возможности разъезжать по городам страны, чтобы выступить перед народом.

— Встречаюсь с одними представителями западных стран, — не раз признавался Лумумба. — Приходится говорить по-французски. А хочется порассуждать на родном лингала, встретиться с крестьянами...

Да, со своим народом он говорил на лингала. Какие это были волнующие сцены! Когда он однажды прилетел в Стэнливилль, ему навстречу вышли десятки тысяч горожан и жителей окрестных деревень. Люди скандировали:

— Конго! Лумумба!

Я видел П. Лумумбу в самых раз-

личных ситуациях. Оптимизм никогда, ни на единое мгновение не покидал его, хотя обстановка в стране была чрезвычайно напряженной, нервной, переменчивой. Стоило Лумумбе подняться на трибуну, как толпа замирала, ожидая, что же скажет он, признанный лидер только что обретшего независимость Конго. Он не принадлежал к ораторам, у которых в речах то и дело фигурируют «с одной стороны», «с другой стороны», то есть половинчатость, неопределенность, политическая непрожеванность. Он всегда находил четкие, ясные, понятные даже неграмотным слушателям определения.

— Нам советуют, — говорил он на одном из митингов в Стэнливиле, — помягче относиться к колонизаторам, не раздражать их резкой критикой. Представьте, вы у реки, кишмя кишашей крокодилами. Вам никогда не приходила в голову мысль о том, чтобы приручить крокодила, приласкать его?

Тысячи людей неистово аплодировали, понимая, что стоит за шуткой талантливого оратора.

— Вот так поступает и наше правительство, — закончил Лумумба. — С хищниками нельзя дружить. Протянешь им из доверчивости руку, а потом думай, где же взять новую, чтобы держать ложку...

В ответ — всепонимающий смех и полное согласие.

В Стэнливиле я убедился в истине: чтобы вызвать улыбку и расположение конголезца, надо приветствовать его одним словом — Лумумба!

К жизни Советской страны Лумумба проявлял особенный интерес. Он

охотно встречался с советскими людьми, беседовал с ними.

— Советский Союз был единственной великой державой, чья позиция отвечала воле и желаниям нашего народа. Поэтому Советский Союз оказался единственной из великих держав, которая с самого начала поддерживала народ Конго в его борьбе. Я хочу передать огромную благодарность всего конголезского народа советскому народу за ту своевременную большую моральную поддержку, которую ваша страна оказала молодой Республике Конго в ее борьбе против империалистов и колонизаторов...

Такая оценка политики Советского правительства, направленной на бескорыстную поддержку борющегося народа Конго, дала повод силам реакции для обвинения Лумумбы в причастности... к коммунизму!

Не верится, что во второй половине двадцатого столетия могло произойти то, что произошло с Патрисом Лумумбой.

Вдумайся, дорогой читатель! Заочно избранный премьер-министр молодой африканской республики был злодейски убит. Убит теми, кто в его государственной деятельности увидел приговор колониализму.

В последний раз Патриса Лумумбу и его боевых друзей иностранные журналисты видели на аэродроме Элизабетвиля 17 января 1961 года. Лумумба и его соратники были жестоко избиты, окровавлены, с завязанными глазами...

Ярослав Смеляков

ПАТРИС ЛУМУМБА

Между кладбищенских голых ветвей
нету, Лумумба, могилы твоей.

Нету надгробий и каменных плит
там, где твой прах потаенно зарыт.
Нету над ним ни звезды, ни креста,
ни сопредельного даже куста.

Даже дощечки какой-нибудь нет
с надписью, сделанной карандашом,
что на дорогах потерь и побед
ставят солдаты над павшим бойцом.

Житель огромной январской страны,
у твоего я не грелся огня,
но ощущение какой-то вины
не оставляет все время меня.

То позабудется между всего,
то вдруг опять просквозится во сне,
словно я бросил мальчишку того,
что по дороге доверился мне.

Поздно окно мое ночью горит,
дым табака наполняет жилье.
Где-то там, в джунглях далеких, лежит
сын мой Лумумба — горе мое.

1966

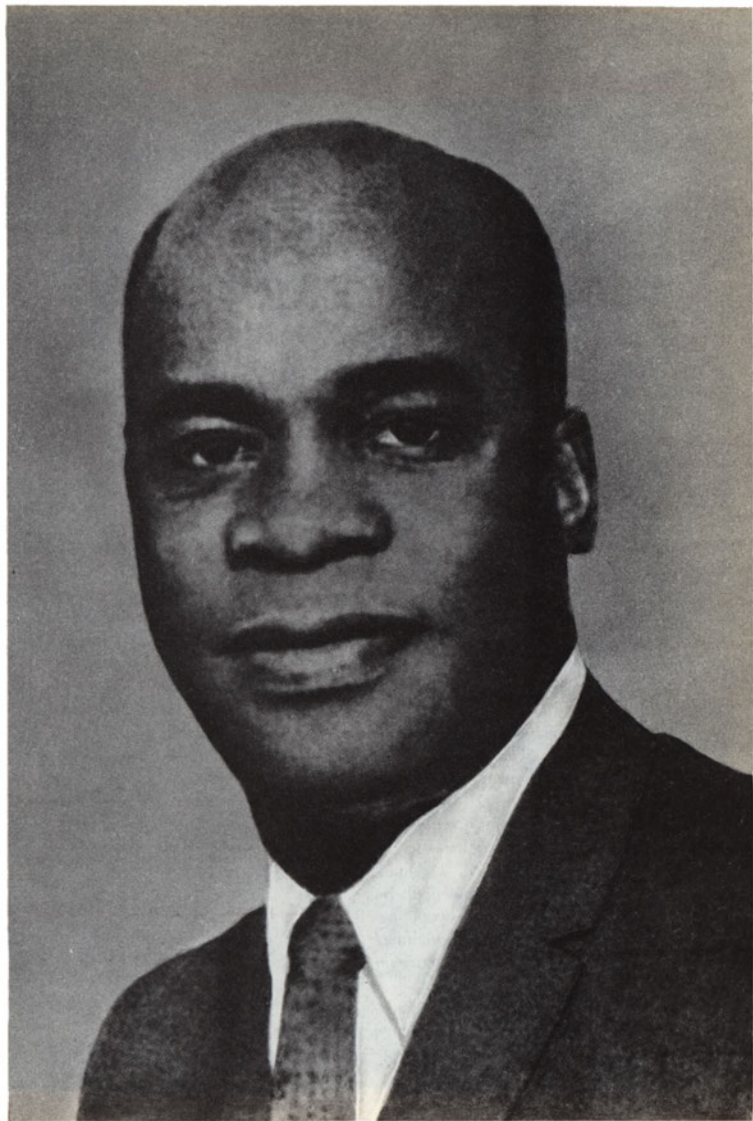
У скульптурного
портрета
Патриса Лумумбы
в Университете
дружбы народов
имени Патриса
Лумумбы.

Эдуардо МОНДЛАНЕ

**Я рассматриваю национально-освободительное
движение в Африке, в частности на
португальских колониальных территориях,
как продолжение всемирно-исторического
процесса за освобождение ранее угнетенных
народов, начатого в России в октябре 1917 года.**

ЭДУАРДО МОНДЛАНЕ

Эдуардо Мондлане — выдающийся лидер национально-освободительного движения в Мозамбике против португальских колонизаторов.

Родился 20 июня 1920 года в южном Мозамбике, в районе Газа, в семье местного вождя, рано скончавшегося.

В 1931 году поступил в правительственную школу в городе Манджаке, потом продолжал учебу в миссионерской школе.

Благодаря блестящим способностям Э. Мондлане удалось в 1948 году поступить в Витватерсрандский университет в Йоханнесбурге. Однако южноафриканские власти на следующий год отменили разрешение на пребывание Мондлане в Южно-Африканской Республике в качестве иностранного студента.

Политическую деятельность начал в 1949 году, создав Объединение учащихся Мозамбика, которое впоследствии было запрещено португальскими колониальными властями.

Высшее образование Э. Мондлане получил в Лиссабонском университете, затем в США, где занимался исследованиями в области социологии в Гарвардском университете.

С 1957 по 1961 год Э. Мондлане работал в Организации Объединенных Наций в качестве научного сотрудника.

25 июня 1962 года Эдуардо Мондлане провозгласил создание Фронта

освобождения Мозамбика — Фрелимо, Председателем которого он был избран. В сентябре того же года состоялся первый съезд Фрелимо, на котором с докладом выступил Э. Мондлане.

В сентябре 1964 года Э. Мондлане объявил о том, что под руководством Фрелимо мозамбикские патриоты начали вооруженную борьбу на территории своей родины за освобождение ее от власти португальских колонизаторов, национальную независимость Мозамбика и установление демократического строя в стране.

Фронт освобождения Мозамбика был признан Организацией африканского единства в качестве единственной политической партии, представляющей сражающийся за национальную независимость Мозамбик.

Эдуардо Мондлане обладал большой личной храбростью. Не раз он с риском для жизни пробирался к партизанам, действовавшим в глубоком тылу португальских карателей.

Третьего февраля 1969 года Эдуардо Мондлане был убит в Дар-эс-Саламе агентами колониальных сил.

Н. Хохлов

ГОВОРIT ЭДУАРДО МОНДЛАНЕ...

Для меня Великая Октябрьская социалистическая революция означает прежде всего начало новой эры в социальном развитии человеческого общества. Она положила начало коренным изменениям в социально-экономической системе, при которой незначительное меньшинство населения имело все права, а преобладающее и угнетаемое большинство не имело никаких прав и существовало лишь для полного материального обеспечения жалкой кучки «избранных».

После ленинского Октября учение о равноправии всех народов, населяющих нашу планету, стало хрестоматийной истиной для всех борцов за свободу, равенство и братство. Многие мыслители прошлого видели уродливые стороны старого, капиталистического общества, критиковали его пороки. Однако только В. И. Ле-

нин с необычайной революционной смелостью и прозорливостью принял за разрешение исторических задач, перевел их из сферы теории в повседневную практику, провозгласив социализм как политическую действительность.

Я рассматриваю национально-освободительное движение в Африке, в частности на португальских колониальных территориях, как продолжение всемирно-исторического процесса за освобождение ранее угнетенных народов, начатого в России в октябре 1917 года.

(Из интервью корреспонденту «Известий»)

25 сентября 1964 года мы провели серию военных операций, организовав наступление прежде всего на военные посты португальских карателей, а также на административные

**Африка
пробуждается.**

центры в районе Кабу-Делгаду. Откровенно говоря, мы не ожидали такого успеха на полях сражений. Замечу, кстати, что до этого времени в западной проколонизальной прессе немало писалось о «слабости» мозамбикских партизан, об их якобы неспособности противостоять сравнительно сильной португальской армии.

Через месяц после открытия фронта вооруженной борьбы мы смогли распространить военные действия на несколько провинций. Мы брали в плен панически настроенных, совершенно растерянных португальских офицеров, которые вместе со своим командованием никак не ожидали от нас такой активности и организованности. Выходит, не зря мы с такой тщательностью готовили первые отряды бойцов в лагерях!

Наша тактика, сводящаяся к нанесению ударов в нескольких районах, вынудила португальское командование распылять свои резервы, устраивать гонки за нашими партизанами, которые, естественно, после молниеносного удара скрывались в безопасных местах. На военном совете мы уже тогда пришли к заключению, что португальская армия не в состоянии мобилизовать свои силы для проведения активных наступательных операций против наших партизан. Так и произошло в действительности. Мы навязывали бои португальским карательным отрядам, а не они нам.

(Из выступления по национальному радио Танзании)

Цель нашей борьбы — не только разрушение старого. Наши усилия направлены прежде всего на строи-

тельство нового Мозамбика, в котором не будет голода и все люди обретут свободу и равенство. Мы боремся с оружием в руках, потому что для того, чтобы создать новый Мозамбик, надо разрушить португальскую колониальную систему. Только после этого мы сможем пользоваться плодами своего труда и распоряжаться богатствами нашей страны.

(Из обращения к народу Мозамбика 25 сентября 1967 года по случаю третьей годовщины начала вооруженной борьбы)

Политический строй, созданный на освобожденной территории Мозамбика, основывается на принципах однопартийной демократии. Фрелимо, являющийся движущей силой освободительной борьбы, выполняет в освобожденных районах функции правительства.

Одной из первых задач Центрального Комитета Фрелимо было создание прочной политической организации на территории Мозамбика. До 1964 года всю политическую работу приходилось вести подпольно, а это означало, что в наше движение могла быть вовлечена только наиболее политически сознательная, весьма немногочисленная часть населения. Но когда была освобождена часть территории страны, партия получила возможность действовать в легальных условиях как общественная организация, в которую может вступить каждый взрослый житель Мозамбика. Благодаря этому Фрелимо стал массовой политической организацией.

***

Соединенные Штаты поставляют вооружение Португалии, в 1966 году Португалия получила семь американских бомбардировщиков типа Б-26. ФРГ помогает наладить производство оружия в самой Португалии. США, Франция и ФРГ создали базы на португальской территории, а капитал этих стран создает крупные предприятия в ЮАР, Анголе и Мозамбике. Западный блок поддерживает диктаторские режимы и выступает против национально-освободительных движений.

(Из книги
«Борьба за Мозамбик»)

Успехи нашей освободительной борьбы, кратко говоря, обусловлены тремя важнейшими, определяющими факторами.

Первый из них — поддержка наших идеалов подавляющим большинством мозамбикского народа, который все больше понимает, что при колониальных порядках дальнейшее существование невозможно.

Второй — мы ведем борьбу на континенте, где десятки государств уже освободились от колониальных пут. Народы этих стран понимают нас, цели нашей борьбы и оказывают нам всемерную поддержку. Без новой суверенной Африки не было бы возможности организовать освободительную борьбу в таких масштабах за новый, демократический Мозамбик.

Третий — принципиальная позиция Советского Союза и других социалистических государств, которой

они последовательно придерживаются в подходе к африканским проблемам вообще, к нашему движению — в частности. Братскую помощь и поддержку Советского Союза мы ощущали и ощущаем всегда. Все это дает нам возможность уверенно смотреть вперед и рассчитывать на скорую и безусловную победу над силами колониализма и расизма.

(Из беседы с иностранными журналистами)

Школа
для взрослых.

Николай Хохлов

ЭДУАРДО МОНДЛАНЕ — СОЛДАТ НОВОГО МОЗАМБИКА

В столице Танзании, на улице имени Кваме Нкрума, есть невысокий домик, внешне ничем не примечательный. Но именно он в 60-х и первой половине 70-х годов нашего столетия притягивал посетителей, к нему шли и военные и гражданские лица, совсем молодые и преклонного возраста, иностранцы и местные жители. Здесь находилось живое, трепещущее сердце сражающегося Мозамбика — Фронт освобождения Мозамбика, Фрелимо. В те годы я бывал здесь часто, и многие руководители Фронта хорошо знакомы мне.

Тесная комната на первом этаже этого домика была завалена изданиями на английском, португальском, французском, суахили. Здесь на гектографе печатался вестник «Мозамбикская революция», а также листовки, сводки военных действий, инструкции партизанским отрядам и даже карикатуры на действия португальских карателей.

Меня приглашают в кабинет председателя Фрелимо — Эдуардо Чивамбо Мондлане. Он отрывается от карты, выходит из-за стола и подает руку, не успев положить на стол карандаш. И тут же хохочет над своей оплошностью.

— С чего начнем нашу беседу? — спрашивает он.

— Давайте с карты, — предлагаю я.

Вот так сразу, без лишних церемоний Мондлане начинает разговор. Высокий, крепко сложен, одет в военную форму. Большой лоб и ни на минуту не отпускающие собеседника глаза.

Мятежной птицей, распластавшей крылья от границ Танзании до Южной Африки и повернувшей голову к Родезии¹, выглядит на карте Мозамбик. Север и запад этой огромной португальской колонии бурлит огнем борьбы. На карте в кабинете Э. Мондлане отмечены места боев, указаны партизанские базы, пунктирами обозначены их смелые рейды, а красные стрелки так и тянутся в глубь страны, где сосредоточены главные силы португальской армии. Одна из них довольно далеко вонзилась в еще не освобожденную территорию, оставив позади другие — те, что справа и слева.

— Нет, нет, здесь мы излишне поторопились, — тут же комментирует Эдуардо Мондлане. — Срочно пошлем приказ: надо временно отступить. Ничем не оправданный риск. Прорыв сделан без учета положения в нашем южном тылу...

Школа, в которой
учатся все —
и дети, и взрослые.

¹ С 1980 года Республика Зимбабве.

Да, у Фрелимо два тыла: на границе с Танзанией и в оккупированном Мозамбике. Нужна четкая координация между ними. Кто забывает об этом, отвлекается от суровой реальности, тот терпит поражение. Случаются они и у Фрелимо.

В Мозамбике льется человеческая кровь, потери несут обе стороны. На полях сражений погиб смертью храбрых товарищ Филип Самуэль Магала. Мы молча стояли, склонив голову перед его портретом в траурной рамке. Ему было всего 29 лет. Один из руководящих деятелей Фронта освобождения, член политического и военного комитетов, любимец бойцов. Время от времени он появлялся в Дар-эс-Саламе, встречался с друзьями, привозил с фронтов самую свежую и достоверную информацию, а потом снова уезжал на места сражений. Часто ему удавалось пробираться в глубокие тылы войск колонизаторов. Человек горения, борьбы, Филип Магала и пал в борьбе — во время схватки с португальским отрядом. Я не видел убитого Филипа Магала, но никуда не уйдешь от своей собственной памяти: она моментально воскрешает не раз виденное — трупы растерзанных конголезцев, которых приканчивали европейские наемники и сбрасывали в реку Конго. Портрет Магала как бы высек в памяти слова, сказанные одним патриотом Конго, — слова, которые я никогда не забуду: «Кровь африканца тоже красного цвета, как и у белых...»

Эдуардо Мондлане мягко берет меня за руку, и мы вновь углубляемся в карту. Некоторые районы страны

он называет по имени местных вождей. Вспоминает: недавно во владения вождя Личиано ворвались партизаны. Португальцы отступили, а вождь устроил угощение бойцам Фронта освобождения. Рейд солдат Фрелимо — это не только чисто военная операция, это и глубокая разведка с целью понять и почувствовать настроения освобождающихся народных масс, местной интеллигенции, чиновников, батраков, занятых на плантациях португальцев.

— Наше движение все время претерпевает изменения, — рассказывает Мондлане. — Обстановка в стране становится все более сложной. Вот вам конкретный пример. Бойцы Фрелимо освобождают деревню, потом уходят на свою базу. Несколько местных жителей изъявляют желание присоединиться к партизанам. Но у таких добровольцев остаются дома семьи, родные, близкие. Возьмем мы из деревни пять или десять новых бойцов, а каратели потом расстреляют пять или десять семей. В будущем это может принести нам вред, жестокие расправы могут отпугнуть от нас население, несмотря на его сочувственное отношение к нам. Вот почему мы перестраиваемся и переходим к новой тактике: мобилизуем в армию освобождения людей из тех мест, где мы прочно обосновались, которые считаются нашей территорией. Нельзя руководствоваться одними лишь военными соображениями. Война идет в крестьянской и очень отсталой стране. Мозамбик упирается

Так пишется слово
«товарищ»...

в расистские вотчины. Португалия входит в Североатлантический пакт, ее карательная армия пользуется активной поддержкой ЮАР и Родезии. Враг хорошо оснащен и не испытывает недостатка в вооружении. Положение очень тяжелое. В сложнейшей обстановке нам приходится решать вопросы, связанные и с военным делом, и с экономикой, и с установлением новой власти в освобожденных районах. Да, да, мы создаем кооперативы. Новое, важное начинание, но оно требует знающих людей. Мы разворачиваем строительство школ и больниц. А как же! Жизнь в освобожденных районах должна подниматься на высшую ступень.

Дверь открывается, и к нам входит секретарь Эдуардо Мондлане. На стол он кладет лист бумаги — список убитых португальских солдат и офицеров. Он составлен на основании официальных документов, опубликованных в Лиссабоне. Убиты лейтенант Мануэль Белармино де Силва, капрал Антонио Фернандеш Ногера Гомеш, солдат Альваро де Кошта Морейра Сантуш и много других португальских солдат с такими длинными и так музыкально звучащими именами. Во имя чего они сражались? Зачем уехали так далеко от своих родных мест?

Недавно Фрелимо открыт новый фронт борьбы — фронт пропаганды среди португальских солдат и офицеров. В их казармы подбрасываются листовки. Вот содержание одной из них: «Португальские солдаты, вернитесь на родину! Мы не хотим убивать вас, ибо мы не являемся вашими врагами. Но вы — наши враги, так

как вы пришли убивать наш народ. Вернитесь на родину, солдаты! Вы должны это сделать, или же партизаны Фрелимо убьют вас. Вернитесь на родину, и вы сохраните и вашу жизнь и вашу солдатскую честь!»

Случалось мне встречаться с Э. Мондлане и у него дома. Это на Мсасани-роуд, в районе Дар-эс-Салама, примыкающем к побережью Индийского океана.

Однажды я попросил Эдуардо Мондлане рассказать о себе.

Он родился 20 июня 1920 года. Детство провел в деревеньке Мачека, что в мозамбикском районе Газа. Несколько лет пас коз, овец. Закончил сельскую школу первой ступени. Мальчику страстно хотелось учиться дальше. Из родной деревни он уехал в город и там получил среднее образование. На блистательные способности юного Мондлане обратили внимание даже представители колониальных властей. Мондлане был первым гражданином Мозамбика, которому португальцы дали направление в Лиссабонский университет. Не без задней мысли, конечно: из него намеревались сделать крупного чиновника «из местных», который бы служил португальским монополиям и, так сказать, практически доказывал благо официальной теории об ассимиляции, о якобы гармонии интересов туземных жителей и чужеземных пришельцев — колонизаторов.

Однако Мондлане избрал иной жизненный путь, приведший его в ряды национально-освободительного движения родного народа. Еще студентом Лиссабонского университета Мондлане стал членом кружка демо-

кратической молодежи. Был арестован, сидел в тюрьме. Затем ему пришлось покинуть Португалию — страну, поработившую его родной народ. Для продолжения учебы Мондлане отправился в Соединенные Штаты Америки, где и закончил высшее образование. Ему сулили карьеру ученого, предлагали кафедру права в университете. Но он вернулся в Африку и объединил вокруг себя разрозненные силы мозамбикских патриотов. И сейчас, когда я читаю воззвания Фрелимо, сформулированные в четырех пунктах — свобода, образование, экономический прогресс и единство, — я вижу за этими словами человека, который многое пережил и который знает, с чем идти к народу.

В ряды Фрелимо объединились люди различных верований и политических убеждений, и самый первый бой за будущий свободный Мозамбик Эдуардо Мондлане вынужден был провести с членами своей партии, многие из которых веровали в мирные способы борьбы за независимость. Как огня боялись они слов «борьба», «фронт», «оружие», «партизаны» и особенно — «революция». Мондлане пришлось потратить немало сил, чтобы убедить их в том, что португальские колонизаторы сами никогда не пойдут на предоставление Мозамбику даже урезанной независимости, ведь уже 500 лет продолжается их колониальное владычество. Только вооруженная борьба сможет вывести страну и народ к свободе, уверял Э. Мондлане. Мозамбик должен встать на путь длительной вооруженной борьбы.

И она началась на территории обширной португальской колонии 25 сентября 1964 года. Тогда на плато Маконде, около городка Мведа, что в провинции Кабу-Делгаду, бойцы Фрелимо дали свой первый бой колонизаторам.

В одно из моих очередных посещений штаба Фрелимо военные деятели Фронта освобождения разрабатывали план очередной военной операции. Я слышал часто повторяемую фразу: «Надо учесть опыт и наших удач и особенно поражений». Мне показалось это весьма характерным: национально-освободительное движение в Мозамбике приобретало свой собственный опыт, складывались свои традиции, своя тактика и стратегия.

Листовка, которую мне дали в штабе, была написана стихами. В ней говорилось:

*Наш цветок — борьба,
Наша любовь — огонь,
Наша борьба — цветок,
Наш огонь — любовь!*

Солдатский речитатив... Как хорошо звучат эти слова где-нибудь в зарослях провинции Тете, что на границе с расистской Родезией, или на просторах Кабу-Делгаду и Ньяса. В этих местах идут бои: целые большие районы контролируются партизанами, подготовленными Фрелимо.

Один из своих конгрессов Фронт освобождения Мозамбика провел на освобожденной территории. Об успехах освободительного движения в Мозамбике можно составить представление и по официальным сводкам португальского верховного командо-

вания: в Мозамбик была брошена 40-тысячная армия карателей.

Земля становилась все более неспокойной для оккупантов — мир то и дело узнавал о новых районах, где развертывались боевые действия солдат Фрелимо. Мведа, Порту-Амелия, Вида-Кабрал — это точки жарких схваток. Военные операции перебрасывались на самые южные провинции Мозамбика — в глубокий тыл колониальной вотчины Португалии. Бой шел на последних бастионах отжившей свой век системы колониализма.

Нет, далеко не одинокими были эти отважные борцы из боевых отрядов Фрелимо. В Мозамбике, как и в Родезии, Анголе, Южно-Африканской Республике, в Бисау и Кабинде, противостояли друг другу две основные силы современности — силы национально-освободительного движения, поддерживаемые странами со-

циализма, рабочим и коммунистическим движением всего мира, и силы колониализма, опирающегося на агрессивный блок НАТО.

В Дар-эс-Саламе состоялось и прощание с товарищем Эдуардо Мондлане. Словно молния, пронзила болью горестная весть: при таинственных обстоятельствах на одной из частных вилл танзанийской столицы убит Эдуардо Мондлане. Это произошло 3 февраля 1969 года.

А незадолго до трагедии, в январе, мы сидели с ним в корреспондентском пункте «Известий» и вели продолжительные разговоры о том, что происходит в мире, и, конечно, о Мозамбике. Временами Э. Мондлане отвлекался, подходил к маскам и скульптурам, которые я привозил из различных стран Африки. Внимательно разглядывал их, вслух

Охрана детства —
главная задача
свободного
Мозамбика.

размышлял над их художественной ценностью. И в эти минуты политический деятель, борец, организатор вооруженной борьбы превращался на моих глазах в превосходного знатока народного африканского искусства. Он рассказывал о мастерах из племени маконде, восторгался эфиопским художником Афеворком Такле, говорил о новых работах нигерийского скульптора Бена Энвонву...

Тогда же он дал мне свое последнее интервью для опубликования в советской прессе.

— Для всех нас, — заявил Мондлане, — Советский Союз всегда был и остается источником вдохновения и всесторонней поддержки. Я рассматриваю военные действия в Мозамбике, Анголе и других районах Африки как логическое продолжение Великой Октябрьской социалистической революции. Свою задачу мы определяем так: завоевание свободы и национальной независимости на первом этапе борьбы, затем — построение общества без эксплуатации человека человеком. Позвольте мне, пользуясь случаем, поблагодарить советский народ и правительство вашей великой страны за моральную и дипломатическую помощь в разрывании национально-освободительного движения в Мозамбике.

Мондлане всегда говорил о нашей стране с чувством признательности: он не скрывал своих симпатий к друзьям, как и своего гнева к врагам.

И вот — похороны. Гроб несли солдаты. Траурная процессия направляется на кладбище Кинондони — окраину Дар-эс-Салама. Салют из

орудий. Председателю Фронта освобождения Мозамбика отдаются высшие почести. Ораторы говорят тихо, полупшепотом. Вокруг могилы сажают мпинго — черное дерево, самое прочное и долговечное...

На другой день в штабе Фрелимо я увидел соратников Эдуардо Мондлане, обсуждающих насущные дела, связанные прежде всего с боевыми действиями партизан. Лаконичные, чеканные строки сводок и донесений.

Борьба продолжается...

Ее победоносное завершение произошло уже после кончины Эдуардо Мондлане: 25 июня 1975 года Мозамбик был провозглашен независимым государством. Понадобилось тринадцать лет для того, чтобы вырвать страну из-под колониального господства, одиннадцать из них шла все нарастающая партизанская война с оккупантами.

Председатель партии Фрелимо, президент Народной Республики Мозамбик Самора Машел (1933—1986) в своих заявлениях неоднократно подчеркивал выдающееся значение деятельности Эдуардо Мондлане в борьбе за освобождение страны от колониализма. «Во Фрелимо, — сказал он, — мы не можем говорить о революции, не говоря об Эдуардо Мондлане. Он объединил наш народ и вселил в нас уверенность в борьбе против португальских колонизаторов. Мондлане определил наши цели, выработал нашу стратегию, показал, кто наши друзья, а кто — враги. Он был бесспорным руководителем и вдохновителем нашей освободительной борьбы».

Онезимо Валима

(МОЗАМБИК)

НА РАССВЕТЕ

На рассвете пуля пронзила
сердце пришельца.
Никто не звал его в наши края.

Он отведал мозамбикской земли,
остался гнить
без креста и могилы...

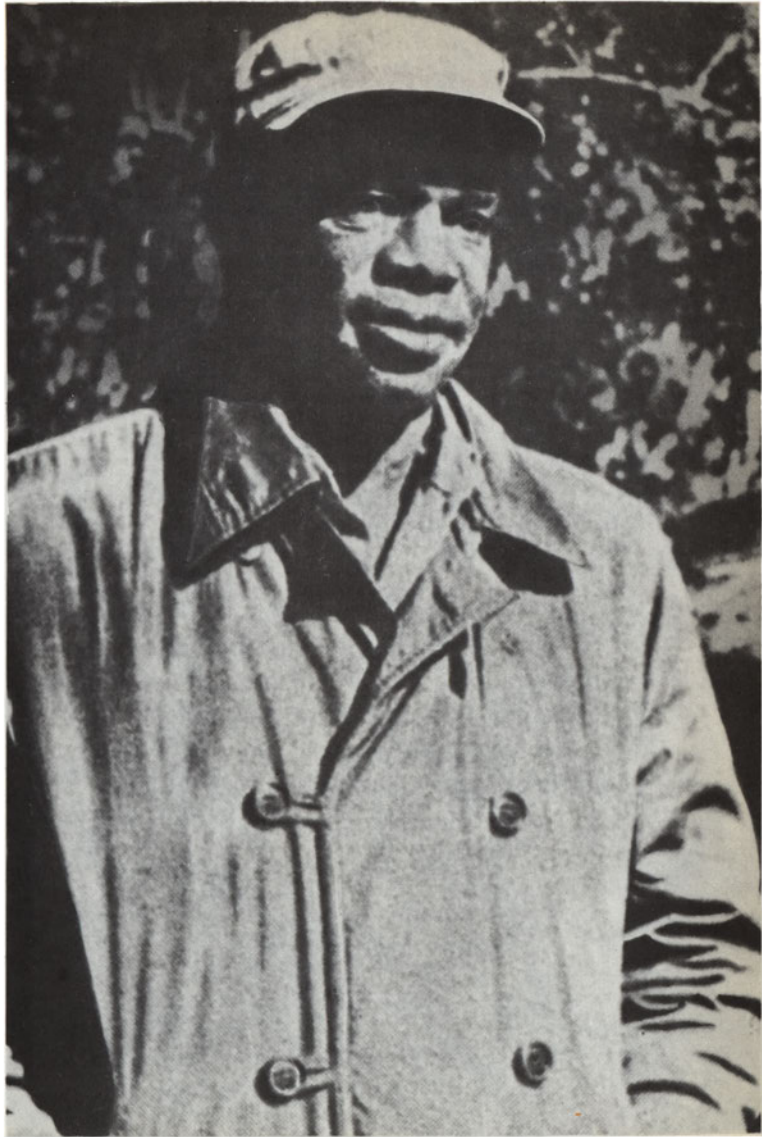
В Португалии плачет мать.
Она не знает,
что с ее сыном.

Включит радио: снова потери.
Среди павших —
не ее ли сын?

Бой был жестоким,
и победил сын Мозамбика.
А тело ее сына
осталось в нашей земле
знаком нашей победы.

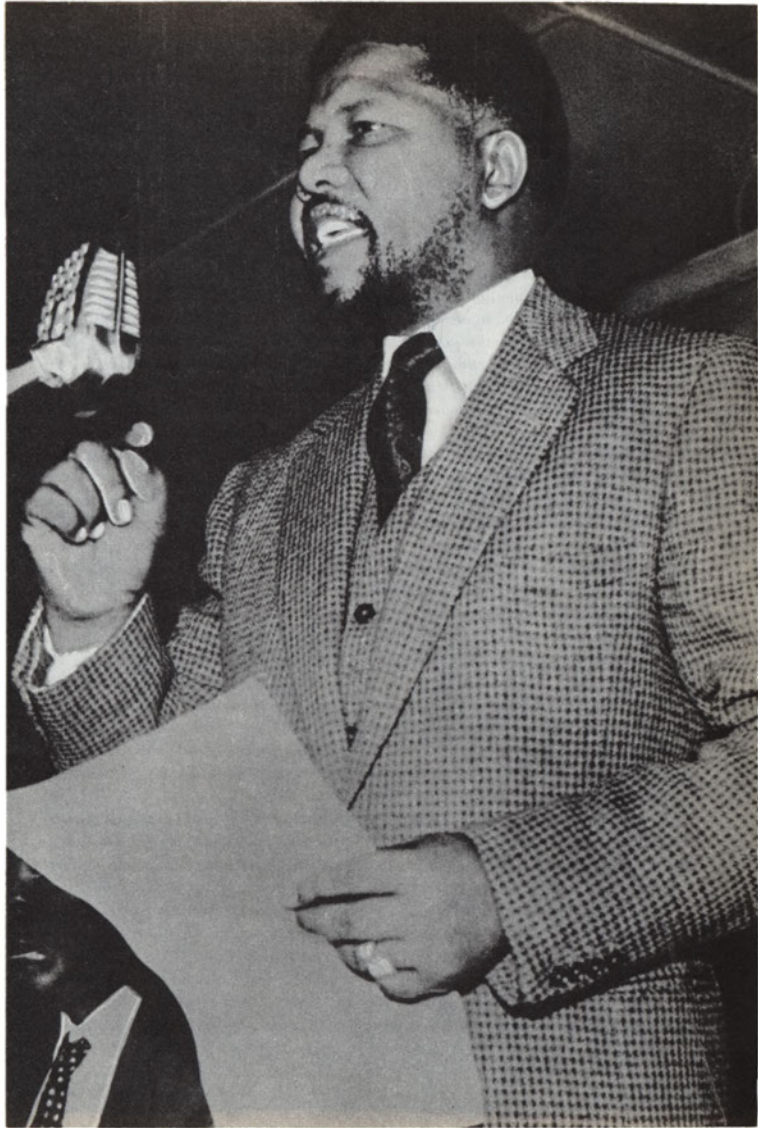

Эдуардо Мондlane.

**Нельсон
Ролихлахла
МАНДЕЛА**

**Объединяйтесь! Мобилизуйтесь!
Продолжайте борьбу! Наковальня единого
фронта и молот вооруженной борьбы —
только эти силы вдребезги разнесут апартеид
и расистское правление белого меньшинства
в Южной Африке!**

НЕЛЬСОН РОЛИХЛАХЛА МАНДЕЛА

Нельсон Ролыхлахла Мандела — руководитель Африканского национального конгресса Южной Африки, борец против расизма и апартеида.

Родился 18 июля 1918 года в Тембуланде, районе, названном по имени племени тембу и входящем в состав южноафриканской провинции Транскей (Южно-Африканский Союз, ныне Южно-Африканская Республика, сокращенно ЮАР). Предки Манделы прославились своим участием в борьбе против колонизации Южной Африки европейскими державами.

Как сыну местного вождя, Нельсону Манделе удалось поступить в университетский колледж Форт-Хейре, а затем закончить Витватерсрандский университет. Принимал активное участие в частых выступлениях учащихся с требованием введения в программу обучения родного языка африканцев.

В университете увлекался историей искусств и спортом. Получил звание бакалавра искусств. Был избран вице-президентом африканского спортивного союза студентов.

В 1940 году Н. Мандела выступил организатором студенческого бойкота, направленного против несправедливых выборов в университетский студенческий совет, так как в его состав не допускались африканцы.

В 1944 году вступил в Африканский национальный конгресс (АНК), старейшую политическую организацию коренного населения ЮАР, где

вскоре стал одним из организаторов молодежной лиги. Выполнял различные ответственные поручения АНК: создание новых отделений конгресса в крупных рабочих районах, вовлечение молодежи в национально-освободительное движение против расистского режима, выступление на массовых митингах перед рабочими, интеллигенцией и крестьянами с разъяснением стратегии и тактики АНК и т. д. С этими заданиями были связаны многочисленные поездки Н. Манделы по стране.

После окончания университета работал агентом (стряпчим) юридической конторы в Йоханнесбурге, которая готовила разбор в суде дел африканского населения. Мандела столкнулся с чудовищным произволом южноафриканской фемиды, стремился, зачастую безуспешно, защитить элементарные гражданские права коренного африканского населения.

В 1952 году Н. Мандела участвовал в подготовке и проведении первой широкой кампании против апартеида совместно с президентом АНК, лауреатом Нобелевской премии Альбертом Лутули. К этому времени Нельсон Мандела стал одним из наиболее популярных политических деятелей, авторитетнейшим лидером движения Сопротивления коренного африканского населения.

В составе Африканского национального конгресса Нельсон Мандела создал боевую организацию под на-

званием «Умконто ве Сизве» («Копье нации»), которая ставила своей задачей переход к более решительным действиям в борьбе с расистским режимом ЮАР. Это было новым важным шагом во всей деятельности АНК. В 1952 году Н. Мандела был избран президентом провинциальной организации АНК в Транскее и вице-президентом конгресса, в этом же году возглавил кампанию гражданского неповиновения, начатую по призыву АНК. В публичных выступлениях пропагандировал лозунг: «Образование — африканцам!»

В 1960 году после кровавой расправы расистских властей с мирной демонстрацией в городе Шарпевиле АНК призвал африканское население к массовой забастовке протеста. Власти запретили деятельность АНК, и Нельсон Мандела был вынужден уйти в подполье.

В мае 1961 года он возглавил стачку южноафриканских рабочих, вспыхнувшую в знак протеста против провозглашения Южно-Африканского Союза республикой. В своих публичных выступлениях Мандела разоблачил этот политический фарс. Вскоре Н. Мандела был избран руководителем Национального комитета действий.

В том же году, выехав нелегально за пределы ЮАР, посетил Эфиопию, Алжир и некоторые другие независимые страны Африканского континента. В Аддис-Абебе Мандела обратился к некоторым руководителям государств с просьбой об усилении помощи борющемуся за свои права южноафриканскому населению, о поддержке АНК на африканской и междуна-

родной арене. В Алжире он посетил воинские подразделения и штаб алжирской армии, ознакомился с тактикой алжирских патриотов во время освободительной войны с французскими колонизаторами.

В августе 1962 года Мандела был арестован на основании сфабрикованного полицейскими властями обвинения в «подстрекательстве населения к саботажу», а затем начался судебный процесс над Нельсоном Манделой как руководителем запрещенного АНК и организатором «Умконто ве Сизве».

В ходе суда Мандела фигурировал в качестве «обвиняемого номер один». 11 июня 1964 года расистский суд приговорил Манделу к пожизненному заключению в лагере на острове Роббен. На двери тюремной камеры, в которой отбывает заключение Мандела, прибита табличка с надписью: «Заключенный 446/64 — Нельсон Мандела, президент запрещенного Африканского национального конгресса. Преступление — саботаж. Приговор — пожизненное заключение».

В 1965 году вышла в свет книга Нельсона Манделы «Нет легкого пути к свободе», изданная его друзьями. В книгу вошли статьи, речи и выступления на суде, охватывающие десятилетний период — с 1953 по 1964 год. Предисловие написано Оливером Тамбо, соратником Нельсона Манделы, который в настоящее время, находясь вне пределов ЮАР, руководит работой Африканского национального конгресса.

В 1979 году узнику тюрьмы на острове Роббен была присуждена Меж-

дународная премия имени Джавазар-
лала Неру «За взаимопонимание
между народами».

11 июня 1980 года, в годовщину вы-
несения преступного расистского
приговора, проведен Международный
день за освобождение Нельсона
Манделы и его товарищей по бо-
рьбе.

В июне 1980 года было обследо-
вано послание Нельсона Манделы,
которое с огромными трудностями
удалось доставить из тюрьмы и сде-
лать достоянием мировой обществен-
ности.

В августе 1982 года исполнилось
двадцать лет непрерывного тюремно-
го заключения президента Африкан-
ского национального конгресса Нель-
сона Манделы.

Все эти годы его имя остается зна-
менем борьбы африканского насе-
ления ЮАР против расистского режима
и апартеида.

Н. Хохлов

Нельсон Мандела.

Жена и дети
Нельсона Манделы.

ГОВОРIT НЕЛЬСОН МАНДЕЛА...

Южная Африка принадлежит всем, кто в ней проживает, — черным и белым. Не может быть прочным правление до тех пор, пока оно не опирается на волю всего народа.

Народ будет править.

Все национальные группы будут иметь одинаковые права.

Народ будет участвовать в государственном благоустройстве.

Земля будет распределена между теми, кто ее обрабатывает.

Все люди будут равны перед законом.

Все будут в одинаковой мере пользоваться гражданскими правами.

Все граждане будут обеспечены работой.

Двери к образованию и культуре будут открыты для всех.

Мир и дружба!

(Из Хартии свобод,
составленной Н. Манделой
и принятой Конгрессом
народа 25 июня 1955 г.)

Фашизм становится повседневной реальностью в нашей стране, и внедрение правительством драконовых порядков выдвигает принципиально новые задачи перед народом Южной Африки. Борьба против фашистской политики правительства должна вестись на принципах сплочения, объединения. Только всенародная борьба уничтожит фашизм в нашей стране и проложит путь к созданию миролюбивой и демократической Южной Африки.

(Из статьи «Двери
блокированы». Июнь 1957 г.)

Я сделал свой окончательный выбор. Я никогда не покину Южную Африку. Я не сдамся!

(Из речи на массовом митинге.
Май 1961 г.)

Во времена моей юности, когда я жил в Транскее, мне приходилось слышать, как старейшие люди моего племени вспоминали разные истории о прошлом моего народа. Из этих воспоминаний мне особенно запомнились истории о войнах, которые вели мои предки, защищая родину от завоевателей... И я верил, что жизнь и мне предоставит возможность послужить своему народу, внести свой скромный вклад в его борьбу за свободу.

(Из заявления на суде в Ривони.
Апрель 1964 г.)

Африканский национальный конгресс посвятил половину века борьбе с расизмом и продолжает вести борьбу. Для нашего народа она является самой справедливой. Это борьба за африканский народ и его коренные интересы, борьба, рожденная пережитыми страданиями, вдохновляемая ими. Это борьба за право жить.

Африканцы хотят, чтобы им был обеспечен прожиточный минимум. Африканцы хотят выполнять ту работу, которая им интересна, а не ту, которую им навязывают власти по своей прихоти. Африканцы хотят жить там, где они родились или работают, а не там, где предписывают вла-

сти. Африканцы хотят быть и чувствовать себя равноправной частью всего населения страны, а не прозябать в созданных для них гетто.

(Из книги «Нет легкого пути к свободе»)

Я должен напомнить, что являюсь одним из тех, кто создавал «Умконто ве Сизве». Я, как и другие, кто начал действовать в этой организации, руководствовался двумя факторами. Во-первых, мы понимали, что к действию нас принуждает политика насилия правительства, вот почему стали неизбежными выступления африканцев.

Во-вторых, мы понимали: мирным путем африканский народ не добьется успеха в своей борьбе против правления, основанного на господстве белого меньшинства. К тому же все так называемые законные методы борьбы, которые мы использовали раньше, теперь запрещены властями. Перед нами стоял выбор: или смириться с постоянным унижительным положением, или бросить вызов правительству. Раньше наша тактика основывалась на соблюдении законов, мы не допускали каких-либо нарушений законности. Когда же и эти, мирные способы борьбы были запрещены, когда правительство стало применять насилие, нам ничего не оставалось, кроме как силе противопоставить силу.

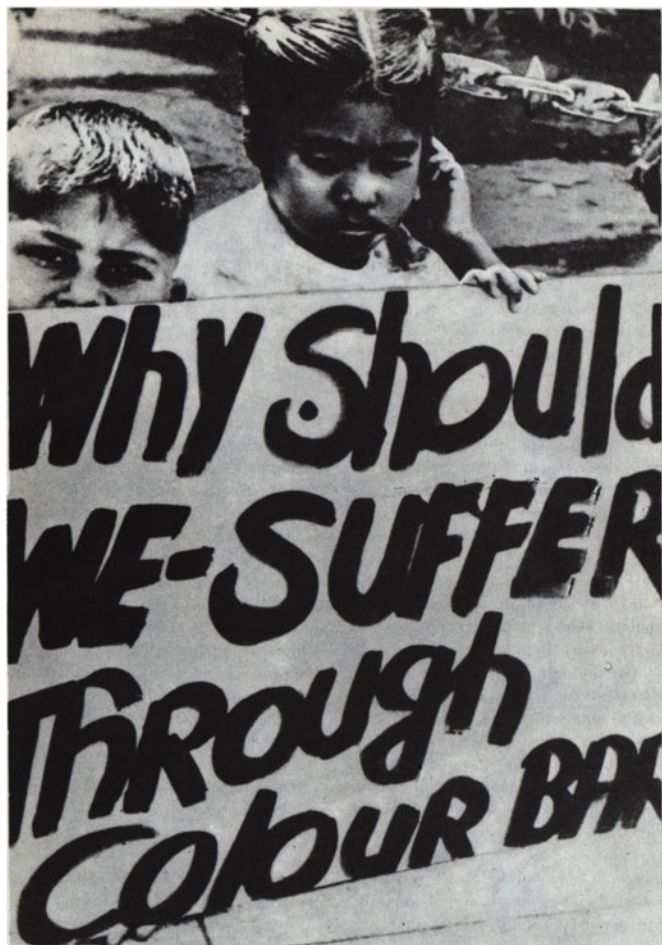
Однако сила, к применению которой нас вынудили прибегнуть, не имеет ничего общего с терроризмом. Мы, члены «Умконто ве Сизве», являемся в то же время членами Африканского национального конгресса и,

стало быть, следуем традициям АНК о ненасильственных действиях, о разрешении спорных проблем путем мирных переговоров и политических дискуссий. Мы считаем, что Южная Африка принадлежит всем народам, которые проживают на ее территории, и не может быть какой-либо одной господствующей группировки, будь она составлена из белых или черных. Мы не хотим межрасовой войны и всегда стремились избежать этого. Если суд питает сомнения на этот счет, то в сказанном мной убеждает вся история нашего движения.

(Из речи на суде.
Апрель 1964 г.)

Я с большим желанием выступаю перед вами, офицерами и солдатами алжирской армии, которая прославилась на всю Африку и даже на весь мир своими выдающимися успехами, в результате чего и была завоевана свобода вашей родины. Я — один из тех, кто хочет перенять ваш опыт борьбы. Я имею в виду борьбу вооруженную. Для нас, патриотов Южной Африки, ваш метод борьбы с колонизаторами представляет собой не только теоретический и исторический интерес. Для нас это тактика сегодняшнего дня. Я объясню, почему так ставится вопрос.

Вам хорошо известно, что в современной Африке нет единого взгляда относительно того, как, когда и каким путем следует добиваться политической независимости. Одни предпочитают длительные, мирные переговоры с колониальными державами, объясняя такую тактику тем, что времени коренным образом изменились

и теперь переговоры о предоставлении независимости можно вести за круглым столом официальных встреч.

По-моему, такой подход иллюзорный. Если империалисты и идут на переговоры, то идут вынужденно. Этому способствует международная обстановка в мире, а вовсе не то, что они вдруг стали понимать наши национальные интересы.

Есть и другое крыло в национально-освободительном движении на нашем континенте, представители которого придерживаются активной, наступательной тактики. Я и мои братья из Южной Африки принадлежим к этому боевому направлению.

Я приехал из одного конца Африки в другой. Алжир расположен на крайнем севере Африканского континента, а моя родина находится на крайнем его юге, замыкаясь мысом Доброй Надежды. К вам я добирался через столицы независимых, свободных африканских государств. Какое знаменательное явление! Почти вся Африка очищена от империалистических оков: остались отдельные колониальные рубежи, которые, несомненно, рухнут, это лишь дело времени. Но южноафриканский плацдарм колониализма, расизма и апартеида представляет собой наиболее мощное укрепление, возведенное империализмом. В этом тяжесть борьбы, на

которую мы поднимаем народ. Мы не отступим от своей веры в нашу будущую свободную родину, в час, когда независимая Южная Африка будет в состоянии официально приветствовать и благодарить за помощь братский героический Алжир!

(Из выступления в одном из подразделений алжирской армии. 1961 г.)

Я считаю, что коммунисты играют активную роль в борьбе, которую ведут народы колониальных стран за свою свободу, поскольку цели коммунистического и национально-освободительных движений совпадают.

(Из речи на суде. 1964 г.)

Всю свою жизнь я посвятил борьбе африканского народа за свободу. Я боролся как против господства белых, так и против господства черных. Я всегда лелеял заветную мечту о создании демократического и свободного общества, в котором все люди жили бы в согласии и обладали бы равными возможностями. Именно ради такого идеального общества я и собираюсь жить. Если потребуются, я готов умереть за эти свои идеалы.

(Из заключительного слова на суде
20 апреля 1964 г.)

Свободу можно завоевать только боевыми действиями, только путем лишений и жертв.

(Слова Нельсона Манделы, вынесенные на обложку бюллетеня «Азания Ньюс», издаваемого Африканским национальным конгрессом)

«Почему мы
должны страдать
из-за цветного
барьера?»

Николай Хохлов

ПЛАМЯ ЗА РЕШЕТКОЙ

Теперь редкий день обходится без сообщений о драматических событиях в политической жизни Южно-Африканской Республики. Сообщения порой напоминают оперативные сводки из районов боевых действий. Идет непрерывный поток сведений об убитых, раненых, брошенных в тюрьмы, о карательных экспедициях, о взрывах бомб, о новых драконовых законах колониальных властей, о демонстрациях протеста коренного африканского населения.

Кулак душителей свободы сжимается, делается все жестче. Африканцы загнаны в особые поселения — бантустаны, разновидность нацистских гетто. За их передвижением,

даже поездками на работу, установлена постоянная слежка. Все политические партии и организации африканцев запрещены. Запрещены любые демонстрации и шествия. Полиция и войска все время настороже. В стране царит обстановка страха, запугивания, шантажа. Кажется, африканец обречен на покорность, на безропотное прозябание: со всех сторон он окружен внушительной силой подавления и наказания. Узниками молчания называют порой африканцев ЮАР европейские журналисты.

Но молчания нет: его нельзя путать с временным, вынужденным затишьем, когда силы борцов за свободу перегруппировываются и подтягивают-

Молодежь ГДР собирает средства в Фонд солидарности с народами Африки.

ся на новые рубежи. Приходит время, и десятки тысяч африканцев вновь и вновь выходят с маршами протеста на улицы и площади городов, требуя осуществления своих прав на достойное человеческое существование.

Эти волны людских потрясений доносят до нас имена руководителей протестов: они становятся известными всему миру, они входят в наше сознание символами священной борьбы за свободу и справедливость, символами стойкости, отваги и честного служения долгу.

Одним из таких людей непрерывного горения является сегодня Нельсон Мандела. Значение его деятельности в освободительной борьбе африканцев трудно переоценить, несмотря на то что вот уже двадцать с лишним лет Н. Мандела томится в тюремном заключении.

Летом 1980 года газета «Фадерланд», выходящая в ЮАР на языке африкаанс и считающаяся либеральной, провела довольно необычный эксперимент. В одной из школ учащихся-африканцам в возрасте от семнадцати лет и старше предложили написать краткое сочинение на тему: каким представляется им будущее ЮАР?

Авторы сочинений достаточно взрослые люди, чтобы трезво оценивать политическую ситуацию в своей стране. Многие из них очень резко отзывались о характере правления своего правительства. Но в данном случае интересно другое: в юношеских сочинениях многократно упоминалось имя Нельсона Манделы. «У Южной Африки ясное буду-

щее, — написал один африканец. — Необходимо избавиться от угнетателей, расистов, фашистов, империалистов и колониалистов... После этого премьер-министром станет Нельсон Мандела». В другом сочинении говорилось так: «Кампания за освобождение Нельсона Манделы — это шаг, который приблизит страну к свободе. Именно Мандела способен разорвать цепи апартеида. У него много сторонников, и они представляют собой большую угрозу для нынешнего правительства».

Человек, обреченный, по замыслам властей, на медленную смерть, вот уже двадцать лет изолированный от внешнего мира, оказывается, живет в памяти и сердцах людей, светит и за решеткой тюрьмы светом надежды и веры!

Власти арестовали Манделу и бросили его в камеру, но невозможно арестовать веру людей в него, в его идеалы, в его мужественную борьбу. Физическая расправа, какой бы жестокой она ни была, не может ничего поделаться с духовными заветами Манделы, с его личностью, какой она запечатлелась в умах и памяти миллионов африканцев.

Кто же он, этот «враг номер один» расистского правления, светлая надежда африканцев?

Нельсон Ролихлахла Мандела родился в состоятельной семье, а два собственных имени — Нельсон и Ролихлахла — свидетельствуют о том, что эта африканская семья не чужда была влияния на нее европейской культуры. К коренному, африканскому, имени мальчика прибавлено английское.

Казалось, что судьба старшего сына вождя племени тембу предрешена: человек из потомственной семьи вождей и сам со временем станет вождем. Кроме того, если захочет, сможет получить высшее образование. А потом царствуй в своей провинции, пользуйся почестями, сори деньгами в роскошных европейских гостиницах и будь преданным колониальной администрации, благодетельствующей тебя. Сколько их было и есть, таких африканских вождей, покупающих личное благополучие ценой измены своему народу, от которого они так легко оторвались!

Но юноше Манделе оказались близки идеи национально-освободительного движения, охватившего весь Африканский континент. Его, как и миллионы африканцев, завораживало слово «независимость».

Был и остается еще один важный фактор — история. Не общая, всемирная, а конкретная, своя, африканская и потому особенно близко принимаемая к сердцу. Родина Нельсона Манделы прославилась народными выступлениями против европейских колонизаторов. Недаром этот район прослыл «африканской Фландрией» (Фландрия — одна из провинций современной Бельгии, известная в истории по борьбе с французским, австрийским, голландским, немецким и испанским нашествиями).

В «африканской Фландрии» были свои борцы за свободу, свои гёзы, свои Тили Уленшпигели, наводившие страх на отборные войска колонизаторов: Чака Зулу, Дингана, Кетчвайо. Из далекого африканского буша, пустынь, кое-где покрытых ко-

лючим кустарником, в цивилизованную Европу врывались эти непривычные для слуха имена героев Сопротивления, бросавших вызов не кому-нибудь, а могущественной Великобритании, «владычице морей», над колониальной империей которой «никогда не заходило солнце», как привыкли лстыть себе барды империализма.

У южноафриканцев, как и у фламандских гёзов, пепел отмищения стучал в сердце. Они шли через горнило испытаний. И Нельсон Мандела застал еще стариков, которые в молодости сражались с оккупантами: в их кругу он читал песню, долетевшую сюда из Фландрии:

*Пепел бьется в сердце,
Пришли палачи, принялись за
работу.
Меч, огонь и кинжал — инструменты
у них.
Ждет подлых доносчиков щедрая
плата.
Где раньше Любовь и Вера царили,
Насадил они Подозренье и Сыск.
Рази палачей ненасытных!
Бей в барабан! Да здравствует Гёз!*

В шестнадцать лет Мандела впервые принял активное участие в студенческой забастовке. Учитывая его происхождение, ему предложили «заблуждения молодости» и посоветовали заняться спортом — пусть отвлечется от студенческих политических

**«Требуем свободу
Нельсону Манделе!»**

**«Мандела!
Веди нас!»**

кружков. Но Мандела с друзьями все так же спорили до африканских петухов, обсуждая будущее своего народа, ссорились и мирились, расходились и вновь объединялись в шумную студенческую семью. Занятие боксом снимало напряжение дискуссий, но оно не могло заглушить кипевшие страсти, искавшие выхода, практического применения. Что ж, бокс не помешает: физическая выносливость всегда пригодится...

В Витватерсрандском университете Мандела стал признанным вожаком студентов. Ему запретили выступать на массовых митингах: это был первый удар, нанесенный властями. Тогда политика представлялась Манделе чем-то вроде боксерской схватки: противник атакует — чем ответить на эту атаку? Уйти в защиту или же — ударом на удар? Нельсон избрал наступательную тактику. Но борьба, в которую вступал Мандела, требовала объединения усилий многих, и в 1944 году Мандела стал членом Африканского национального конгресса — организации, которая сплачивала африканцев, руководила их действиями.

Созданный еще в 1912 году Африканский национальный конгресс традиционно придерживался так называемых мирных средств в своих взаимоотношениях с властями: в этом кроется и причина того, что его не запрещали.

Десятилетия петиций, воззваний, обращений, мирных демонстраций — все это повторялось и сейчас, как в классической драме с одним и тем же текстом, но с другими исполнителями и в иное время. АНК никак

нельзя было отнести к пассивным организациям. Нет, он выдвигал, как это случилось в 1945 году, «Африканские требования», которые содержали такие пункты: равенство всех перед законом, свобода землепользования, аннулирование запрета на перемещение африканского населения.

Конечно, если бы эти требования были приняты властями, то какое-то улучшение в положении коренного населения было бы заметно. Но в правительстве и говорить не хотели на эти темы с африканцами, полагая, что они, как это бывало многократно, побунтуют, а потом нужда заставит их вновь приняться за работу, а нет — принудят власти. Сила подавления всегда одерживала верх в Южной Африке.

Президент Африканского национального конгресса Альберт Лутули, непререкаемый авторитет для своих соратников, советовал «не дразнить правительство», а при любых случаях стараться поладить с ним. Но, внимательно приглядываясь к Нельсону Манделе, выслушивая его мнение по самым различным вопросам, Лутули смог увидеть в нем руководителя иного склада и оценить это качество. «Молодой орел» — так в беседах называл Лутули Нельсона Манделу. Вскоре он дал свое согласие на создание в рамках конгресса молодежной лиги во главе с Нельсоном Манделой. «Молодого орла» выпускали в самостоятельный полет...

В 1949 году Мандела в качестве руководителя молодежной лиги АНК обнародовал программу действий. В ней наряду с требованиями, выдвигаемыми АНК, содержались ра-

дикальные меры — бойкот, отказ от сотрудничества с представителями властей. Это была первая попытка перешагнуть каноны ненасильственных действий, действий в рамках законности.

Мандела ясно понимал, что тактика просьб, вымаливания уступок, сидячих забастовок и т. п. давно превратилась в тормоз освободительного движения. Сама жизнь, говорил он, требует более активных наступательных акций. Если на севере, востоке и западе Африки бывшие колониальные страны добивались независимости и колониальная система трещала по всем швам, то здесь, на крайнем юге континента, движение шло в обратном направлении — укреплялась система угнетения, беспощадно подавлялись любые попытки изменить существующее расовое господство оголтелой группировки белого меньшинства.

Становилось очевидным, что права африканцев надо защищать иными средствами, а накал борьбы определять не числом забастовок и арестованных. Нельсон Мандела избирает новую тактику в политической борьбе. Он создает боевую организацию «Умконто ве Сизве» («Копье нации»). Название выразительно: в повседневный обиход введено слово «копье», а с копьем не выходят на мирные демонстрации. В манифесте «Умконто ве Сизве» было провозглашено, что организация вступила на путь борьбы, только борьбы. 16 декабря 1961 года члены подпольной организации «Умконто ве Сизве» провели первую боевую операцию: налетам подверглись правительственные

учреждения в Иоганнесбурге, Дурбане и Порт-Элизабете.

«Умконто ве Сизве» — это, если хотите, прообраз наших будущих партизанских отрядов, нашей будущей освободительной армии», — говорил Н. Мандела.

В 1961 году Н. Манделе удалось нелегально выехать за пределы ЮАР. Лидеры некоторых независимых африканских стран любезно предлагали ему политическое убежище. Советы были единодушны: опасно возвращаться в ЮАР! Здесь тоже найдется дело: пора создать антирасистский фронт и за пределами Южной Африки, чтобы наносить удары по колониализму с двух сторон.

Мандела был преисполнен чувства благодарности к руководителям новой, крепнущей Африки. И все-таки в январе 1962 года вернулся на родину. И сразу узнал, что власти ЮАР заочно приговорили его к пяти годам тюремного заключения — за руководство всеобщей стачкой в 1961 году и за нелегальный выезд из страны.

Зная, как много сделано им во время поездок по независимым странам Африки, какой поворот в тактике АНК удалось ему совершить, Мандела воспринял этот приговор совершенно спокойно, а своей жене Винни сказал так: «Если бы власти раскрыли все наше подполье и узнали наши нынешние цели, то приговор был бы куда суровее. Вот почему я рад...»

Его схватили в провинции Наталь. Это произошло 5 августа 1962 года. Он пришел на конспиративную квартиру, чтобы повидать Винни и только что родившуюся дочурку Зинзи. Незадолго до этого полицейские разгро-

мили штаб «Умконто ве Сизве» на ферме Ривония около Йоганнесбурга, узнали о существовании «М-плана» — плана боевых, вооруженных выступлений против расистского режима, плана, разработанного Манделой. Они напали на след человека, которого называли «преступником номер один». Теперь уже власти знали совершенно точно: Мандела является центральной фигурой при разработке наступательной тактики АНК. Прежний приговор суда перечеркивался: осужденного, отбывающего срок заключения, стали привозить на заседания нового судилища.

Мандела отчетливо представлял, в чьи руки попал и за что его, уже осужденного, судят вновь. Знал, что его ждет. Тюремный шлагбаум удлинялся до бесконечности. Прежние расплаты за митинги и демонстрации казались теперь какой-то репетицией перед главным сражением, и оно не заставит себя долго ждать...

Тем не менее он выглядел бодрым и решительным. Он сразу отказался от защиты, считая расистскую фемиду насквозь фальшивой, продажной, оскорбительной даже в своем защитительном лепете для африканского патриота и борца. Процедуру судебного разбирательства он использовал для пропаганды своих политических взглядов. В своей знаменитой речи на судебном процессе Мандела затронул самые злободневные, самые острые проблемы, связанные с борьбой южноафриканского народа, с положением в Южной Африке. Он прямо заявил, что сотрудничал с запрещенной Коммунистической партией ЮАР, но это не означает, что он ком-

мунист. И это было сказано не ради оправдания, а для восстановления жизненной правды. Он не только признал, что был одним из организаторов «Умконто ве Сизве», но и обосновал, почему ее деятельность стала неизбежной ступенью в развитии освободительного движения. Он говорил о необходимости объединения людей всех национальностей в борьбе против колониализма.

Мне представляется — после внимательного чтения и его книги, и всех его выступлений, включая последнюю речь на суде, — что он допускал возможность смертельного приговора и стремился оставить после себя политический документ, свое кредо борьбы, свое завещание соотечественникам. Мандела беспокоился не за свою жизнь, а исходил из высших интересов своего поработанного народа, делал последние усилия к тому, чтобы и в этот роковой для него час помочь освободительному движению. Отсюда его четкие, прямые, предельно смелые высказывания: «Борьба — это моя жизнь. Я буду продолжать бороться за свободу до конца своих дней».

Пожизненное заключение... Железные двери сомкнулись. Лишь единственный раз сквозь металл и камень тюрьмы на острове Роббен к нам дошло послание Нельсона Манделы. В нем первые фразы — об оружии! Значит, человек не сломлен двадцатилетней каторгой, если свои рассуждения начинает с вопроса о роли вооруженных действий в борьбе за свободу!

«Чочолоза Мандела!», «Идем за Манделой!», «Продолжим дело Ман-

дела!» — так можно перевести лозунги, скандируемые в наши дни южноафриканскими патриотами.

Он бросил людям пламя борьбы.

Пламя веры и надежды.

Пламя высокого достоинства сражающегося человека Южной Африки.

ПОСЛАНИЕ НЕЛЬСОНА МАНДЕЛЫ, НЕЛЕГАЛЬНО ВЫНЕСЕННОЕ ИЗ ТЮРЬМЫ НА ОСТРОВЕ РОББЕН (1980)

ВЛАСТЬ РАСИСТОВ ОПИРАЕТСЯ НА ОРУЖИЕ

Оружие играет важную роль в истории. Именно силой оружия европейские колонизаторы сломили сопротивление африканцев. И теперь нашу борьбу за освобождение от господства европейского меньшинства подавляют силой оружия. Со времен колонизации Африки до настоящих дней в этом отношении ничего не изменилось: все режимы европейских поселенцев подавляли освободительное движение африканцев силой оружия. Так было всегда, везде.

Апартеид в Южной Африке, это воплощение расизма, унаследовал репрессии всех предшествующих режимов угнетения, доведя их до неслыханной бесчеловечности. Так называемые «Конституционные поло-

жения», лживые заверения, словесные выкрутасы, к которым прибегают расистские власти, не могут скрыть истинное лицо апартеида. Расстрелы в Соуэто в 1976 году сорвали эту маскировку властей. В гетто для африканцев, разбросанных по всей Южной Африке, расистские каратели поливают огнем мирных жителей, убивая и увеча сотни людей. Никогда еще не было так много жертв террора.

Расизм означает палаческую власть, опирающуюся исключительно на оружие. Бронетранспортеры, винтовки и виселицы — вот символы южноафриканского режима, вот к чему всегда прибегают расистские правители ЮАР.

РАСПЛЫВЧАТЫЕ ОБЕЩАНИЯ, УСИЛИВАЮЩИЕСЯ РЕПРЕССИИ

В разгар нынешнего кризиса наш народ, предавая земле убитых и залечивая раны, задается вопросом: что будет дальше?

Африканцы должны знать, что им нечего ждать от расистских правителей.

Ведь это по их приказу и по их воле солдаты нажимают на спусковой крючок.

Пустые обещания, конституционные манипуляции и т. п. сопровождаются массовыми арестами африканцев, еще более репрессивными мера-

ми, цель которых — ослабление нашего единства, раскол наших сил Сопротивления. Это не ново: расисты

и впредь будут действовать таким образом, игнорируя мнение африканского большинства.

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ЗАМЫСЕЛ РАСИСТОВ

Во главе движения протеста, вспыхнувшего в 1976—1977 гг., стояли студенты, молодежь. Они вышли на улицы из университетов и школ. Все они принадлежат к тому поколению, которое училось в заведениях, пропитанных духом расизма. Дьявольский замысел расистов состоит в том, чтобы отравить умы нашей молодежи, вбить в головы молодого поколения чужие мысли, превратить африканцев в послушных рабов режима апартеида. Но ничто так убедительно не свидетельствует о полном банкротстве расизма, как массовое движение

Сопротивления нашей молодежи. Во всей силе обнаружились пороки нашей государственной системы, ее жестокость и бесчеловечность: недаром на борьбу с расизмом поднялись и африканцы, и цветные, и индийцы.

Сейчас можно безошибочно сказать: апартеид больше нельзя терпеть! Речь идет не о каких-то отдельных нетерпимых сторонах апартеида, а о ликвидации всей системы. Мы осознали, что для расизма не представляет ценности ни жизнь одного человека, ни жизнь целого народа.

ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!

Перед нами — сильный враг, который вовсе не собирается складывать оружие. Вот почему наш путь к свободе — путь трудный и длинный. Однако положение в Южной Африке, на нашем континенте и за его пределами говорит в пользу нашей грядущей победы.

Первейшее условие для достижения этой цели — единство всех африканцев. Любая попытка расколоть наши ряды, столкнуть одну группу с другой должна получить решительный отпор. В единый и мощный поток

Сопротивления должны влиться все африканцы, цветные, индийцы и демократически настроенные европейские поселенцы. Все мы должны действовать заодно. Борьба обострится, и поэтому мы не можем позволить себе расколы и разобщенность. Сплочение — на всех уровнях, независимо от социальной принадлежности людей. Все второстепенные соображения следует подчинить единой цели — свержению господства апартеида и полной ликвидации расового господства в Южной Африке.

ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

Борьба против апартеида нарастает во всем мире, а сфера господства европейских поселенцев все время сжимается. Мозамбик и Ангола стали свободными, а в Намибии война за освобождение приобретает все больший размах. Южной Африке суждено стать ареной ожесточенной, напряженной борьбы за окончательное освобождение Африканского континента от правления европейского, расистского меньшинства.

На нашей стороне весь мир. Орга-

низация африканского единства, ООН и растущее движение против политики апартеида продолжают оказывать давление на расистских правителей Южной Африки. Каждое усилие, направленное на изоляцию расистских правителей ЮАР, придает нам новые силы в борьбе, которая ведется и внутри страны и за ее пределами. Многие уже достигнуто, но многое еще надо сделать. Бесспорно одно: победа будет за нами!

МЫ ПРИВЕТСТВУЕМ ВСЕХ ВАС!

Мы, заключенные в тюремных стенах режима Претории, протягиваем вам свои руки. Вместе с вами мы скорбим о наших товарищах, павших от пули карателей. Мы приветствуем всех, смело выступающих против тирании.

Склоняя головы над жертвами апартеида, мы помним, мы чувствуем, что мученики живы в наших сердцах и умах.

И укоряют нас за раздробленность и разобщенность. И призывают сплотить все силы. И снова напоминают, что свобода еще не завоевана.

Мы смотрим в будущее с уверенностью: оружие, на которое опирается расизм, не делает его непобедимым. Кто держится на штыках — от штыков и погибнет!

Объединяйтесь! Мобилизуйтесь! Продолжайте борьбу!

Наковальня единого фронта и молот вооруженной борьбы — только эти силы вдребезги разнесут апартеид и расистское правление белого меньшинства в Южной Африке!

Леонард Коса

(ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

ЖАЛОБА АФРИКАНЦА

Не ходи
мимо боссов дебелих,
мимо розовых
злых джентльменов,
мимо маленьких леди
надменных,
мимо важных матрон
поседелых.
Там на страже
стоят полисмены,
там написано:
«Только для белых!»

На отелях,
на барах веселых,
на гранитных
церковных приделах,
на больницах,
вокзалах
и школах —
всюду надписи:
«Только для белых!»

На рассветах,
пылающих в небе,
на мечтах,
безрассудных и смелых,
на любви,
на свободе,
на хлебе —
всюду надписи:
«Только для белых!»

На ногах моих
черных,
проворных,
на руках моих
черных,
умелых,
на плечах моих
каменно-черных
отчеканено:
«Только для белых!»

Бернар Дадье

(КОТТ-ДЕВУАР)

ТЫ — ХОЗЯИН

Я вышел из мира,
                    для них чужого,
Я человек иной породы!
Нет обо мне в их книжонках ни слова,
Потому что я — человек народа!
Но Африка
                    в хаосе бурного века
Проснулась.
                    Люди, не будьте слабыми!
На перекрестках, в бараках рабочих окраин
Кричу я
                    каждому человеку:
«Ты — народ,
                    значит, ты — хозяин!
Те, кто себе присвоили имя
Королей консервов,
                    спичек и стали,
Те, кто жили трудами твоими,
Те, кто руки тебе сковали,
Те, кто душили тебя веками,
Встали над полными сундуками.

Там, они думают, погребены
Наша свобода и наше счастье.
И вот они чванятся,

опьянены

Своим богатством, своею властью.
Считая прибыль ежевечерне,
Они тебя называют черню
За то, что ты дал на себя надеть
Ярмо,
непосильным трудом замаян.
И свищет, и жжет твою спину плеть,
Но ты — народ,

значит, ты — хозяин!»

О хозяин — народ!
Сознаешь ли ты
Всю тяжесть наглого их презренья?
Бесстыдно топчут твои мечты
И рады горьким твоим мученьям;
Тебе наступили на грудь сапогом.
«Ты раб! — кричат. — Оставайся рабом!»
Боль исказила твои черты.
Так ты ли хозяин?

Да! Только ты!

Ты — хозяин!
Ты кровью с этой землею спаян.
Ты сеешь рис,
Ты строишь мосты,
Ты шерсть прядешь...
И ты, только ты,
Издыхая с голоду, в рубище, нищий,
Лишенный крова, лишенный пищи,
Лежишь в пыли у тюремных ворот,
О хозяин — народ!
...Я вышел из мира,
для них чужого,
Я человек могучей породы,
Нет обо мне в их книжонках ни слова,
Потому что я — человек народа.
Но древняя Африка

в хаосе века

Проснулась.

Люди, не будьте слабыми!
На перекрестках, под баобабам,

В тюрьмах,
                    в бараках рабочих окраин
Кричу я каждому человеку,
Кричу я людям земли моей:
«Ты — царь заводов! Ты — царь полей!
Ты — народ,
                    значит, ты — хозяин!»

Агостиньо Нето

(АНГОЛА)

ПЛАМЯ И РИТМЫ

Звон кандалов
на дороге ночной.
Пение птицы
в прохладе лесной.
Пальма
дрожит
в синеве.
Пламя
бежит
по траве.
Воздух
горяч и недвижим...
Пламя —
над крышами хижин!
А на дорогах
толпы народа,
толпы народа.
Всюду тревога,
всюду невзгода.
А по дороге
до горизонта
гулко и звонко
черные ноги!
А на дороге
гром неустанный.
Сыплется рокот —
говор тамтамов.
Близится срок!

Тяжек и строг
яростный шаг
окровавленных ног.
Ритмы в грязи,
ритмы в пыли.
Ритмы вблизи,
ритмы вдали.
Ритмы в борьбе,
ритмы в огне.
Ритмы в тебе,
ритмы во мне!
Ритмы покоя
и пробуждения.
Ритмы прибоя,
ритмы движенья.
Ритмы — восходы!
Ритмы — закаты!
Ритмы свободы —
ритмы расплаты!

СТРАХОМ НАСЫЩЕН ВОЗДУХ

Страхом насыщен воздух!
На каждом углу стражи
зыркают, шарят глазами в раже служебном.
Люди замки меняют,
спешат затанцевать
и закрыть наглухо двери.
Одного, как смерти, боятся —
как бы себя не подслушать.
Страхом насыщен воздух!
История — всегда перемены.
Неспроста, не случайно
я — чернокожий,
считавшийся раньше ничтожнейшим
из ничтожных, —
себе возвращаю Африку
и глаза — совершенно сухие.

В. Мандела,
жена Н. Манделы,
активный участник
движения за его
освобождение
из тюремного
заключения.

«Свободу
Африке!»

Давид Диоп

(СЕНЕГАЛ)

КОРШУНЫ

В ту пору
Под вопли о благах цивилизации,
Орошая святой водицей покорные лбы,
Пряча когти в тени,
Коршунье громоздило кровавое зданье
Колониальной эпохи.
В ту пору
Человеческий смех умирал
в железном аду дорог,
И монотонные ритмы молитв заглушали
Стоны рабов на плантациях.
О горькая память, ты хранишь
Предательские поцелуи
И обещанья, сметенные огнем пулеметов.
Пришельцы, да разве людьми вы были?!
Вы знали все книги на свете,
одного не знали: любви!
Вы не знали, что наши руки
Пробуждают земное лоно,
Не знали, что корни наших рук
Глубоки, как мятеж.
Вы не знали, вы, мясники,
что под ваши спесивые песни
В разграбленных негритянских селеньях
В четвертованной Африке
Зрела надежда — наша единственная цитадель.
Вы не знали, что всюду:
от шахт Свазиленда
До заводов Европы, где льется наш пот, —
Под нашей поступью твердой
Рождается тело весны.

Надежда
Африки.

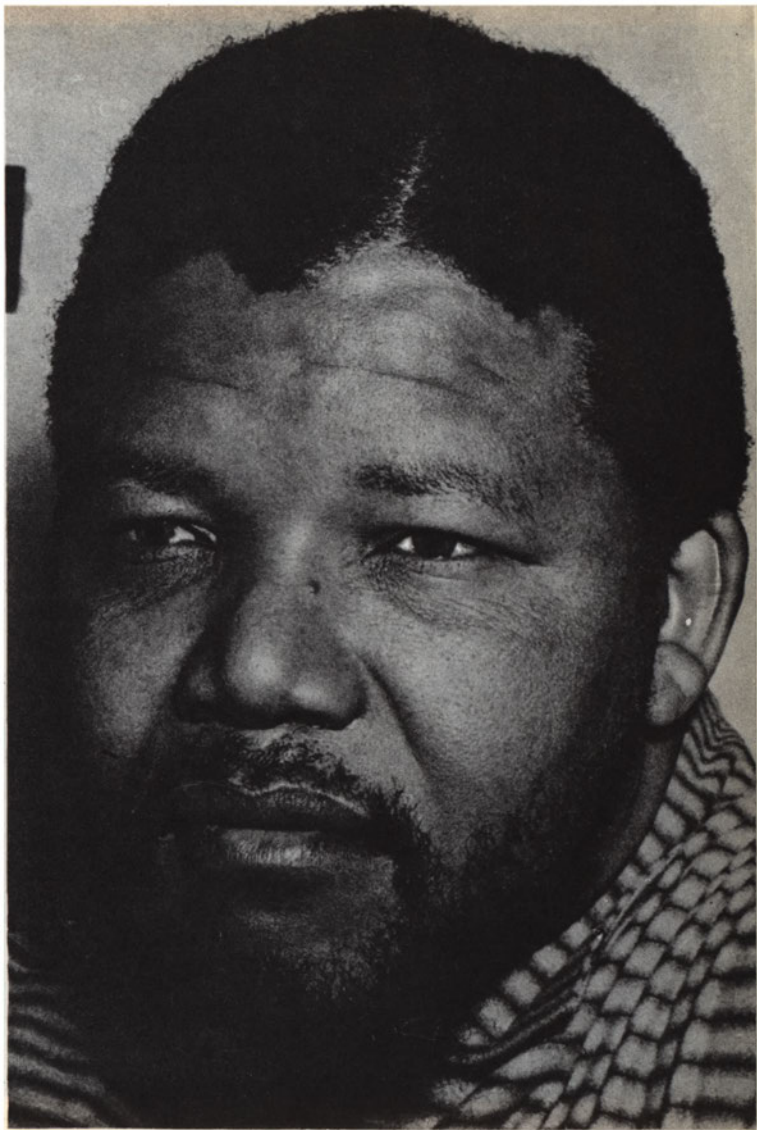
АФРИКА

Моей матери

Африка, моя Африка,
Африка воинов гордых в древних саваннах,
Африка, о которой поет моя бабушка
На берегу далекой реки, —
Я тебя никогда не знал,
Но полнится взгляд мой кровью твоей,
Черной прекрасной кровью, пролитой в полях,
Кровью твоего пота,
Потом твоей работы,
Работой твоею рабской,
Рабством твоих детей.
Африка, скажи мне, Африка,
Эта спина, что согнулась
Под бременем униженья,
Эта исполосованная спина,
Говорящая «да» хлысту на дорогах полудня, —
Ты ли это? Скажи!
И мне отвечает суровый голос:
«Нетерпеливый мой сын! Ты видишь юное, крепкое дерево
Там, вдалеке, —
Ослепительно одинокое среди белых увядших цветов?
Вот она, Африка, вот твоя Африка,
И она терпеливо, упрямо растет,
И плоды ее день за днем
Наливаются терпким соком свободы».

Нельсон Мандела.

---

*Об одном прошу у тех, кто переживает это время:
не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых.
Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал
за себя и за вас.*

*Придет день, когда настоящее станет
прошедшим, когда будут говорить о великом
времени и безымянных героях, творивших
историю. Я хотел бы, чтобы все знали: не было
безымянных героев. Были люди, у каждого свое
имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и муки
самого незаметного из них были не меньше,
чем муки того, чье имя войдет в историю.
Пусть же эти люди будут всегда близки вам,
как друзья, как родные, как вы сами!*

*Пали целые поколения героев.
Полюбите хотя бы одного из них, как сыновья
и дочери, гордитесь им, как великим человеком,
который жил будущим. Каждый, кто был
верен будущему и умер за то, чтобы оно было
прекрасно, подобен изваянию, высеченному
из камня.*

Ю л и у с   Ф у ч и к

СОДЕРЖАНИЕ

Орландо Мильяс. Память народов. <i>Перевод А. Сосновского</i>	5
Файяд Хамис. За эту свободу. <i>Перевод В. Столбова</i>	7

В СМЕРТЕЛЬНОЙ СХВАТКЕ С ФАШИЗМОМ

Эрнст Тельман (Биографическая справка)	12
Отрывки из писем Эрнста Тельмана. <i>Перевод М. Чечановского</i>	13
Письма Эрнста Тельмана из тюрьмы родным и близким. <i>Перевод Г. Ковганкина</i>	17
Ральф Цан. Он настоящий человек! <i>Перевод Ю. Светланова</i>	21
Карл Векен. Тэдди здесь! <i>Перевод Ю. Светланова</i>	26
Рудольф Леонгард. Узник. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	27
Вальтер Бартель. Убийство. <i>Перевод В. Цыдренко</i>	29
Юлиус Фучик (Биографическая справка)	38
Репортаж с петлей на шее (Главы из книги). <i>Перевод Т. Аксель и В. Чешизиной</i>	40
Последние письма. <i>Перевод Т. Аксель</i>	50
Густина Фучикова. Из воспоминаний о Юлиусе Фучике. <i>Перевод В. Петровой</i>	53

МИНУТА ПЕСНИ В ЧЕСТЬ СЬЕРРА-МАЭСТРЫ

Камило Сьенфуэгос (Биографическая справка)	66
* Торжественная клятва бойцов колонны К. Сьенфуэгоса, принятая 13 июня 1958 года на месте гибели национального героя Кубы Хосе Марти. <i>Перевод А. Садикова</i>	68
Камило Сьенфуэгос.* Из письма Фиделю Кастро. <i>Перевод А. Садикова</i>	69
* Из речи, произнесенной 27 июня 1959 года в городе Сьюдад-Либертад перед курсантами. <i>Перевод А. Садикова</i>	—
* Из выступления в Камагуэе перед солдатами Повстанческой армии 21 октября 1959 года. <i>Перевод А. Садикова</i>	70
* Фидель Кастро. Из выступления по телевидению в связи с гибелью К. Сьенфуэгоса. <i>Перевод А. Садикова</i>	72
* Эрнесто Че Гевара. Из воспоминаний о Камило Сьенфуэгосе. <i>Перевод А. Садикова</i>	73
* Вильма Эспин. Из воспоминаний о К. Сьенфуэгосе. <i>Перевод А. Садикова</i>	78
Франк Паис (Биографическая справка)	82
* Франк Паис. Из письма руководителям организации «Движение 26 июля». <i>Перевод А. Сосновского</i>	83
* Фидель Кастро. Из выступления в связи с гибелью Ф. Паиса. <i>Перевод А. Сосновского</i>	84
* Эрнесто Че Гевара. Из воспоминаний о Франке Паисе. <i>Перевод А. Сосновского</i>	85
* Вильма Эспин. Из воспоминаний о Ф. Паисе. <i>Перевод А. Сосновского</i>	—
Пабло Неруда. Героическое деяние. <i>Перевод П. Грушко</i>	87
Николас Гильен. «...Больше созревших зерен...» <i>Перевод Инны Тымяновой</i>	90

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Эрнесто Че Гевара (Биографическая справка)	96
Эрнесто Че Гевара. Песнь Фиделю. <i>Перевод Евг. Долматовского</i>	99
Из письма Э. Че Гевары Фиделю Кастро перед отъездом в Боливию. <i>Перевод И. Григулевича</i>	101
Письма Э. Че Гевары родным перед отъездом в Боливию. <i>Перевод И. Григулевича</i>	102
Фидель Кастро.	
* Быть таким, как Че... <i>Перевод А. Сосновского</i>	106

* Из предисловия к «Боливиинскому дневнику» Че Гевары. <i>Перевод А. Сосновского</i>	106
Пабло Неруда. Из книги воспоминаний «Признаюсь: я жил». <i>Перевод Э. Брагинской</i>	107
* Ильда Гадеа. Из воспоминаний. <i>Перевод И. Григулевича</i>	108
* Дариель Аларкон Рамирес. Героический партизан. <i>Перевод А. Сосновского</i>	109
Евгений Долматовский. Руки Гевары	115
Карлос Фонсека Амадор (Биографическая справка)	120
Карлос Фонсека.	
* Клятва бойца-сандиниста. <i>Перевод А. Сосновского</i>	122
* Обращение Сандинистского фронта национального освобождения. <i>Перевод А. Сосновского</i>	—
* Прокламация Сандинистского фронта национального освобождения. <i>Перевод А. Сосновского</i>	123
* Томас Борхе. Из речи, произнесенной 7 ноября 1979 года во время траурной церемонии, посвященной захоронению останков Карлоса Фонсеки. <i>Перевод А. Сосновского</i>	126
* Генри Руис. Карлос и Сандино. <i>Перевод А. Сосновского</i>	128
Эрнесто Карденаль	
Час ноль. <i>Перевод Инны Тыняновой</i>	130
* Революция подарила нам родину... <i>Перевод В. Резниченко</i>	134
Эрнесто Кастильо	
* «Я знаю, что длинен список...» <i>Перевод В. Резниченко</i>	135
* «Здесь, на земле...» <i>Перевод В. Резниченко</i>	—

СТРАНИЦЫ ЧИЛИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ

Сальвадор Альенде (Биографическая справка)	142
Из доклада Генерального секретаря Коммунистической партии Чили товарища Луиса Корвалана на Пленуме ЦК Компартии Чили (август 1977 г.) <i>Перевод И. Рыбалкина</i>	144
Сальвадор Альенде	
Из речи, произнесенной 5 сентября 1970 года после объявления победы Народного единства на президентских выборах. <i>Перевод И. Рыбалкина</i>	146
Из последнего обращения к чилийскому народу, переданного радиостанцией «Магальянес» 11 сентября 1973 года во время героической обороны дворца «Ла-Монеда». <i>Перевод И. Рыбалкина</i>	149
Пабло Неруда. Альенде. <i>Перевод Э. Брагинской</i>	152
* Ортенсия Бусси де Альенде. В сердце народа. <i>Перевод Ю. Королева</i>	156
* Лихей Бальдарес. Товарищ президент. <i>Перевод Ю. Королева</i>	158
* Гильермо Равест. Завет Альенде. <i>Перевод И. Кирилловой</i>	161
Евгений Долматовский. Чили в сердце	167
Пабло Неруда (Биографическая справка)	172
Пабло Неруда	
Я помню. <i>Перевод О. Савича</i>	173
Моей партии. <i>Перевод П. Грушко</i>	—
Опасность. <i>Перевод П. Грушко</i>	175
Иди со мной. <i>Перевод П. Грушко</i>	176
* «Так поднимай, народ...» <i>Перевод Инны Тыняновой</i>	—
Я буду жить. <i>Перевод С. Кирсанова</i>	178
Бессонница. <i>Перевод П. Грушко</i>	—
Кандидат в президенты. <i>Перевод Э. Брагинской</i>	179
Константин Симонов. Коммунист.	181

Генрих Боровик. Последнее слово поэта	183
Эфраин Баркери. Ты умер, Пабло? Не верю! <i>Перевод С. Гончаренко</i>	188
Мигель Анхель Астуриас. Живой Неруда. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	189
Виктор Хара (Биографическая справка)	194
Виктор Хара. *Из интервью. <i>Перевод А. Сосновского</i>	195
Моя трудовая гитара. <i>Перевод Л. Васильевой</i>	—
Призыв к рабочему. <i>Перевод Л. Васильевой</i>	197
* Спасибо тебе, Рекабаррен. <i>Перевод П. Грушко</i>	198
* Аманда и Мануэль. <i>Перевод П. Грушко</i>	200
* Из некролога ЦК Союза Коммунистической молодежи Чили. <i>Перевод А. Сосновского</i>	—
* Из свидетельских показаний перед III сессией Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили. (Мехико, февраль 1975 года). <i>Перевод А. Сосновского</i>	201
Луис Альберто Корвалан (Биографическая справка)	206
Луис Альберто Корвалан. *Боль и надежда (Фрагменты из книги). <i>Перевод А. Сосновского</i>	207
* Из свидетельских показаний перед III сессией Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили. (Мехико, февраль 1975 года). <i>Перевод А. Сосновского</i>	208
* Гладис Марин. Из предисловия к книге Л. А. Корвалана «Боль и надежда». <i>Перевод А. Сосновского</i>	210

НЕТ ЛЕГКОГО ПУТИ К СВОБОДЕ

Патрис Лумумба (Биографическая справка)	218
Патрис Лумумба	
Мое правительство служит народу. <i>Перевод Н. Хохлова</i>	219
Пусть торжествует наш народ. <i>Перевод П. Антокольского</i>	222
Сердце Африки. <i>Перевод М. Курганцева</i>	223
Из интервью 22 июля 1960 г. <i>Перевод Н. Хохлова</i>	225
Я остаюсь спокойным... <i>Перевод Н. Хохлова</i>	—
Последнее письмо жене Полин. <i>Перевод Н. Хохлова</i>	227
Юрий Жуков. Таким был Лумумба	228
Николай Хохлов. Подвиг сердца	234
Ярослав Смеляков. Патрис Лумумба	236
Эдуардо Мондлане (Биографическая справка)	240
* Говорит Эдуардо Мондлане... <i>Перевод Н. Хохлова</i>	241
* Николай Хохлов. Эдуардо Мондлане — солдат нового Мозамбика	245
Онезимо Валима. На рассвете. <i>Перевод П. Грушко</i>	252
Нельсон Ролихлахла Мандела (Биографическая справка)	256
* Говорит Нельсон Мандела... <i>Перевод Н. Хохлова</i>	260
* Николай Хохлов. Пламя за решеткой	264
* Послание Нельсона Манделы, нелегально вынесенное из тюрьмы на острове Роббен (1980). <i>Перевод Н. Хохлова</i>	271
Леонард Коса. Жалоба африканца. <i>Перевод М. Курганцева</i>	274
Бернар Дадье. Ты — хозяин. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	275
Агостиньо Нето	
Пламя и ритмы. <i>Перевод М. Курганцева</i>	277
Страхом насыщен воздух. <i>Перевод А. Сенкевича</i>	278
Давид Дион	
Коршуны. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	280
Африка. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	282

Для старшего возраста

Составитель
Анатолий Александрович Сосновский

ВСЁ — ДАЖЕ СВОЮ ЖИЗНЬ!

Сборник

ИБ № 9901

Ответственный редактор Т. П. Владимирская.

Художественный редактор С. И. Нишнян.

Технический редактор Н. Г. Мохова.

Корректоры

Т. А. Нарышкина, Э. Я. Сербина

Сдано в набор 11.09.86. Подписано к печати 20.03.87.

Формат 70×100/16. Бум. офс. № 1.

Шрифт обыкновенный. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 234. Усл. кр.-отт. 47,45. Уч.-изд. л. 19,95.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 115. Цена 1 р. 10 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство

«Детская литература» Государственного комитета РСФСР

по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Гославполиграфпрома

Государственного комитета РСФСР по делам издательства,

полиграфии и книжной торговли.

193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

В 84   Всё — даже свою жизнь!: Сборник документаль-
ных и художественных материалов о героях народов
разных стран — борцах за свободу и независимость
родины против фашизма, неонацизма, империали-
стического диктата и колониализма/Сост. А. А. Сос-
новский; Предисл. О. Мильяса; Оформл. Л. Гераси-
мук. — М.: Дет. лит., 1987. — 287 с., ил.

В пер.: 1 р. 10 к.

В книгу вошли документы, воспоминания, очерки, стихи, посвященные
Э. Тельману, Ю. Фучику, К. Сьенфуэгосу, Ф. Пансу, Э. Че Геваре, К. Фомсеке,
С. Альенде, П. Неруде, В. Харе, Л. А. Корваллану, П. Лумумбе, Э. Мондлане и
Н. Манделе. Предисловие к сборнику написано Орландо Мильясом — членом Полит-
комиссии и Секретариата Центрального Комитета Коммунистической партии Чили.

В 4803020000—305
М101(03)87 474—87

(Сб.)

